

АТИАЛДАН
КУКУЛЛУ

СКАЗАНИЯ
ДРЕВНЕГО
НАРОДА

*Памяти Якова Нисимова, трагически
и безвременно покинувшего нас*

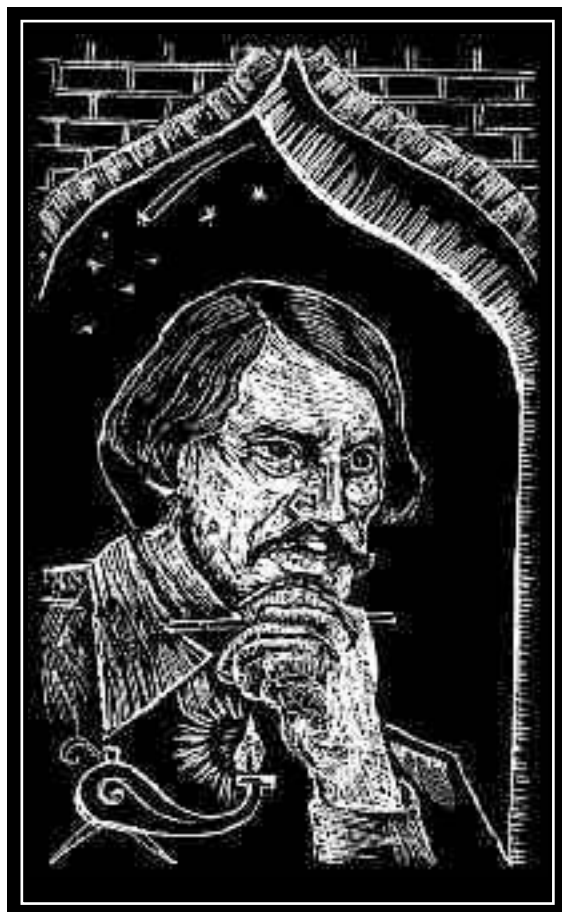
Нисимов Яков родился в 1980 году.

*В 2002 году с отличием окончил Московскую
государственную юридическую академию.*

*Работал помощником прокурора
Бабушкинской районной прокуратуры г. Москвы.*

Трагически погиб 23 мая 2003 года в автокатастрофе.

ЯМЯЛДАН КУКУЛЛУ

поэт, сказочник, фольклорист

Золотой сундук

**АМАЛДАН
КУКУЛҮ**

**Сказание
древнего
народа**

Книга 1

**Амалданик
2003**

УДК 398: 82-34
ББК 82: 83.3
К74

Составитель Д.А. Кукулиев
Автор комментариев Л.Э. Гутцайт

Охраняется законом РФ «Об авторском праве и смежных правах».
Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Амалдан Кукуллу

К74 Сказания древнего народа; Книга 1 / Амалдан Кукуллу. –
М.: Амалданик, 2003. – 208 с.: илл.
Перед вып. дан. авт.: Амалдан Кукуллу (Кукулиев Амал Данилович)
ISBN 5-901546-04-0

Первая книга литературного наследия поэта, сказочника и фольклориста Амалдана Кукуллу посвящена сказаниям горских евреев, которые автор собирал, записывал и подвергал литературной обработке на протяжении всей жизни. Тексты приведены без изъятий и купюр с оригинала авторской рукописи. Книга открывает серию посмертных изданий трудов Амалдана Кукуллу, куда входят пословицы, поговорки, поэтические и изыскательские работы талантливого писателя.

УДК 398: 82-34
ББК 82: 83.3

ISBN 5-901546-04-0

© Кукулиев Д.А., наследник, составление, 2003
© Гутцайт Л.Э., комментарии, 2003
© «Амалданик» ООО, оформление, 2003

Слова признательности и благодарности...

МИРЕ НАСИМОВОЙ – моей маме, сумевшей, несмотря на тяготы бытовой неустроенности, поддерживать тепло домашнего очага. Пройдя вместе с отцом жернова тяжелого лихолетья запретов, гонений и арестов, мама сумела сохранить веру в дело, которому отец посвятил всю свою жизнь. Искренне жаль, что отец не дожил до счастливого момента публичного издания своих трудов.

ИРИНЕ НИКУЛИНОЙ – верному соратнику и сотоварищу моего отца. Благодаря многолетнему труду, еще при жизни отца строчки его творений, записанные далеко не каллиграфическим почерком, были скрупулезно изучены и набраны на компьютере. Кто знает, если бы не Ирина Никулина, в каких архивах и на каких полках пылился бы сейчас фольклор, собранный по крупицам Амалданом Кукуллу.

НИСИМУ НИСИМОВУ – достойному представителю нашего народа, моему брату, который, несмотря на постигшее его личное горе, своим деятельным и деликатным участием инициировал издание литературного наследия Амалдана Кукуллу. Благодаря Нисиму это издание увидело свет.

МОИМ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ КОЛЛЕГАМ И СПОДВИЖНИКАМ, чей, на первый взгляд, невидимый, но весьма осязаемый труд, чьи бесценные рекомендации, сделали возможным реализацию замысла. Искренние, идущие от самого сердца слова адресую Вам, кто не упомянут персонально, но не забыт. Вам, благодаря кому дело, которому Амалдан Кукуллу посвятил свой талант, приобрело реальные очертания и останется в истории.

ОСОБАЯ ВЕЧНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ СЛУЖАЩИМ СИНАГОГИ И ДРУЗЬЯМ, кто поддерживал отца при жизни и проводил его в последний путь...

...от составителя и издателя Даниила Кукулиева

По сказке жить нельзя, а сердиться на нее тем более

У горских евреев Кавказа, джугури, как и у всех народов, издавна существует вражденная любовь к сказке¹.

Сказка является неотъемлемой частью моего народа в его многовековой, запутанной и тревожной жизни. А сами сказители – «овсунечи», всегда пользовались народной любовью и «хурметом» – уважением, почетом. Их всегда сажали на «кунзевер» – почетное место в глубине комнаты и окружали заботой и вниманием.

В чем же дело? Почему такой почет и уважение? А в том, что сказка рождается народом на народно-бытовом говоре и живет для народа. А главное, сказка не имеет предела ни в чем: ни в нормах реальной действительности во всех ее проявлениях, ни в человеческой фантазии. Герои сказок могут творить самые необыкновенные чудеса; побывать в любых, даже не существующих мирах, на седьмом небе – «табага» или под седьмым пластом – «велгъ» – земли; вариться в аду или блаженствовать в раю; увидеть то, что нельзя узреть самым наблюдательным глазом; заставлять скакуна скакать, как бы олицетворяя этим самым в культовом образе вечно движущийся в беспредельном пространстве символ духа человека, одним словом, – сказка может изворачиваться, как заблагорассудится сказителю.

В прошлом, когда были падишахи, то у них были свои придворные поэты и писари: первые воспевали своего правителя, вторые заносили в специальную «тефтер» – книгу – все чрезвычайные события падишахского двора. Были и свои «овсуночиги» – сказители, люди с необыкновенным талантом творческого воображения, мистически-духовным восприятием мира, которые могли обрамлять свои причудливые и самые необыкновенные фантазии в словесный каркас и тем самым пленить своим рассказом даже тот объект, в адрес которого направлены ядовитые стрелы устной народной прозы.

Но можно ли назвать сказителя автором всех, рассказываемых им с одинаковым мастерством сказок? Безусловно, нет! Одни сказки, действительно, могут быть собственностью того или иного сказителя – они его «продукт»; другие – всего лишь пересказ вот уже веками, а может быть и тысячелетиями, кочующий от одного сказителя к другому. В этом случае сказитель служит как бы *дорогой*, по которой вместе с торговыми караванами и пешими дервишами, вместе с военными отрядами и путешественниками едут или идут пешком эти самые сказки. А голова сказителя служит, как бы караван-сараем, что стоит на этой дороге, и в ней останавливаются на «отдых» все путники, т.е. сказки. Они здесь «отдыхают», «сбрасывают усталость», ча-

¹ Здесь публикуется в сокращенном варианте. Полный текст – см. статью А. Кукуллу «Фрагментарный экскурс в историю земную и в религиозно-духовную историю горских евреев Кавказа» (прим. сост.).

сто переодеваются в новые, согласно климатическим или географическим условиям, наряды и снова трогаются в путь с языка сказителя... Они не знают ни границ во времени, ни предела в расстояниях; на их пути много караван-сараев. Сказка вечно в движении, и поэтому она неоднократно меняет свой наряд – мифическую оболочку или окраску, не признавая никаких политических воззрений, отказывается от одной религии и переходит в другую, заодно меняет имена своих питомцев – героев сказки.

Участие сказителя (рассказчика) ощущается во всех случаях. Он служит комментатором, который тут же дает свою оценку или делает ремарку всему тому, о чем повествуется в сказке. Так, например, чтобы выразить свое уважение или переживание за героя сказки, он использует эпитеты: «фагир» – «бедный», «бедмозол» – «несчастный» и т.п. А чтобы подчеркнуть достоинства и подвиги героя сказки, используются эпитеты: «красивый», «добрый», «сильный», «смелый» и т.п. Когда рассказчик повествует о поступках отрицательных типов, им используются в качестве эпитета: «змея», «собака», «свинья», «ведьма», «человеконенавистник», «злюка» и т.п., или он посылает на голову отрицательного персонажа свои проклятия: «Да чтобы его Бог наказал», «Чтобы ему в огне сгореть» и т.п.

Рассказчиком очень часто используются пословицы и поговорки, афоризмы и изречения, проклятия и пожелания. Вообще сказке присуще использование других видов фольклора, выполняя тем самым роль народной педагогики. Сказка находится в большом родстве со всеми другими видами устного народного творчества, для нее характерно заимствование огромного количества прямых и скрытых цитат, использование мотивов и сюжетов из письменной литературы, более того, зачастую логика развития сказочного сюжета подражает логике Святого Писания.

Если внимательно изучить характер и дух горско-еврейских сказок, можно заметить, что все они в какой-то степени отражают *три исторических периода народа джугури*, элементы его материальной, социальной и духовной жизни.

Читая сказки, где героями выступают как известные исторические личности – Зол-богатырь (пахлеван), Рустам, шах Аббас Первый, шах Аббас-оглы, так и другие безымянные, обобщенные падишахи и дервиши, везиры и векилы, нукеры и гаравоши, бикегузы и инчегузы, данусменды и амалданы, можно смело сказать – *это сказки вавилонского и иранского периодов*. В них отражается быт и обычай древнего и средневекового Востока с его дворцами и роскошными «хавузами» – бассейнами; гаремами и тенистыми садами; шумными толпа-базарами, где идет бойкая торговля. В качестве мифических и полумифических существ в сказках этого периода выступают Дэвы, Аждага, Гари-Нене, различные духи, навеянные языческими верованиями, религиозной еврейской литературой и т.п.

Нельзя сказать, что сказки иранского периода заимствованы из персидского фольклора. Они – сказки, как это обычно бывает, переделались, наполнились атрибутами и персонажами жизни, которой пришлось им жить вместе со сказителями. Основные сюжеты уводят нас вглубь истории еврейского народа, ибо, как свидетельствуют древние источники, евреи «шоафарадин» жили и до последнего времени живут в Иране и других восточных странах.

Некоторые сказители утверждают, что их предки рассказывали о том, что род шаха Аббаса Первого (сефевиды) был еоври, т.е. евреи и отца шаха Аббаса звали Худо-бендо. Имя Худо – горско-еврейское название Бога, а слово – бен – означает сын. В роду шаха Аббаса были «джууты», и род этот впоследствии стал принадлежать к исламу шиитского направления. Сами сказители, начиная рассказывать сказки иранского периода, говорят: «Было это или не было, но когда наши предки жили в Иране под правым крылом справедливого и мудрого шаха Аббаса...» Как бы то ни было, все эти факты еще раз свидетельствуют, что сказки иранского периода нераздельны с горскими евреями Кавказа; они – его наследство, а если хотите, – его история, его психология.

Совсем иначе выглядят сказки второго периода – сказки, рожденные в полуфеодальном и полупатриархально-общинном Дагестане и в целом – Южного и Северного Кавказа. Персонажами выступают здесь «оширы» – богачи и беки, ханы и «саабдиги» – городские старшины, муллы и раввины, кадии и «дивун-буры» – судьи, лавочники и крестьяне, кожевники и сапожники, ростовщики и купцы, «фахлечисты» – наемные рабочие. Взамен мифических и полумифических персонажей выступают злые божественные и тотемические существа и духи – Шагаду и Азраил, Сер-Ови и Дедей-Ови, Эней и Эшмедей... А роль иранских «дохдуров» – врачей выполняют «ловловиго» – люди, в основном женщины, которые лечили заговорами и священными молитвенными амулетами.

Отличительной чертой дагестанского периода XVII–XVIII вв. и последующих веков является и то, что в этих сказках скупое используется художественная описательность, меньше здесь той экзотики, мудрости, интригующих конфликтов, которые в изобилии встречаются в сказках иранского периода. Герои сказок дагестанского периода отправляются в соседние «улкего» – страны и города, аулы и селения уже с коммерческой целью купить или что-то продать, или просто «посмотреть, как живут люди в других местах» и в конце, почти всех сказок, возвращаются разбогатева. Вследствие турецко-персидских войн неоднократно восстававшие коренные народы подвергались прямым гонениям и обложению повышенных налогов. Потому в основе сказок дагестанского периода лежат достоверные факты, имевшие

место в Дербенте между 1870–1915 гг. и достоверные личности: Абдулаев, Жавадов, Мардахай Овшолум, Шомоил, Гемриил, Шелму, Менешир и др. Но так как подобные повествования прошли через горнило коллективного авторства – к нам они дошли как сказки. И чем дальше отходили мы, тем безразличнее становились к достоверным личностям. Сказителя не интересует зарождение сказки и фигурирующие личности. Главное для него и тех, кому он рассказывает сказку, – это идейная нагрузка, мораль произведения. Горско-еврейский народ без фальши и лакировки отразил для будущих поколений тот «котлован», где он сам некогда «варился», – и в этом немаловажная ценность изустной повествовательной прозы.

Со свершением в России в 1917 году «революционно-освободительного» движения и позднее – его победой – установлением Советской власти в Дагестане (1920 г.) – у горско-еврейского народа, как и у других народов Кавказа в целом, зарождается *новый период устного народного творчества*. Главная тема этого периода торжество победы и равноправия, торжество тех чаяний и дум, о которых на протяжении веков мечтал угнетенный и оскорбленный трудовой народ.

Популярными мастерами сказок послереволюционного периода были Хизгие-Эми Дадашев, Мардахай Овшолум, Шелму Мемри – в Дербенте; Шоул Семанду, Юси Сафанов, Бираров – в Махачкале; Маштанай Назаров – в Хасавюрте, Хисрун Алхасов – в Нальчике, род Шамаевых – в Грозном.

В сороковых годах, когда появилась возможность записывать веками жившее в изустной форме творчество, выявились новые имена сказителей: в Дербенте 75-летний Рахмил Гуршум, среди женщин – зен (жена) Рувин Мигрей, Гузель Гул-Гулисту и Сенем бат Исроил – Хисибя; в Махачкале – Наамо Хаимова и Юно Хаимов; в Хасавюрте – учитель Гавриил Аронов; в Баку, в Губе, в Ширвоне, в Варташане и в других местах Кавказа были свои мастера устной повествовательной прозы.

Позже, уже после Отечественной войны, да и в годы войны, этот список дополнили такие сказители, как Борис Гаврилов из Дербента, Шурке зен Данил – (эта моя мама) и Бирорле Назаров – из Хасавюрта, Мелко зен Иси – из Грозного, были свои сказители и в Азербайджане – род Гуршумовых, Агаруновых и др.; в Нальчике – род Алхасовых, Мамуловых и др.

Закончить этот фрагментарный экскурс хотелось бы поговоркой, которая на русском языке звучит так: «Если человек каждый день не услышит хоть одно новое слово и не увидит что-нибудь из красот сотворенного Богом мира – то человек этот или глухой, или слепой».

Амалдан Кукуллу
поэт, сказочник, фольклорист.

Золотой сундук

В некотором царстве, в некотором падишахстве, в одной крепости, не вчера, не сегодня, а в давние времена жил-был один ошир, и был у него единственный сын. Отец и мать очень дорожили своим ребенком, как говорится, души в нём не чаяли, себя маяли, а чадо растили. Всё, что ни попросит, что ни пожелает сын, тут же исполняли. И вот, когда юноша достиг тринадцати лет, пришёл он к отцу и говорит:

– Дорогой отец, да быть тебе всегда в здравии. Разреши мне отправиться на охоту, а заодно посмотреть, что в мире делается. Надоело мне всё время дома сидеть. Я уже большой и хочу испытать себя.

Не по душе пришлись отцу слова сына. Он даже вздрогнул, будто чем-то острым поразили его прямо в сердце. Как же так?! Сын, которого все считали ребёнком, стал большим и хочет быть самостоятельным?! Но как бы то ни было, обрадовался отец всей душой, что наконец-то сын стал взрослым. Но тут же опечалился. «На радость или на горе», – подумал он. И в нём одновременно проснулись и радость, и печаль, и неведомая ему, отцу, судьба сына.

– Сыночек, зачем подвергать себя опасностям, зачем отправляться на охоту. На сто лет тебе хватит богатства, которое я накопил. Ведь

у меня же никого нет, кроме тебя, – сказал он дрожащим голосом, обнимая сына.

Долго и по-стариковски внушительно отговаривал ошир сына. Но нет, по-юношески упрямо противился сын и не желал внимать словам отца.

– Я уже взрослый и хочу посмотреть мир, – ещё раз повторил юноша, теперь уже настойчивее.

Ничего не оставалось отцу, как согласиться и разрешить.

– Но смотри, в сторону Востока не направляйся, – предупредил отец.

Недолгими были сборы. Выбрал юноша из отцовского табуна самого лучшего скакуна. Мать сложила сыну в дорогу хурджуны с едой, пожелала добрых напутствий, и сын ошира отправился в путь.

В этот день юноша ни разу не сошёл со своего скакуна. Много поселений встречал он на пути, и наконец, въехал в лес. Объездил все уголки этого леса, но так и не подстрелил ни одного зверя, ни одной птицы. Незаметно наступил вечер. Горы успели спрятать солнце, а юноша так и не повстречал никакой живности, чтобы хоть раз выстрелить из своего ружья. Опечалился сын ошира, опустил свою голову на грудь и чуть не плачет.

«Стыдно перед отцом будет, если вернусь с пустыми руками, – подумал он, – Поеду-ка я на Восток. Мало ли что могут наговорить родители!»

И погнал сын ошира скакуна своего к Востоку. Много ли, мало ли скакал он; много ли, мало ли проехал поселений; ночь ли, три ли ночи был в пути, и, наконец, доехал он до дальнего леса.

«Ну, – думает, – тут-то я наверняка что-то и подстрелю.»

Въехал он в этот лес, объехал все закоулки, но так ничего и не встретил. Кончилось у него всё съестное, что положила мать в дорогу, разозлился юноша на всё на свете и решил ехать дальше.

Долго ли ехал, много ли передумал всяких дум, наконец, проехал он ещё путь, равный всем улицам родного города, и опять ничего желаемого на пути не встретил. Когда он выехал из леса, то увидел у самого горизонта загадочную крепость. Хлестнул кнутом скакуна своего, и тот помчался галопом. Вскоре домчались они до самой крепости.

– Что бы ни случилось, я войду в эту крепость, – решил юноша.

Сошёл он с коня и только тогда почувствовал, как устал и как сильно ему хочется пить, да так сильно, что стала кружиться голова.

Пересилил он свою слабость и, никем не замеченный, вошёл за ограду крепости и видит – стоит красивый каменный дворец. Толкнул он двери и, с трудом передвигаясь, вошёл в дом. Попал в длинный коридор и видит: там на корточках сидит красивая девушка с тугими, длинными до пола, золотыми косами, мочит в серебряном тазу тряпку и моет пол. Там, где она проведёт тряпкой, пол блестит, словно зеркало. Смотрел-смотрел на всё это юноша, и вдруг у него не то от того, что он сильно хотел пить, не то от того, что глазам стало больно смотреть на блестящий пол, ещё сильнее закружилась голова, и он упал.

Девушка вздрогнула от шума, испуганно вскочила и даже хотела вскрикнуть, позвать на помощь. Но когда увидела, что на полу лежит юноша необыкновенной красоты, то успокоилась и подошла к нему.

– Воды, – прошептал сын ошира.

Девушка мигом принесла в серебряном кувшине воды и напоила незнакомца. И тогда он почувствовал, как душа его наполнилась живой, неземной влагой. Ему стало легче, он открыл глаза и увидел, как в нескольких шагах перед ним стоит та самая девушка, которая мыла пол. Сыну ошира стало стыдно за свою слабость. Он быстро поднялся на ноги, и они предстали друг перед другом. Долго стояли они, озаряя друг друга своей красотой. Когда девушка поднимала на юношу глаза свои, он тонул в них, а когда он смотрел на неё – она тонула в его глазах.

Наконец девушка спросила: откуда он и куда путь держит?

Рассказал ей юноша, чей он сын, зачем уехал из дому. Рассказал и о том, как отец отговаривал его ехать в сторону Востока...

– Верно говорил твой отец... Все юноши, которые направлялись на Восток, погибли... Твоё счастье, что я встретила тебя, – сказала девушка. – А то бы смертью кончилось твоё непослушание.

Поведала девушка ещё о том, что эта крепость принадлежит её отцу и что он издал указ: «Всех юношей, чья нога переступит порог его крепости, убивать, а трупы выбрасывать собакам на съедение». И всё потому, что у него есть дочь из Небесного царства и никто не должен знать о её существовании.

Но юноша не слышал ничего из сказанного девушкой. Он так смотрел на неё, что забыл, где он находится и как сюда попал. Ему захотелось навсегда остаться с этой девушкой, любить её, угождать ей во всём и никогда с ней не расставаться.

– Уходи! Если отец узнает, то не быть тебе больше среди живых, – сказала девушка и открыла двери.

Попрощался сын ошира с красавицей и, никем не замеченный, вышел из крепости.

Сел он на своего скакуна, хлестнул кнутом, – и конь взлетел в воздух. Хлестнул он второй раз, – конь исчез за облаками. Хлестнул он в третий раз, – и конь домчал его к отцовской крепости. А вскоре сын переступил порог родительского крова.

Увидев сына живым и невредимым, родители были безмерно обрадованы. Стали они угощать его самыми вкусными яствами и расспрашивать о том, где он был и что видел. Но нет, глаза юноши не видели никаких угощений – в них стоял образ той самой девушки, с которой он повстречался. Уши не слышали родительских расспросов. Он слышал только нежный голос той самой девушки, которая жила в крепости и в которую он влюбился всем сердцем.

Да, любовь – страшная болезнь, и это знают все, кто влюблялся хоть раз. В этот день юноша, уставший с дороги, слегка перекусил и лёг спать. Разве можно заснуть, если думы заняты любимой?..

Как кишки шагаду, тянулась для него эта ночь. Но всякое начало, всякий путь, всякое время имеет свой конец, и эта ночь тоже окончилась. Когда наступил рассвет, он попытался встать с постели – и не смог. Юноша почувствовал страшную слабость во всем теле и остался лежать. Родители уже успели с утра поесть, переделать всякие дела, а он всё продолжал лежать в думках о полюбившейся ему красавице. Солнце достигло середины неба, а он всё не выходил из своей комнаты, продолжая лежать без движения. Забеспокоился отец, что сын не выходит ни к завтраку, ни к обеду, и решил узнать, в чем дело.

Вошёл он к сыну, а сын лежит и не думает вставать.

– Что такое?! – воскликнул отец. – С сыном моим что-то случилось?!

Он подошёл к сыну и спрашивает:

– Сынок, почему ты до сих пор не встаёшь?.. Может, что случилось?..

– Дорогой отец, да быть тебе всегда в здравии, – отвечает сын. – Мне что-то сегодня нездоровится.

Отец от горя прикусил палец, стал в сердцах проклинать ту минуточку, когда он разрешил сыну отправиться на охоту. Но сколько бы отец не жалел о своём решении, от этого сыну не становилось легче.

Он как слёг, так и не вставал. Есть и пить ему приносили в постель, но ел он совсем мало.

Ничего не оставалось делать любящему отцу, как приглашать одного лекаря за другим, дабы помочь единственному сыну скорее поправиться. Но никакие советы, причитания, всевозможные настои из трав не помогали сыну ошира. И он с каждым днём всё худел, терял силы, даже глазами водить перестал.

Как только ни упрашивали его родители и близкие поведать о причине болезни, но из уст не выходило ни одного звука, и глаза его оставались неподвижны.

Нужно сказать, что у сына ошира был единственный друг – сын одного бедняка, которого он очень уважал и мог доверить ему все свои тайны. Так они были дружны, что если один из них не приходил к другому хотя бы день, то тут же другой мчался, чтобы узнать, не стряслось ли чего-нибудь. Так произошло и на сей раз. Ждал друг – сын бедняка – друга своего – сына ошира, – а он всё не приходил... Ждал три дня, три ночи, но его всё не было, и он не давал о себе знать. На четвёртый день сын бедняка пришёл сам. Вошёл в комнату и видит: лежит друг в постели, в глазах – грусть, в голосе – тоска.

– Что случилось? – спрашивает сын бедняка.

А он и ему ни о чём не говорит.

– Да так себе, – отвечает сын ошира.

Долго упрашивал сын бедняка своего друга, а он всё молчал, будто во рту и языка нет, чтобы выразить словами всё происходящее в нём. И вот в один из дней сын бедняка высыпал посреди комнаты, где лежал сын ошира, мешок золы, сел на неё и стал горстями сыпать эту золу себе на голову. А сын ошира лежит и видит всё это. Наконец, он не выдержал и вскричал:

– Да чтобы душа твоя растаяла! Что ты меня терзаешь, я ещё живой, а ты уже по мне траур устраиваешь!

И вот тут-то сын бедняка отвечает своему другу:

– Ах, вот как!.. А разве своим молчанием ты не терзаешь мою душу?! А ещё другом зовёшься. Какой ты мне друг?! Дружья и радость, и горе поровну должны делить.

Сын ошира через силу улыбнулся краями губ и говорит:

– Вставай, отряхни с головы золу и подсаживайся ко мне.

Встал сын бедняка с золы, стряхнул золу с головы и сел на край постели друга. Сыну ошира ничего не оставалось делать, и он начал рассказывать всё, как было: как он отправился на охоту и не встретил ни одной птицы и ни одного зверя, чтобы подстрелить; как он тогда поскакал на Восток; как доскакал до одной загадочной крепости, где живёт красавица, и как он в неё влюбился, – отчего и заболел.

Выслушал всё это сын бедняка и встревожился.

– Я слышал, что эта загадочная крепость принадлежит одному падишаху-злодею, у которого есть дочь, но он её прячет и ни за кого замуж не отдаёт.

– Если она будет моей, то я излечусь, если же нет – то никакие лекари, ни их советы, ни их зелья мне не помогут, – чуть не плача, промолвил сын ошира и добавил: – Я лучше медленной смертью умру!

Узнав причину болезни своего друга, обеспокоенный за его судьбу, сын бедняка решил его успокоить:

– Ты не волнуйся, что-нибудь придумаем, и она будет твоей.

Пришёл сын бедняка к отцу друга и говорит:

– Дорогой богач, сын ваш влюбился и потому заболел.

– Пусть скажет в кого, я немедленно женю его, – обрадовался ошир.

Рассказал ему сын бедняка всё, как есть, и продолжил:

– Я слышал, что много юношей погибло от рук хозяина этой загадочной крепости. Но надо что-то придумать. А то, не дай Бог, мало ли что может случиться с вашим сыном.

– Говорил я ему не ехать на Восток, – вдруг вспыхнул ошир и добавил: – Вот так бывает, кто к словам старших не прислушивается.

– Дорогой богач, сейчас не время сердиться. Нам надо что-то предпринять, чтобы вашего сына поднять на ноги.

– Я сам этого хочу, но как?

И вот тут-то сын бедняка посоветовал оширу отправиться на Восток к хозяину крепости засватать его дочь.

Встревожился ошир и говорит:

– Нет, нет!.. Я слышал, что все, кто приближался к этой крепости, погибали... Ну как к такому злодею посылать сватов... Я бы всё богатство отдал, если бы он согласился выдать свою дочь за сына моего... Всё бы отдал, только бы спасти единственного сына.

Кликнул ошир своих слуг и велел седлать коней, сложить всё, что нужно в дороге, в хурджуны и пожелать ему удачного пути.

– Сам поеду сватать эту красавицу за сына моего, – сказал отец.

Сказано – сделано. Оседлали коней, перекинули через сёдла набитые хурджуны, и ошир, взяв с собой нескольких стражников, тронулся в путь. Долго ли они ехали или недолго, но через семь дней и ночей с заходом солнца были уже у самой крепости, где жила красавица. Вначале ошир и его свита сделали у речки недолгий привал, умылись, напоили и накормили коней, сами поели, – словом, сбросили с себя усталость и затем направились к крепости.

Постучался ошир в чугунные ворота и стал ждать. Долго ждать не пришлось: на стук вышел сам отец девушки.

– Худо кумек эшму! – сказал ошир.

– А эшму! – ответил хозяин крепости. – Заходите.

– Да быть радости в этом доме, – сказал ошир.

Хозяин крепости промолчал, а слуги его привязали коней к перекладине и незаметно скрылись. Вскоре были накрыты столы в честь гостей. Чего только не было подано. Десятки различных блюд и вин! Бери и ешь, пей и наслаждайся! Но нет, не прикоснулся ошир ни к чему.

– Спасибо за гостеприимство, – сказал он и добавил: – У нас есть к вам важное дело. Если оно не будет исполнено, то к еде я не прикоснусь.

– Так уж и быть... Говорите с чем пришли, – сказал хозяин крепости.

И ошир начал:

– У меня есть единственный сын, и он в такой-то день, в такой-то месяц проезжал мимо вашей крепости, заходил сюда, чтобы выпить воды. А угощала его ваша красавица дочь. Увидел он её и, вернувшись, слёг в постель... Так влюбился и заболел, как часто бывает с молодыми... Вот уже три месяца, как он с постели не встаёт. Каких только врачей не приводил я, ничего не помогает. А своему другу он сказал: «Если эта красавица будет моей женой, я встану на ноги, а если нет – то никакие знахари и их советы мне не помогут». И вот приехал я просить вашу дочь в жёны моему единственному сыну. Всё, что вам нужно из моего богатства, я готов отдать. Только согласитесь выдать её за моего сына.

Выслушал всё это хозяин крепости и сказал:

– Да продлятся дни твои, дорогой богач! Ко мне много приходило сватов. Но я им говорил, что у меня нет никакой дочери. Сейчас я этого

не скажу, так как сын ваш её видел. Но скажу, что со дня её рождения, вот уже двенадцать лет, я не имею никакого права выдавать её замуж и обречь на погибель, лишив данного ей Богом призвания, которому она посвящена.

Слова хозяина крепости показались оширу, словно обрушившиеся на голову каменные глыбы со скалы, и от этих ударов, казалось, уже не будет спасения. И тем не менее, ошир решил не отступать.

– Добрый человек, уважь, спаси моего единственного сына и выдай свою дочь, – взмолился ошир.

Долго думал отец девушки, как же помочь оширу спасти его сына от недуга, и, наконец, предложил:

– Есть один выход: пусть днём моя дочь будет с ним, а на ночь возвращается домой.

– Разве такое бывает?! – удивился ошир. – Если девушка выходит замуж, то она остаётся в доме мужа.

– Если вас устраивает моё предложение, значит, так и сделаем, если же нет – другого ничего не могу предложить, – повысив голос, сказал отец девушки.

Ничего не оставалось делать отцу юноши, и он согласился. «Чем ничего, что-то и то лучше, – подумал он и заключил: – Для сегодняшнего дня ещё и завтра день будет.»

Составили отец девушки и отец юноши бумагу, в которой говорилось, что отец девушки отдаёт свою дочь с условием: днём она будет находиться у мужа, а ночью – в доме отца. Заверили они подписями эту бумагу, затем на радостях вкушали до самого утра вкусные обеды, пили вина, рассказывали всякие небылицы, смеялись, веселились... А рано утром ошир и его свита сели на своих скакунов, поблагодарили хозяина крепости за всё хорошее и отправились в обратную дорогу.

Вернулись они домой с радостной вестью, обрадовали сына и стали готовиться к свадьбе. С этого дня сын ошира встал с постели, к нему вернулось здоровье, и ноги стали носить его.

Вскоре наступил день свадьбы. Всех своих друзей и знакомых, всех горожан пригласил ошир на такое торжество. А с восходом солнца сваты привезли и невесту. Семь дней и семь ночей в ушах гостей пребывали звуки зурны и зажигательных мелодий. Все семь дней невеста находилась в доме жениха, а по ночам, как было уговорено, уезжала домой к отцу.

Кончилась свадьба, кончились и хлопоты. Но когда молодые остались наедине, юноша спросил свою невесту:

- Почему ты по ночам уезжаешь к отцу?
- Я ничего на это ответить не могу, – сказала девушка.

Шли дни и месяцы. Днём молодая жена, как и всегда, находилась у своего мужа, а на ночь уезжала.

Надоело мужу всё это, да и перед любопытными друзьями было как-то неловко. Одним молодой супруг отвечал, жена, мол, уехала к дяде; другим – уехала в гости; третьим – ещё что-нибудь... И так каждый раз. Да и ему было неизвестно, куда и к кому жена уезжает. От того настроение его было подавленным, и он становился безразличным ко всему вокруг.

В один из таких вечеров вышел юноша за ворота крепости и сел на скамью. Сидит и думает: куда же каждую ночь уезжает его молодая жена? И надо же, в это самое время мимо крепости проходил седобородый старик. Посмотрел он на опечаленное лицо сына ошира и догадался, что у него что-то недоброе стряслось, да и лицо какое-то слишком бледное и осунувшееся. Остановился странник и произнёс:

- Да будет добрым твой вечер!
- И твой, – ответил сын ошира.

Присел седобородый старик рядом и стал расспрашивать, чем он так опечален.

- А что из того, что я скажу тебе? – ответил юноша.

Странник, ничего не говоря, вытащил из кармана шапку-аракчи, надел юноше на голову и спрашивает:

- Видишь меня?
- Вижу! – отвечает сын ошира.
- А я тебя не вижу, – говорит странник.

Затем он надел эту шапку на себя и спрашивает:

- А теперь видишь?
- Нет! – отвечает юноша.

– А я тебя вижу, – говорит странник. И, сняв с себя шапку, отдал сыну ошира. – Бери!.. Пригодится тебе!..

- Это что, волшебная шапка-невидимка? – спросил юноша.
- Да, – ответил старик.

Сын ошира отблагодарил доброго незнакомца, и на том они разошлись.

Наутро молодая жена приехала к мужу и видит, что он сегодня как никогда весёлый. Обрадовалась она тому, что муж её так изменился. В этот день они шутили, смеялись и не заметили, как наступил вечер.

Вечером, как и всегда, за женой юноши приехала запряжённая четвёркой резвых коней карета. Девушка попрощалась с мужем и вышла во двор. А юноша тут же надел на себя подаренную добрым странником шапку-аракчи и стал невидимым. Вышел он за ворота крепости, сел вместе с женой в карету, и они поехали.

Долго ли ехали или недолго, но, как бы то ни было, доехали они до крепости, где жил отец его жены. Вышла красавица из кареты и вошла в крепость. Муж невидимо последовал за ней. Вошёл он в тот самый коридор, в который входил в первый раз, и видит: пол коридора настолько блестит, что в нём отражаются повешенные на стены ковры, на которых изображены неземные, фантастические сцены.

Жена его прошла в свою комнату. Муж последовал за ней. Только жена села в своё кресло, следом вошла инчегуз, поклонилась и спрашивает:

– Что прикажете принести вам на ужин?

Через некоторое время на стол был подан горячий плов с кишмишем, а сверху плова – жареный гусь. Села девушка с одной стороны стола, а невидимый муж её – с другой. Когда они поели, снова пришла инчегуз, убрала всё со стола и исчезла. Видит невидимый муж: жена его разделась и легла на кровать. Разделся и он, и тоже лёг на другую кровать.

«Нет, мне нельзя спать, я должен узнать, чем занимается ночами моя жена», – не переставая думал он.

А жена тем временем как легла, так и уснула. Но нет, не таков был её муж. Он глаз не смыкает, за всем наблюдает, тайну познать хочет... И вдруг ровно в полночь раздался страшный грохот, да такой сильный, что дворец задрожал, а крыша дворца раскрылась и внутрь комнаты влетел золотой сундук. Только он коснулся пола, жена вскочила с кровати, открыла крышку сундука и быстро вошла в него. Крышка захлопнулась, и золотой сундук снова поднялся вверх и исчез. Улетел золотой сундук, – и всё стало так, как было до этого.

Удивился сын ошира, увидев такое загадочное зрелище.

«Теперь я узнал, почему она днём бывает у меня, а ночью уходит», – подумал он.

И решил сын ошира выяснить всё до конца, чего бы это ему ни стоило. Но сейчас он незаметно уснул крепким сном. Долго ли он спал, или недолго под своей шапкой-аракчи, вдруг сквозь сон слышит страшный грохот. Проснулся, открыл глаза и видит: всё вокруг дрожит, да так, что стены качаются и трещат.

«Вернулась», – подумал он.

Крыша дворца, как и тогда, раскрылась, и в комнату влетел тот же самый золотой сундук. Из сундука вышла его жена, и сундук сразу же улетел. Встал тогда невидимый муж с кровати и притаился в углу. А жена как ни в чём не бывало быстро убрала свою постель, подмела комнату, нарядилась и стала собираться в дорогу к мужу. Вскоре появилась карета. Села жена в карету, а невидимый муж сел рядом. И она поехала, ничего не подозревая о сидящем рядом муже.

Подъехала карета к воротам крепости ошира, а сын его быстро прыгнул с кареты и вбежал в свою комнату. Снял с себя шапку-аракчи и лёг в постель. Вошла молодая жена в комнату и, увидев спящего мужа, возмутилась:

– Ты что до сих пор спишь? Вставай!

А муж, протирая глаза, и говорит:

– Милая, мне интересный сон снился, а ты разбудила.

Рассмеялась жена и говорит:

– Расскажи, и я посмеюсь.

И начал муж рассказывать:

– Сели мы с тобой в карету и поехали в дом твоего отца. Приехали мы, и нас угостили пловом с жареным гусем. Поели мы и легли спать. Только уснули, вдруг послышался страшный грохот, такой грохот, что земля дрожала. Затем крыша дома, где мы спали, раскрылась, и в комнату влетел золотой сундук. Ты быстро влезла в сундук, и сундук улетел.

Удивилась молодая жена: сон это или раскрытие её тайны, но, не подав виду, сказала:

– Вставай лучше, это твоя фантазия. Ты думаешь обо мне, вот тебе и приснился непонятный сон.

Промолчал муж, а сам подумал: «Когда же вечер наступит?»

Долго и томительно тянулся для него этот день. И вот наступил вечер. К воротам дворца опять подъехала карета. Жена попрощалась с мужем и поспешила к карете. За ней, надев шапку-аракчи, последовал и сын ошира. Села девушка в карету, сел незримо и муж.

Долго ли ехали или недолго, но, наконец, доехали к месту. Девушка быстро вышла из кареты и побежала во дворец. Следом поспешил и её муж. Забежала девушка в комнату матери, а муж незримо за ней. И тут он видит и слышит, как жена его рассказывает матери о сне, который видел её муж.

– Не беспокойся, – успокоила мать. – Он, видно, один из тех, отмеченных Богом, которым дано знать всё. Но ты скажи ему: «Разве всё то, что снится нам во сне, может стать правдой?!» Ну а теперь, дочка, успокойся и иди ешь.

Пошла девушка в свою комнату. За ней последовал под шапкой-аракчи сын ошира. Вскоре подали на стол вечернюю еду – опять же горячий плов с жареным гусем.

Поели они: девушка с одной стороны тарелки, а невидимый муж – с другой, и легли спать. Она легла на одну кровать, а он – на другую.

Как и в прошлый раз, ровно в полночь с грохотом прилетел золотой сундук и остановился посередине комнаты. Не успела жена открыть крышку волшебного сундука, как муж быстро влез в сундук и притаился в уголке. Влезла и жена его. Сундук так же с грохотом поднялся вверх и, грохоча, полетел по небу.

Высоко ли поднялся сундук, юноша знать не мог, но догадывался, что внизу остались семь гор, семь морей и семь табага. Как бы то ни было, прилетел этот загадочный сундук на одну из двенадцати Небесных планет и влетел в неопиcуемый земными усердиями людей Небесный дворец. Едва сундук коснулся пола, сын ошира увидел, как жена его быстро выпрыгнула. Следом невидимо выпрыгнул и он. Затем жена быстро прошла в одну из множества комнат дворца, а сундук, скользя по полу, въехал в другую комнату. Сын ошира поспешил за сундуком – и, о чудо! – здесь уже стояли тридцать девять таких же сундуков. Испугался сын ошира, видя такое зрелище. Встал он рядом с тем сундуком, на котором прилетел, и боится отойти куда-нибудь в сторону. Ему представилось, что сундук вдруг улетел, а он остался здесь, один, на неизвестной планете. Он даже хотел крикнуть, но охвативший страх лишил его голоса. Спустя некоторое время до слуха сына ошира дошли звуки неземной музыки. До того приятные и ублажающие душу были эти звуки, впору мертвецу в могиле стать живым и выйти в мир земных людей. Слушая эти звуки, сын ошира забылся, страх покинул его, и он

почувствовал, как душа его обрела невидимые крылья, а ноги привели его в сказочный зал, где на огромных сазах, струны которых были из солнечных лучей, сорок девушек-красавиц, перебирая струны, рождали такую гласную, Божественно-Вселенскую симфонию, которую и словами человеческими не описать, а только внимать этим звукам и забыть, кто ты есть и откуда здесь появился. Видит юноша: дирижирует этим Небесным оркестром женщина, стоящая на несущемся в Небесном пространстве облаке, в ореоле огненно-золотых волос и с дирижёрской светящейся палочкой в руке. Казалось, что это и не женщина, а само необжигаемое солнце, которое достаёт своими лучами лики и души согласованно играющих девушек и их дирижёра.

Стал юноша искать глазами среди этих красавиц жену свою и вдруг видит, как женщина-дирижёр подошла к одной из девушек и стала бить её по рукам.

– Что с тобой?! Почему нарушаешь гласность игры своей? – стала кричать она. – Или влюбилась в кого?

Присмотрелся юноша к той, которую ругали, с трудом узнал в ней свою жену и обрадовался. А между тем жена его обиделась на дирижёра и отложила свой саз в сторону. Жалко стало юноше, что жена его нарушает согласие с теми гласными звуками, которые вдохновенно рождали в этом Небесном пространстве её подруги. Подошёл он незримо к своей жене, взял её саз и стал играть, согласовывая свои звуки души с теми гласными звуками, которые рождали подруги его жены. От такой гласной игры во всей Вселенной бесконечности стали хороводить Божьи ангелы, перелетая с одного облака на другое, а временами долетая и до планеты Земля. Жена сына ошира, невольно заворожённая таким Вселенским звучанием игры своих подружек, блаженно расслабилась и незаметно погружилась в какое-то отрешённое состояние. Лицо её застыло в нежной и умилённой улыбке и стало ещё более очаровательное. Видя жену свою ещё более красивой, чем она была, на душе у сына ошира стало светло и радостно. И он почувствовал, что теперь без неё не сможет прожить и минуты. Когда же жена его пришла в себя, муж невидимо положил её саз на место, а сам отошёл в сторону. Взяла его жена саз и попыталась снова играть, согласовывая звуки своей души с голосами своих подружек. Но как ни старалась, у неё ничего не получалось, отчего все Божьи ангелы, махая крыльями, разом улетели высоко-высоко в Небо и вскоре исчезли с

глаз.

Наконец, наступило время возвращаться по домам. Женщина-дирижёр приказала всем забраться в сундуки и покинуть Небесную обитель. Залезли все тридцать девять девушек-красавиц в свои сундуки. Залезла в свой сороковой сундук и жена сына ошира, а следом, незримо, и сын ошира. Женщина-дирижёр прочитала свои волшебные причитания, и волшебные сундуки взлетели вверх и понеслись по Небесному пространству.

Долго ли летел сундук молодых супругов обратно – нам неизвестно, но наконец прилетел и сел посередине комнаты дворца отца девушки. Вышла она из сундука, а следом невидимо и её муж. А сундук также с грохотом оторвался от пола и исчез за раскрывшейся крышей дворца.

В это утро девушка, как и в прошлый раз, прибрала свою комнату, позавтракала и отправилась во дворец к мужу. Вместе с ней незримо ехал и муж.

Как и в тот раз, юноша вбежал в свою комнату, снял с головы шапку-аракчи и лёг в постель. Вошла в комнату жена и видит, что муж её ещё спит.

– Вставай, что так долго спишь или поздно ложишься?! – говорит она мужу.

Юноша открыл глаза, потянулся и отвечает:

– Эх, милая, мне сон снился, а ты опять разбудила.

– Ладно, вставай!.. Что-то каждую ночь тебе сны стали сниться, – сказала жена.

Поднялся юноша и стал рассказывать, как прилетел в дом родителей жены тот же самый сундук, и как он летал вместе с любимой женой за семь гор, семь морей, и за семь табага в Небесный дворец, где на сазах со струнами из солнечных лучей в лад играли сорок луноподобных девушек-красавиц. И среди них была одна красавица, очень похожая на его любимую жену... А дирижёром, со светящейся палочкой в руке, была женщина с огненно-золотистыми волосами на голове. И играли эти красавицы Божественно-Вселенскую симфонию, согласовывая все Небесные гласные звуки со звуками всех двенадцати планет Вселенной... Но случилось так, что та красавица, похожая на его любимую жену, была чем-то взволнована и, играя на сазе, нарушала Божественно-Вселенскую согласованность, и женщи-

на-дирижёр ругала её...

– Хватит!.. Вставай!.. Надоело!.. – сердито прервала рассказ мужа жена. – Мало ли что может сниться человеку.

Сын ошира стал дожидаться вечера. Долго, как никогда, тянулся этот день уже для жены сына ошира. Она торопилась поскорее вернуться в дом родителей чтобы обо всём рассказать матери.

Вечером прикатила карета, жена сына ошира попрощалась с мужем и, выйдя из дворца, села в карету. Сын ошира быстро надел на голову шапку-аракчи и тоже сел в карету.

Долгой на этот раз показалась девушке дорога. Но как бы то ни было, докатилась карета до дворца, где родители с нетерпением ждали приезда дочери. Вышла из кареты жена сына ошира и бегом в комнату матери. Муж невидимо поспешил за ней. Бросилась дочь к матери на шею и говорит:

– Он опять видел во сне всё, что делаю я ночами... Здесь какой-то джинн усердствует...

– Успокойся, дочь моя, – сказала мать. – Пусть видит себе свои сны... Сон всегда сон... Иди лучше поужинай и не забывай о том, что он, как и ты, отмеченный Богом человек.

Прошла девушка в свою комнату, а юноша – незримо за ней. Инчегуз, как и в прошлый раз, принесла тарелку с пловом и жареным гусем, положила перед своей хозяйкой и ушла. Но нет, не до еды ей было на этот раз. Сидит она удручённая, смотрит на плов, не кушает, а плов между тем уже кончается.

«Что за привидение в нашем доме?! – занервничала жена сына ошира. – Что за злой дух издевается надо мной?!»

Страшно стало девушке, но она переборола свой страх, разделась и легла в кровать. На другую кровать незримо лёг её муж.

В полночь, как и всегда, с грохотом прилетел тот же золотой сундук. Жена сына ошира встала, быстро открыла крышку и залезла в сундук. Туда же залез и её муж. Сундук с грохотом улетел в Небо.

Вскоре сын ошира опять оказался во дворце Божественно-Вселенской обители, куда, как и вчера ночью, прилетали тридцать девять луноподобных красавиц и его любимая жена. Когда сундук влетел в Небесный дворец и коснулся тверди, жена сына ошира быстро открыла крышку и выпрыгнула. То же самое сделал невидимо и её муж.

Затем она быстро прошла в одну из множества комнат Небесного дворца, а сундук, как и в прошлый раз, скользя по полу, въехал в другую комнату и встал между тридцатью девятью такими же сундуками.

Когда жена сына ошира и он сам вошли в зал, то уже все собрались. Жена сына ошира прошла и села на своё место.

Вскоре в зал вбежала женщина-дирижёр с распушенными и спускающимися по плечам огненно-золотыми волосами и, взяв в руки светящуюся дирижёрскую палочку, скомандовала:

– Начали!

Все сорок девушек, в их числе и жена сына ошира, взяли свои сазы и стали перебирать струны из солнечных лучей. А вскоре по пространству Вселенской обители забегали солнечные зайчики, весь зал наполнился гласной Божественно-Вселенской симфонией, звуки которой наполняли слух и душу благодатными руладами беспредельного пространства, согласовывая эти рулады со звуками, рождаемыми всеми двенадцатью планетами во Вселенной, включая и нашу планету Земля. А глазам человеческим эти благодатные рулады дарили возможность видеть всё то, что редко кому из землян удавалось видеть, разве что богоносимым душам, ревностным служителям своих призваний. И воистину! Глаза сына ошира видели, как Всевышний пишет в своей Книге Жизни обо всём, что происходит на всех двенадцати, включая и нашу Землю, планетах, откуда слетались светящиеся мягкокрылые ангелы и хороводили, заполняя собой Вселенское пространство. А архангелы воспроизводили в рассказах все те события, которые некогда имели место быть в разные времена и эпохи как на планете Земля, так и на всех других планетах Вселенной.

Слыша эти назидательные рассказы архангелов и благодатные гласные рулады Божественно-Вселенской симфонии и видя, как хороводили Небесные ангелы, сын ошира невольно чувствовал, как душа его, наполняясь всем этим животворящим, бессмертным пространством, запоминала и согласовывалась в любви со всеми родственными душами всех двенадцати планет Вселенной. И запоминая всё это, в душе он горел ревностным желанием скорее вернуться на Землю и всё то, что постиг душой здесь, в Небесной обители, – переложить на слова, дарованные Богом, и рассказать землянам, чтобы и они постигли Небесную животворящую благодать и единоразумность сотворённого

Творцом Мира.

Но вдруг сын ошира на миг почувствовал, как благодать и память души его чем-то нарушилась, а Небесные ангелы и архангелы тоже нарушили завораживающий ритм хоровода и стали разлетаться на свои планеты. И вот тут-то сын ошира, посмотрев в сторону любимой жены, увидел, как она, играя на сазе, нарушила свою согласованность с игрой на сазе своих подруг. А дирижёр, видя всё это, подошла к его любимой жене и стала кричать:

– Ты что, оглохла, что ли?

У жены сына ошира задрожали руки, и она стала играть ещё хуже, а из глаз покатились слёзы.

Жалко стало сыну ошира жену свою. Видя, как её обидели и довели до слёз, он не знал, что делать, как поступить.

«Всё из-за меня, – подумал он. – Не настоял бы я выходить за меня замуж – она бы и не нарушила свою согласованность с гласными звуками Божественно-Вселенской симфонии.»

Сын ошира невидимо подошёл к своей жене и, взяв её за руку, стал уводить к волшебному золотому сундуку. И она покорно, не понимая, в чём дело, шла за ним.

Увидела всё это женщина-дирижёр, схватила жену сына ошира за другую руку и пуще прежнего закричала:

– Ты куда?! Сядька на своё место!

И вот тут-то сын ошира не выдержал и сильно схватил женщину-дирижёра за руку и произнёс:

– Отстаньте!.. Мы любим друг друга и уже поженились.

Женщина-дирижёр отпустила руку девушки и сердито прокричала:

– Невежда земных страстей! Отпусти мою руку и забирай свою любимую... И больше чтобы я вас, отродье змеи-искусительницы, не видела здесь!

И вот тут-то сын ошира снял с головы свою шапку-аракчи и предстал как юноша, излучающий свет восходящего утреннего солнца в ясную весеннюю погоду. Он окинул всех присутствующих здесь во Вселенской обители своим смиренно-блаженным взглядом, выражая тем самым явную любовь ко всему, что им было обозреваемо и что его уши слышали, а глаза – видели.

Все девушки, увидев юношу, так и замерли на своих местах, удивлён-

но приоткрыв рты и часто-часто моргая от ослепительного света, исходящего от лица этого юноши. Смягчила свой гнев и женщина-дирижёр, глядя на видимого уже виновника Вселенского разлада невежественно-земными страстями гласных звуков Божественно-Вселенской симфонии.

– Идите и продолжайте жить по земным страстям, – сказала, наконец, женщина-дирижёр.

Сын ошира и его любимая жена влезли в золотой сундук и полетели. Вскоре сундук, как и раньше, с грохотом влетел в комнату девушки, а когда из него выбрались молодые супруги, тут же улетел. Спустя нескольких минут инчегуз принесла плов с жареным гусем и удалилась. Но жена сына ошира не стала есть, а побежала в комнату матери и со слезами на глазах стала жаловаться.

– Нас изгнали из Божественно-Вселенского оркестра... Лучше бы меня не выдавали замуж... Не хочу я быть невеждой с земными страстями...

Слышал сын ошира справедливую жалобу жены и, в сердцах сокрушаясь, думал о том, что во всём случившемся виноват он, и тем не менее сознавал, что без жены своей жить не сможет на свете.

Вскоре подъехала карета. Жена сына ошира села в неё. Рядом, уже видимо, сел и сам сын ошира, и они поехали.

Шли дни за днями. Молодые супруги наконец-то стали и днём и ночью бывать вместе и, казалось, были рады и довольны. Но с каждым днём они всё больше понимали, что всё то, что им пришлось прочувствовать в Божественно-Вселенском царстве, исчезло. Спустя ещё какое-то время молодые супруги не находили себе места, души их стали черстветь, отчего им порою казалось, что в душе у них сам дьявол хозяйничает, злорадствует. В такие минуты молодой супруг спрашивал жену:

– Что нам делать?.. Так дальше жить нельзя... Мы превращаемся в нелюдей.

– У меня ответа и совета по этому поводу нет, – говорила жена, не находя себе места. – Я сама чувствую, что я уже не человек.

И вот в один из таких тягостных дней сын ошира, обращаясь к жене, сказал:

– Милая моя, послушай!.. Я сочинил молитву... Давай вместе молить-

ся!.. Помощи у Худо просить!..

– Ты прав!.. Нам надо чаще молиться и Худо просить о помощи, – согласилась с его предложением жена.

И стали они вместе, нараспев, во всеуслышание молиться такими словами:

– Благословен Ты, Худо, Владыка Вселенной, по Слову которого наступает вечер и который мудростью Своей открывает Небесные врата, и по разумению Своему чередует времена, и располагает звёзды по местам на своде Небесном по воле Своей! Сотворивший день и ночь, удаляет Он свет пред тьмой и тьму – перед светом; уводит день, и приводит ночь, и отделяет день от ночи! Благословен Ты, Худо, по Слову которого Сотворен мир и Слово которое было, есть и придёт незбылемо в Тебе и в нас для прославления Твоего могущества и Твоего милосердия!

Наш долг – восхвалять Тебя – Творца всего мира! Провозглашать величие и разумность Создателя Вселенной со всеми мирами и гармонией между ними!

Мы взываем к Тебе и обращаем наши взоры. Вспомни милость Свою к нам, Владыка и Покровитель наш, не оставь нас без Любви, Покровительства Своего! Не припоминай нам наши прошлые земные грехи! Прости и поскорее ниспошли на нас милосердие Твоё, ведь мы совсем обессилены, бездеятельны, погружены во мрак уныния и скорби...

Долго со слезами на глазах молились сын ошира и его любимая жена. От их умиленной, единогласованной молитвы казалось, что всё вокруг очищалось от всего того, что могло хоть как-то быть поводом к стеснению, раздражению, раздору. И напротив: всё вокруг обретало беспредельный Вселенский простор, а воздух благоухал всеми запахами весеннего сада, от чего души сына ошира и его любимой жены обретали невидимые крылья, и они, вместе с небесными ангелами, парили вокруг Божьего престола и им было так хорошо и благостно, что лучшего и желать не стоило. А нужно сказать, слыша молитвы сына ошира и его любимой жены, Сам Господь повелел Небесным ангелам снизойти к молящимся и вознести их к Его престолу, дабы могли они снова обрести Его милосердие и совершали бы Богоугодные дела и не лишали себя тех даров, которыми их наделил Господь.

Кто знает, сколько времени души сына ошира и его любимой жены ле-

тали вокруг Божьего престола и вдыхали благоухающие запахи весеннего сада, но одно известно – в комнате сына ошира и его любимой жены во множестве летали Небесные ангелы. Они не шумно размахивали крыльями, изгоняя из души молящихся всё то, что сковывало их волю и мешало им вернуться к своему Божественному предназначению.

Спустя некоторое время до слуха сына ошира и его любимой жены докатился страшный грохот, такой страшный, что всё вокруг задрожало. Все, кто обитал в этой крепости, в том числе и родители, обеспокоенные этим страшным грохотом, прибежали в комнату, где жили молодые супруги. Вбежали они туда и замерли на месте, увидев, как крыша дворца раскрылась, и в комнату влетел золотой сундук. Едва сундук коснулся пола, крышка сундука мигом раскрылась, и из него выбрался седобородый старик. В правой руке он держал медный посох, набалдашник которого изображал свернувшуюся в клубок змею, с кончика языка которой стекал яд. Сын ошира сразу узнал седобородого старика. Это был тот самый странник, который некогда подарил ему шапку-аракчи, с помощью которой он узнал тайну ночных событий, связанных с его женой, а узнав, перестал терзаться душой и, более того, вместе с женой побывал во дворце Небесной обители. Сын ошира, обрадованный таинственной и неожиданной встречей с добрым странником, хотел было броситься к нему, чтобы крепко обнять. Но седобородый старик, подняв свой посох к Небу, сказал:

– Причина вашей неуверенности в себе и мучительные терзания души – вот эта земноползущая змея-искусительница... Вы забыли, что ещё Меошиерах призывал всех не уподобляться этой искусительнице, а брать пример с поднебесных птиц... Если вы хотите снова вознестись до Божьего трона, вы должны раздавить этого змея – виновника всех ваших скорбей и терзаний души!

Седобородый старик бросил под ноги сына ошира и его жены свой медный посох, который и, вправду, вмиг превратился в живую змею, извиваясь, она готова была ужалить любого. Но не тут-то было, сын ошира и его любимая жена разом бросились к змее и, наступив на неё, раздавили. В этот миг сын ошира и его жена почувствовали, как просторно и светло стало у них на душе, будто само Небо и яркое, необжигающее солнце вошло туда и властвовать стало. Глядя друг на друга, сын ошира и его любимая жена сами стали излучать Небесный

свет, а летающие вокруг Небесные ангелы походили на тысячи солнечных зайчиков, перемещавшихся по лицам присутствующих людей.

– Слушай меня внимательно, – обратился седобородый старик к сыну ошира. – Я твой ангел. У нас одно, данное Богом, имя. Это имя Говосуночи, что значит – Словом Творца и Его волей омывая людские души... Отныне Богом тебе явлено быть сказителем... Постигай Тайну Божьей Книги Жизни. Она тебе Богом дарована и находится в этом сундуке, чтобы ты, постигая её, мог рассказывать людям.

Сказав всё это, седобородый старик выдернул из своей бороды один седой волос и приложил к лицу сына ошира. И вот тут-то все присутствующие увидели, как у сына ошира выросла такая же седая борода, как и у его ангела.

– А теперь, – сказал ангел, – надень на голову подаренную мной шапку-аракчи и знай, когда Всевышний пишет на Небесах свою Книгу Жизни о делах и поступках людей, обо всех событиях на Земле, Он незримо пребывает под этой Небесной шапкой... Стоит тебе, сказителю, пожелать и поведать людям о житие-бытие человеческом, проведи руками по своей бороде и коснись макушки своей головы, и уста твои расскажут людям забавные, хитро-мудрые сказки и сказания, притчи и назидания, предания и легенды... Словом, обо всём, что было, есть и будет...

Нужно сказать, что сын ошира и вправду почувствовал в себе дар сказителя и хотел было поведать собравшимся сказание о легендарном Золе-богатыре, его сыне Рустаме и его внуке Бежоне, но вдруг в комнату влетела на светящемся облаке знакомая сыну ошира и его любимой жене женщина-дирижёр в ореоле огненно-золотистых волос и с дирижёрской светящейся палочкой в руке.

– Благословляю твою любовь, – сказала она, обращаясь к жене сына ошира и добавила: – Я твой ангел и зовут меня Аразичино, что значит – Вселенские звуки яви волей Божьей людям... Отныне твоё имя такое же, как и у меня... Оно даровано тебе Богом, и ты должна это оправдать!

Жена сына ошира почувствовала, как душа и слух её наполняются ласкающими звуками Вселенского пространства. Ей даже захотелось взять в руки саз и воспроизвести эти Небесные звуки, согласующие души всех землян с душами, живущих во Вселенских обителях сородичей. Но тут она услышала слова, обращенные к ней её ангелом:

– Я буду за тебя молиться... Но и ты не забывай обо мне, – сказала женщина-дирижёр.

– Запомни это и ты, – обращаясь к сыну ошира, сказал седобородый старик.

Вскоре взобрался он на светящееся облако, где стояла женщина-дирижёр, и они улетели высоко в Небо, к Престолу Всевышнего.

И вот теперь наконец-то все присутствующие стали просить Говосуночи-сказителя рассказать им что-нибудь из Книги Жизни. Долго упрашивать не пришлось, и Говосуночи принялся рассказывать одну сказку за другой, а любимая жена его Аразичино, сидя рядом, играла на сазе, сопровождая его рассказ Небесными, согласующими души присутствующих здесь людей, звуками.

Среди этих людей был и сам ошир с женой, друг-бедняк с матерью. Все глядели на сына ошира и его жену-красавицу и радовались всей душой, а сам ошир думал не о тех сундуках с золотом и драгоценностями, которые хранились в его подземных хранилищах, а о том золотом сундуке, на котором летал его единственный сын со своею любимой женой к Божьему престолу и постигал там всё то, что им было дано от Бога.

Говорят, на то золото и драгоценности, что хранились в сундуках ошира, он на пустыре построил нимаз и стал с женой ходить туда и воздавать Всевышнему молитвы за Его щедрость и нетленное богатство. Частыми гостями у них бывали и родители жены сына ошира и радовались, видя и слыша, как согласованно и в ладу перед Богом живут их дочь с сыном ошира.

Вскоре молва о Божьем даре сына ошира и его любимой жены разнеслась по всему свету, и люди приходили к ним, чтобы слушать сказания и сказки, сопровождаемые Божественной музыкой.

Рустам, сын Зола

В далёкие времена царствовал справедливый Зол-богатырь. Было у него четыреста храбрых богатырей, верных ему воинов. Не раз и не два шёл Зол войной против тех, кто обижал слабых и беззащитных людей, и каждый раз одерживал заслуженную победу. Любил народ Зола-богатыря и всегда желал ему самого лучшего. И было среди этих пожеланий одно, исполнения которого больше всего желал храбрый Зол: ему очень хотелось сына.

Наконец, в один из прекрасных дней сокровенное желание Зола исполнилось: родила ему жена сына. Не было границ радости отца. Устроил он по такому случаю небывалый пир. Пригласил со всех концов мудрецов и наказал, чтобы они дали мальчику имя. Думали-думали бородатые мудрецы и, наконец, назвали мальчика Рустамом.

Шли дни, недели, месяцы. Рустаму исполнилось три года. Стал он руками до стола доставать. Однажды взял он со стола орех, зажал в кулаке и раздавил его. Обрадовался Зол силе мальчика и сказал жене:

– О, жена, правильно говорят наши старики: сын отца – в отца пойдёт. Видишь, как наш сын орехи давит?!

А жена усмехнулась и отвечает:

– Вижу дорогой! Но думается мне, что твой сын превзойдёт и тебя!

Прошло, говорят, ещё два-три года. Начал Рустам по двору бегать, играть с детьми богатырей. Однажды в игре схватил он за руку одного мальчика, дёрнул – и рука оторвалась. А через день-другой схватил он другого мальчика за ногу, дёрнул – нога оторвалась. Стали отцы и матери несчастных мальчиков с жалобами к Золу приходить.

– Так и так, – говорят, – твой сын искалечил наших детей.

Позвал Зол сына, накричал на него, пригрозил, что больше не выпустит из дому. А Рустам ему в ответ:

– Отец, я тут ни при чём! Я не хотел так!

Понял Зол, что сын не по годам сильный и не по годам мудрый, и говорит:

– Сын мой, прошу тебя, не смей никого хватать за руки и за ноги.

Пообещал Рустам отцу, что больше не будет этого делать, и опять побежал во двор играть с детьми.

В это время увидел Рустам, как дворцовый конюшенный вывел на водопой богатырских коней.

– Эй, дай коня прокатиться! – говорит конюшенному Рустам.

Не стал конюшенный отказывать.

– Бери, – говорит, – только не упади!

Не успел Рустам вскочить на коня, как конь заржал и тут же замертво свалился с переломанной спиной. Прибежал конюшенный к Золу и рассказал всё, как было.

Удивился Зол такому случаю и приказал подобрать сыну самого крепкого скакуна.

Сказано – сделано. Подобрал конюшенный самого крепкого коня и предложил мальчику сесть. Вложил Рустам ногу в стремя и только было собрался перебросить через седло другую, как конь страшно заржал, словно кто его огнём прижёт. Перепугался мальчик, тут же сошёл с коня и видит: у скакуна несколько рёбер сломано. Увидел с балкона всё это Зол и говорит сам себе: «Горе мне с таким сыном будет, горе!.. Для такого, как он, и скакуна не сыщешь!»

А Рустам тем временем уже играл с мальчишками в другом конце двора. Играет, а сам боится схватить кого-нибудь за руку или за ногу.

Шли дни. Мальчику исполнилось двенадцать лет.

И вот в один из дней случилось так, что в игре он сломал своему свер-

стнику четыре ребра. А этот мальчик был сыном самого храброго богатыря, которого Зол очень любил. Затаил богатырь против Рустама зло и решил обманом завлечь его высоко в горы и сбросить со скалы в ущелье. Но случилось так, что каким-то чудом один из богатырей узнал об этом и по секрету сообщил Золу.

Поначалу Зол рассердился на своего любимого богатыря, хотел даже казнить его, но потом понял, что этого не следует делать.

Лучше я выстрою сыну в горах дворец и поселю его одного там, решил он.

За вечерней едой Зол обратился к сыну:

– Сын мой, ты уже взрослый! Решил я, твой отец, построить в горах крепость и поселить тебя там.

Понял Рустам, на что намекает отец, и ответил:

– Знаю, отец, хочешь избавиться от непослушного сына. Воля твоя! Поступай как знаешь!

Вскоре крепость была построена. Отвёл отец туда сына и, прощаясь, сказал:

– Сын мой, думаю, ты сможешь сам себя и прокормить, и защитить. А если нужны будут какие советы, ищи их в древних книгах. Они в седьмой комнате. Только знай, сын мой, я, Зол-богатырь, всю свою жизнь разумом и храбростью служил делу справедливости. И тебе, сын мой, наказываю служить тому же!

Стал Рустам жить в крепости. Целые дни охотился и тем добывал себе еду. А вечером подвинет к себе поближе светильник и читает древние книги. Многим мудростям жизни научили мальчика древние писания.

Но однажды решил Рустам отправиться в другие страны, посмотреть, как там живут люди, чем занимаются. «Одному здесь и одичать можно», – подумал он и вскоре пустился в путь. Шёл он день, другой, третий. Множество гор прошёл, рек переплыл и, наконец, подошёл к горной дороге. Смотрит, а на одной скале высечен огромный трёхголовый дэв, у которого в объятиях – прекрасная девушка, а у страшных ног дэва лежат убитые юноши. «Что бы это значило?!» – удивился Рустам и поспешил осмотреть это место.

Не успел он сделать и нескольких шагов, как увидел вдали, под самым небом, облако пыли.

«Это что ещё за чудеса?! – подумал Рустам. – Может быть, ураган там бушует!»

Облако быстро приближалось, застилая всё небо. Приложил тогда Рустам к земле ухо и услышал грохот рушащихся скал. «Здесь что-то недоброе!» – решил он и заспешил к месту беды.

Кто знает, сколько Рустам бежал по этой дороге. Но когда он спустился к подножию горы, то встретил там толпы людей. Они с проклятиями на устах шли вверх по той же дороге, по которой бежал вниз Рустам.

– Что здесь происходит? – спросил Рустам, приблизившись.

– Чтоб их Бог покарал! – закричали люди и стали рассказывать, как на их мирный степной город напали горные разбойники и потребовали, чтобы горожане оставили все свои ценности и покинули дома.

– Где же эти разбойники? – любопытствовал Рустам.

– Они на самой вершине горы! – ответили из толпы и пояснили, что оттуда разбойники швыряют на их город каменные глыбы.

– А где ваш царь? – спросил Рустам.

– Он погрузил на верблюдов своё богатство, свою семью и вместе с дворцовой стражей убежал, оставив нас, горожан, без солнца над головой, без родной земли под ногами.

Не стал Рустам ни о чём больше расспрашивать. Только приказал он охваченной страхом толпе подождать его, а сам отправился в город. Идёт он по улицам, и видит: многие дома разрушены, а над городом клубится огромное облако пыли. А кони степняков ржут и мечутся по улицам.

– Ге-ге-гей! – крикнул Рустам что было силы и стал ждать.

Услыхали разбойники этот крик. Перестали сбрасывать с горы каменные глыбы. Постепенно облако пыли рассеялось, и глазам Рустама предстала скала, на вершине которой засели разбойники. Вырвал он тогда из земли огромное дерево, раскрутил его над головой и с силой бросил высоко вверх. Полетело дерево в сторону той скалы, где засели разбойники, и ветвями прижало их. Удивились разбойники: никогда им не приходилось встречаться с человеком, который мог огромное дерево вырвать с корнями и забросить высоко на вершину горы.

– Ну и силища у этого полоумного! – сказал один из разбойников.

А атаман вытаращил глаза, смотрит вниз на Рустама и не знает, что делать дальше.

А Рустам тем временем подобрал кусок белой глины и крупными буквами написал на скале: «Разум – лучшее лекарство! Доверьтесь разуму, и вы излечитесь!»

Не поняли разбойники, что предлагает им богатырь.

Атаман подумал и приказал подать коня.

– Поскачу вниз и узнаю, чего он хочет! – крикнул атаман и, вскочив на коня, поскакал вниз.

Когда он подъехал к Рустаму и сошёл с коня, Рустам положил руку на спину скакуна. Спина у жеребца согнулась, ещё чуть-чуть и она могла бы сломаться.

Как увидел это атаман, затрясся, на миг лишился голоса, стоит с широко открытыми глазами.

Смекнул Рустам, что перед ним атаман, и говорит:

– Лучше делать добро, чем зло!

Промолчал атаман. А Рустам опять ему:

– Сколько в шайке мужчин?

– Сорок! – рассерженно ответил тот.

– Женить всех надо, – сурово проговорил Рустам и приказал атаману, чтобы тот велел своей шайке спускаться вниз.

Атаману поневоле пришлось покориться. Свистнул он три раза, махнул рукой, и разбойники мигом прискакали на своих скакунах и стали как вкопанные перед атаманом. Стоят и ничего толком понять не могут. Да и сам атаман не знает, как быть, что делать. Вроде не спит, а всё как во сне. «Как же так, – думает он, – я, храбрый атаман, испугался какого-то полоумного?!» Почувствовал он прилив сил, глаза его налились злобой и с криком «Гей-гей!» бросился он на Рустама. Бросились на Рустама и остальные разбойники. Они подобно летучим мышам вцепились в него, решив повалить и задушить. Но не тут-то было! Повёл Рустам одним плечом – двадцать разбойников с шумом покатались по земле и остались лежать. Повёл Рустам другим плечом – и остальные разбойники разлетелись как мухи. Подошёл Рустам к атаману, поднял его одним пальцем, поставил на ноги и говорит:

– Ну как, атаман, сдаёшься или обнажим кинжалы?

– Сдаюсь! Сдаюсь! – закричал в страхе атаман и стал просить пощады. – Требуй, чего хочешь, только не убивай нас, богатырь, не убивай!

И вот тут-то Рустам сказал:

– Ладно! Не стану убивать! Но требую, чтобы все вы женились и навсегда бросили разбой!

Вскоре в сорока дворах степного города забили барабаны и заиграла весёлая музыка. Все плясали, пили вина, ели вкусные кушанья и воздавали хвалу силе и справедливости Рустама. Только Рустам не придавал этим лестным словам никакого значения. Всё это время он думал об одном: о чём должен поведать путнику тот рисунок, который довелось ему увидеть на скале у горной дороги? Может быть, кому-то нужна его помощь?!

Всему приходит конец. Пришёл конец и радостным свадебным дням. Поселили почтенные старцы степного города Рустама в царский дворец и ушли по своим домам.

Спустя несколько дней Рустам услышал, как кто-то стучится в дворцовые ворота.

– Входите! Ворота открыты! – с балкона крикнул Рустам.

Когда ворота открылись, он увидел внизу почтенных старцев города и пригласил их войти к нему.

– Мы не переступим твоего порога, если ты, Рустам, сын Зола, не дашь нам своего согласия стать нашим царём, – сказали почтенные старцы города.

Приложил Рустам к груди руку, поклонился пришедшим в знак глубокой признательности и сказал:

– Пусть царём будет тот, у кого есть желание. А у меня в жизни другая цель.

– А чем отблагодарить тебя, богатырь, за твоё доброе дело? – спросили Рустама почтенные старцы.

И тогда Рустам сказал:

– У меня к вам, почтенные, будет одна просьба.

– Да быть нам всем твоей жертвой, говори, – попросили присутствующие.

И Рустам сказал:

– Постройте мне на вершине той самой горы, где были разбойники, крепость. А от жеребца атамана-разбойника и лучшей кобылы степняков выведите жеребёнка и тоже поместите в крепости.

Не прошло и сорока дней, как крепость была сооружена. Её высокие

каменные стены и башни были украшены всевозможным диковинным орнаментом. Не прошло и года, как в крепость привели и жеребёнка, которого Рустам назвал Рахшаром, что значит – дорога радости, и стал его выхаживать.

Кто знает, сколько времени провёл Рустам в этой крепости?! Но известно, что каждый день он выводил своего жеребца на прогулку и тяжестью руки испытывал его выносливость. Шли дни, и Рустам уже мог осторожно садиться на жеребца, а жеребец выдерживал тяжесть своего хозяина. А спустя ещё некоторое время Рустам мог выводить скакуна на скачки: теперь же жеребец совсем перестал чувствовать тяжесть своего хозяина. А ещё через некоторое время Рустам решил отправиться в путь по той горной дороге, где на одной из скал был изображён огромный страшный дэв.

Пустился Рустам в путь. Пусть он скачет на своём скакуне Рахшаре, а я расскажу о злодействах страшного дэва, которого неизвестная рука изобразила на скале.

А случилось вот что. В горах была крепость, и жил в этой крепости летающий дэв. Много зла причинял он людям вокруг себя. Бывало, проснётся рано утром, взлетит высоко в небо и полетит в сторону какого-нибудь близлежащего селения. Кружится он над селением и такой ветер поднимает, что все дома рушатся и деревья с корнями вырывает. А бывало и так: полетит дэв к селению, пролетит над самой землёй, схватит какую-нибудь красавицу, унесет к себе в крепость и кинет в тёмный зиндан. Какие только проклятия не посылали на его голову бедные люди, но всё было тщетно: дэв продолжал разбойничать и причинять людям много бед.

И вот однажды утром полетел дэв в ту сторону, откуда восходит солнце, и видит: внизу на лужайке парень и девушка расстелили белую скатерть с разной снедью и пируют. А девушка неопишуемой красоты. Если глаза человека увидят её раз, то всю жизнь будут желать увидеть снова и снова. Приметил зоркий глаз дэва красавицу, и помутнел его взор от злости.

– Всё вверх дном переверну, но девушку эту унесу! – решил дэв.

Спустился он пониже. Напустил на парня страшный ветер, и бедного унесло как пушинку.

А девушка пустилась в страхе бежать и звать людей на помощь. Но не тут-то было, настиг её злой дэв, схватил в свои страшные лапы и унёс к себе в крепость.

Видел всё это юноша, но ничего не мог сделать. Пришёл он домой в слезах и печали, упал на постель да так и остался лежать.

День лежит, два лежит, три лежит, месяц, два... Похудел, щепкой стал, а лицо как зола. Забеспокоились отец и мать. Спрашивают сына: скажи, мол, что случилось? А юноша ни слова в ответ, словно его язык мыши унесли и под семь пластов земли спрятали.

Видит мать мучения единственного сына, и глаза слезами горя наполняются, а сердце бедняжки, подобно маслу, расплавилось, перегорело. Совсем женщина голову потеряла: кружится весь день, не зная, куда пойти, что делать? Ну прямо как овца, потерявшая своего ягнёнка.

Пробовал и отец поговорить с сыном, узнать причину его горя. А сын в ответ только головой качает: отстаньте, мол!

Шли дни за днями, недели за неделями. А юноша по-прежнему молчит. Вроде и землёй не пахнет, а мертвецом лежит. Не знает мать, как же помочь сыну, о сне позабыла, извелась вся: день ей не день, ночь не ночь. Отправилась она как-то к соседке, поведала ей обо всём, даже расплакалась. Посоветовала соседка отправиться к одному мудрецу, что жил в Багдаде.

– Расскажи ему обо всём, может быть, чем и поможет твоему горю, – сказала соседка.

На другой день взяла мать денег и отправилась в тот город, где жил мудрец. Пришла она в низенький дом, что стоял на краю города, расспросила о нужном ей человеке. Показали ей, как и где найти этого человека. А спустя некоторое время мать юноши была уже в доме бородатого мудреца. Рассказала она ему всё как есть, ничего не утаила. Выслушал её бородач и говорит:

– Дочь моя, есть лекарство от болезни для твоего сына. Ступай домой и будь спокойна душой. Не пройдёт и дня, как я явлюсь в ваш город и сам дам в руки твоего сына это лекарство!

Вернулась мать домой. А сын по-прежнему лежит худой, как сухая щепка, бледный, как старая зола. Ни словом не обмолвилась мать на этот раз. Завязала она покрепче узелок своего горя и занялась делами по дому.

На следующее утро у их дома появился данусменд. Сел он напротив в тени дерева, раскрыл старинную книгу, повернулся лицом к окну, где лежал убитый горем юноша, и стал петь, как ашуг:

*Если душа от горя болит, и чёрный червь сосёт тебя,
Нужно тогда в душе своей раздавить чёрного червя
И, вскочив, как джигит, на коня, вступить в бой с врагом.
Только в бою, только в бою душу от горя излечишь ты!
Только в бою, только в бою сможешь ты счастье своё обрести!..*

Поёт старец бодрым голосом, а все присутствующие подпевают ему. Услышал юноша песню данусменда, встал с постели, открыл окно и крикнул:

– Эй, чужестранец, это твои песни или ты их от кого другого слышал?

Прервал данусменд своё пение, посмотрел в сторону юноши, усмехнулся и говорит:

– Приди и посмотри! Все они записаны в этой старинной книге.

Вышел юноша на улицу, подошёл к данусменду, упал перед ним на колени и говорит:

– О, почтенный данусменд, удостой наш кров своим посещением, дай мне почитать эту книгу... Не успеет солнце исчезнуть и вновь появиться на небосводе, как я верну её.

Закрыл данусменд книгу, встал, положил руку на плечо юноши и сказал:

– Почему бы и не дать! Грешно таить от людей те мудрости, которые поэты тысячелетиями вкладывали в свои стихи... Для людей они писали, и люди должны их читать. Бери, сын почтенных родителей!

Всю ночь читал юноша стихи, написанные в старинной книге. Многие строки пришлись ему по душе, многие запомнились. Особенно же полюбились ему эти:

*Только в бою, только в бою душу от горя излечишь ты!
Только в бою, только в бою сможешь ты счастье своё обрести.*

В который раз повторял юноша эти строки и чувствовал, как они входили в его душу и кровь, разжигая решимость совершить дерзкий подвиг во имя возлюбленной.

Утром, возвращая книгу, юноша поблагодарил данусменда и сказал:
– О, спаситель души моей, благослови меня на подвиг. Летающий дэв похитил мою возлюбленную, и теперь я твердо решил вступить с этим злодеем в бой. Или погибну сам, или убью злодея!

Кивнул данусменд головой, одобряя решение юноши, и говорит:
– Добрый юноша, знай и помни, что для человеческой души самое необходимое лекарство – мудрые песни и стихи... А теперь ступай и постарайся победить в схватке с дэвом.

На следующее утро собрался юноша в дорогу, обнял родителей, поклонился данусменду и переступил порог дома. Смотрит юноша – жители города ждут-дожидаются его и хотят хоть чем-нибудь помочь. Одни ему коня подводят: бери, мол, конь – лучший друг джигита! Другие огромный меч к поясу привязывают: «Джигит без меча в дороге, что слепой без посоха», – говорят они.

Вскочил юноша на коня и тронулся в путь. Не успел он достигнуть края города, смотрит: двадцать всадников стоят, а к поясам подвешены мечи. Подъехал юноша и понял: это друзья дожидаются.

– Мы с тобой! Будь нашим предводителем и веди нас! – сказали друзья. Поклонился им юноша в знак благодарности, и все поскакали в сторону крепости, где жил летающий злой дэв.

Много дней и ночей пребывали они в пути. Много селений проехали, у многих рек и озёр делали привалы. Только на четырнадцатый день увидели вдали крепость. В этой крепости и жил дэв, а в тёмном зиндане у него томились: возлюбленная этого юноши и ещё двадцать девушек-красавиц.

Увидел дэв всадников, взлетел высоко в небо, полетел им навстречу и стал из ноздрей ветер пускать. Дунул он в первый раз – кони так и замерли на месте, двинуться не могут. Дунул во второй раз – всадники с сёдел попадали, а кони их по сторонам разбежались. Дунул в третий раз – всех на землю свалил. Понял влюблённый юноша, что не так-то просто победить летающего дэва. Приказал он всем лежать ничком, пока не стемнеет.

– Только ночью будем двигаться, – сказал он.

Полетал-полетал дэв над ними и, решив, что дело сделано – юноши убиты, – улетел обратно в крепость.

А когда наступила ночь, вскочили юноши на своих коней и снова поскакали в сторону крепости.

Пусть они скачут, а мы расскажем про дэва. Спит дэв и сквозь сон слышит: где-то кони скачут. Проснулся, прислушался: и вправду скачут. Взял он тогда горящий факел и вылетел из крепости. Летит и видит: к его крепости приближается двадцать один всадник. Разозлился дэв, пролетел над всадниками и стал факелом размахивать, одежду на них жечь. Что тут началось! Кони от страха ржут, на дыбы встают. Юноши кричат, прыгают со своих коней, сбрасывают горящие одежды и бегут прятаться в лес. Спрятались юноши в лесу и думают: как же быть? – Нужно подкоп под крепость сделать! – сказал предводитель.

Стали юноши подкоп делать. Целый месяц рыли и наконец достигли стен крепости. Попробовали они крепостные стены разобрать или дыру пробить. Ничего у них не выходит: стены очень толстые. Решили тогда перелезть через стену.

Дождались ночи, сплели из бурьяна верёвки, забросили их на зубцы стен крепости и только собрались лезть, дэв почуял запах человека, взял горящий факел и вылетел из своего жилища. Стал он факелом жечь юношей. Кричат те от боли, не знают, как быть.

Приказал тогда предводитель одному из друзей садиться на коня и скакать за помощью к Рустаму. Вскочил юноша на коня и поскакал в дальние горы, где Зол построил для сына крепость. Прискакал он, стал в ворота стучаться. Стучит-стучит, а никто ворота не открывает. Перелез юноша через стену, обежал все покои – никого нет. Догадался он, что давно здесь не ступала нога хозяина, поскакал он тогда по городам и селениям просить у людей помощи.

Скакал юноша, скакал и добрался до одной горной дороги. Остановил коня и нарисовал на одной из скал того самого дэва, у которого томилась в заточении возлюбленная его друга. Словом, нарисовал то, что вам уже известно. Затем вскочил на коня и поскакал дальше.

Пусть он скачет и собирает добрых юношей на помощь друзьям, а я расскажу вам про Рустама.

Скачет он, мчится подобно горному потоку. Кто знает, сколько времени он скакал. Но вот достиг подножия одной горы и видит: летает дэв, из ноздрей ветер гонит, да такой сильный, что пыль от земли к небу

поднимается. Посмотрел Рустам вниз: лежат на земле какие-то люди, не то живые, не то мертвые.

– Э-ге-гей! – крикнул Рустам, да так громко, что горы задрожали.

Услыхал дэв этот крик, повернул голову в сторону гор и видит: человек на коне сидит. «Ну, – думает дэв, – сейчас я тебе покажу.»

Полетел он в сторону Рустама и стал ветром дуть. Дунул первый раз, да так сильно, что верхушки деревьев сломались, а Рустаму и коню его хоть бы что. Стоят и с места не сдвинулись. Подлетел тогда дэв поближе, дунул второй раз – деревья с корнями вывернул. А Рустаму и коню хоть бы что: стоят и ни с места. Рассердился дэв, рассвирепел от злости и подлетел к богатырю вплотную. Рустаму только того и надо было, взял он толстый канат, изловчился и набросил на дэва. Затем спрыгнул с коня и стал дэва в воздухе крутить. Крутил-крутил, да и забросил на вершину горы. Ударился дэв об острые скалы и разбился.

Как увидели это юноши, обрадовались: кто лежал – вскочил, кто прятался в кустах – выскочил. А Рустам между тем спрашивает:

– Не скажете ли, чью девушку похитил этот злодей? Видел я на скале у горной дороги изображение дэва, в когтях которого была девушка.

Показали юноши на Шарифа (так звали влюблённого юношу) и обо всём поведали богатырю Рустаму.

Погнал Рустам своего Рахшара к крепости убитого им дэва, сломал одним ударом огромный замок на воротах и въехал в крепость. Подъехал к дверям темницы, зажгёт факел и спустился глубоко вниз. Как увидели заточённые красавицы человека, испугались, крик подняли. А Рустам и говорит им:

– Не бойтесь, дэв убит, а вы спасены!

В это время в темницу прибежал и сам Шариф, а с ним и его друзья.

– Периджан, здесь ли ты, отзовись! – крикнул Шариф своей возлюбленной, спускаясь по ступенькам.

– Здесь я, Шариф, здесь! – отозвалась его возлюбленная. – Я закована цепями.

Бросился Шариф к своей Периджан и разорвал цепи. А юноши – друзья Шарифа – освободили от цепей всех остальных девушек. Что здесь было! Все обнимали друг друга, плакали от радости.

Вскоре они выбрались из темницы. Как увидели юноши красавиц

при свете дня, тут же влюбились в них и пожелали жениться. Да и красавицы полюбили своих спасителей – славных богатырей. Вдруг кто-то из юношей запел песню:

*Если душа от горя болит, и чёрный червь сосёт тебя,
Нужно тогда в душе своей раздавить чёрного червя
И, вскочив, как джигит, на коня, в бой с врагом вступить.
Только в бою, только в бою душу от горя излечишь ты!
Только в бою, только в бою сможешь ты счастье своё обрести!*

А спустя некоторое время юноши обратились к Рустаму с такими словами:

– О, наш заступник Рустам, сын Зола! Оставайся с нами и будь нашим царём!

Приложил Рустам к груди руку в знак благодарности и ответил:

– Царём вашим я быть не могу. У меня есть своё царство. А если вам хочется, чтобы у вас был царь, то им будет уважаемый вами Шариф. Я же останусь с вами ровно столько дней и ночей, сколько дней и ночей будут бить барабаны в честь ваших свадеб.

Семь дней и семь ночей играли музыканты, которые пришли сюда из близлежащих селений. Все плясали и веселились, ели и пили. А на восьмой день Рустам, пожелав всем молодожёнам счастья, вскочил на своего Рахшара, пришпорил его и помчался как ветер по холмам, по долам, по сыпучим пескам, меж колючих кустов, по густым камышам, по горным ущельям, по тайным тропам – в сторону своей крепости.

А юноши тем временем сели на коней, посадили позади себя своих невест и с песнями тронулись в свой город. Кто знает, сколько времени они были в пути, но как бы то ни было, они прибыли под родительский кров. Через несколько дней юноши уговорили своих родителей, друзей и знакомых ехать с ними в крепость, которая когда-то принадлежала летающему дэву.

Когда пришло время, стали они сажать вокруг крепости сады и виноградники, стали сеять хлеб и растить марену, и добрая молва о трудолюбии пришедших сюда людей разнеслась по свету.

О ком теперь рассказать вам, о чём поведать? Расскажу я вам о богатыре Золе.

Много времени прошло с тех пор, как богатырь Зол построил в горах сыну крепость и поселил его там. И вот в один из дней позвал он к себе старшего богатыря и говорит ему:

– Сделай одно доброе дело: садись на коня своего и скачи в крепость к Рустаму. Что-то никаких вестей от него нет.

Сел старший богатырь на коня и мигом доскакал до крепости, где жил Рустам. Подъехал он к воротам, а они заперты. Стучал-стучал богатырь, но всё напрасно – никто не отвечает. Перелез он тогда через крепостные стены, обожал все комнаты – никого нет. Догадался он, что давно здесь не ступала нога хозяина, и забеспокоился. Вскочил на коня, прискакал к Золу и доложил обо всём как есть.

Помрачнел Зол, выслушав рассказ старшего богатыря, и повелел своим богатырям отправиться на поиски Рустама.

Сказано – сделано. Оделись богатыри в дорожные доспехи, вскочили на коней своих и разъехались по разным местам. А Зол насыпал посреди комнаты золы и сел на неё в печали.

Поведаю снова о Рустаме. Кто знает, сколько времени уже находился Рустам в пути! Но в один из дней доехал он до пустыни и видит: сражаются два племени желтокожие и чернокожие. Желтокожие стреляют горящими стрелами в чернокожих, чернокожие – в желтокожих. И у тех и у других много убитых. А над трупами столько воронья летает, что солнечный свет до земли не доходит. Кружится вороньё, кричит:

– Карр-карр! Бейте! Бейте! Убивайте! Убивайте!

Желтокожие думают, что вороны им кричат, а чернокожие думают, что – им. И снова начинают стрелять и убивать друг друга.

Увидел всё это Рустам и закричал:

– Э-ге-гей! Что вы делаете?! Остановитесь!

А вороньё кружит над трупами убитых и ещё громче кричит:

– Карр-карр-р! Бейте! Бейте! Убивайте! Убивайте!

Сошёл Рустам с коня и видит: лежит на земле лук и стрела. Подобрал он лук, вложил в него стрелу, натянул и пустил стрелу в кричащих ворон. Поразила стрела сразу сорок ворон, а остальные разлетелись по разным сторонам.

– Э-ге-гей! – снова крикнул Рустам в сторону обезумевших воинов. – Что вы делаете?! Остановитесь!

Прекратили воины стрелять друг в друга и ждут, что ещё скажет им

чужестранец. А Рустам тем временем вскочил на коня, выехал на середину поля и спрашивает:

– Из-за чего вы устроили такое кровопролитие?

А воины молчат, будто язык проглотили.

Но тут кто-то крикнул:

– А кто ты такой, чтобы к нам с вопросом обращаться?

– Я Рустам, сын Зола! – ответил Рустам.

Как услышали воины имя Зола, побросали стрелы и все разом упали на колени. Понял Рустам, что они своим коленопреклонением почитают доблестные подвиги его отца. Затем, обращаясь к ним, повелел, чтобы к нему подошли самые почтенные старцы из обоих племён.

На середину поля вышли несколько желтокожих стариков и несколько чернокожих. Предложил им Рустам сесть на траву, а затем и сам сел.

– Ну а теперь рассказывайте, из-за чего у вас идёт война? – спросил он.

Первым начал свой рассказ старик из племени чернокожих. Вот о чём он поведал сыну Зола:

– Поле это раньше принадлежало нам, чернокожим. Но когда наши люди ушли на поиски девушки, которую унёс летающий дэв, они, желтокожие, стали разводить на этом поле виноградники. Теперь же, когда мы, чернокожие, вернулись на свои места, желтокожие не отдают нам наши земли и воюют с нами. Вот уже сорок дней и ночей идёт это сражение.

А вот о чём поведал сыну Зола бородатый старик из племени желтокожих:

– Когда чернокожие ушли из этих мест, их земли заполонило черное воронье. Мы пошли войной на проклятых птиц и отстояли эти земли. Затем мы стали разводить здесь виноградники. Откуда ни возьмись явились чернокожие, сожгли наши виноградники и стали воевать с нами. Мы же, желтокожие, порешили: лучше умереть, чем отдать им эти земли. Вот уже сорок дней и сорок ночей, как мы воюем.

Выслушал Рустам, сын Зола, эти рассказы и сказал:

– О, почтенные, я думаю, что теперь это поле никому из вас не принадлежит.

– Как так! – возмутились старцы.

А Рустам и говорит им:

– Поле это принадлежит и чернокожим, и желтокожим, которые

погибли в глупом сражении. Вон их сколько! Долг ваш выкопать на этом месте огромную могилу и предать тела погибших земле.

– Верные слова говорит! – сказали почтенные старцы из племени желтокожих.

– Верные слова говорит! – согласились и почтенные старцы из племени чернокожих.

Вскоре павшие в бою воины были преданы земле, и на этом месте вырос огромный могильный курган.

– Вот он – конец вашей войны! – сказал Рустам, показывая на высокий могильный курган. – Пусть все, кто будет проезжать мимо этого кургана, знают, какие глупые люди есть ещё на свете.

Затем сын Зола предложил желтокожим и чернокожим жить в стране убитого им дэва.

– Сейчас там царь Шариф восседает на троне, – сказал он. – Ему очень нужны и славные воины, и трудолюбивые виноградари.

Сказал так богатырь, сел на верного Рахшара и поскакал в сторону своей крепости.

Кто знает, сколько времени он скакал, но в одну из ночей достиг окраин своего царства. Смотрит: вдали, на стенах его крепости, огни горят. «Что бы это могло быть?» – забеспокоился Рустам и пришпорил коня. Подъехал Рустам к воротам, а навстречу ему выскочил кто-то и кричит:

– Кто ты? Отвечай!

– Я, Рустам сын Зола, хозяин крепости! А ты кто?

– Я богатырь твоего отца! – сказал человек и поведал Рустаму о том, как беспокоится и горюет Зол-богатырь.

– А почему факелы горят на стенах моей крепости? – спросил Рустам.

– Чтобы ты мог увидеть свет и прискакать сюда поскорее! – ответил богатырь.

Вскоре Рустам прибыл во дворец отца. Как увидел Зол-богатырь сына, поднялся с золы и вместо приветствия стал ругать его за то, что столько времени ничего о себе не давал знать. Рассказал ему Рустам о своих ратных подвигах и попросил отца простить его за причиненные горести. Тогда отец нежно прижал Рустама к груди и сказал:

– Рад видеть тебя, сын мой! Рад твоим добрым делам!

На следующий день Зол приказал устроить пир в честь благополуч-

ного возвращения сына. Сорок дней и сорок ночей длился этот пир, и все эти дни приходили и уходили гости.

На сорок первый день Зол позвал к себе сына и говорит:

– Сын мой, пора бы тебе жениться!

А Рустам в ответ сказал такие слова:

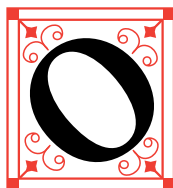
*Если вокруг мир неспокоен, люди в тревоге живут,
Нужно, как дерево, мир встряхнуть, чтобы гнильё стряхнуть.
Нужно джигиту вскочить на коня и в бой с врагом вступить.
Только в схватке со злом мир от тревоги излечишь ты.
Только в бою, только в бою можешь ты счастье своё обрести!*

Прижал Зол сына к груди и говорит:

– Да, сын мой, ты прав: только в бою можно обрести своё настоящее счастье! Бог тебе в помощь! Поступай, как тебе совесть подсказывает!

После этого, говорят, Рустам ещё несколько дней погостил у родителей, а затем снова отправился в путь.

Везир и три мудрых совета Бахлюля

днажды везир одного падишаха гулял по городу. Гулял он, гулял и вышел к берегу моря. Видит: на берегу сидит сам Бахлюль. Сложил он из песка три кучки и что-то шепчет себе нос. «Что бы это значило?» – подумал везир.

Подошёл он к Бахлюлю, обменялся приветствиями и спрашивает:

– Что ты здесь делаешь?

– Песок в кучки собираю, – отвечает Бахлюль.

– Почему же ты предаешься такому бесплодному занятию?! – удивился везир.

– В каждой из этих кучек заключено по одному изречению, – ответил Бахлюль. – Если хочешь их узнать, заплати сколько не жалко и я скажу тебе.

Везир и раньше знал о мудрости Бахлюля и знал, что за его советы люди платят не скупясь. Решил везир узнать, что же посоветует ему Бахлюль, и дал ему десять золотых. Бахлюль взял вознаграждение, затем разметал одну кучку песка и сказал:

– Никогда не доверяй своей тайны женщине.

Везиру понравилось это изречение. И решил он услышать, какой ещё совет припас для него Бахлюль. Дал везир ему ещё десять золотых и попросил сказать второе изречение.

Бахлюль взял и эти деньги, разметал вторую кучку песка и сказал:
– Никогда не надейся на богатство! Знай, богатство приходит и уходит, ремесло же всегда при человеке.

По душе пришлось везиру и это изречение.

– Возьми ещё десять золотых и дай мне ещё один совет, – попросил он.

И Бахлюль продолжил:

– Никогда не доверяй благосклонности шаха!

Сказав так, Бахлюль собрал деньги, которые дал ему везир, и бросил их в море.

– Бахлюль, зачем ты выбросил деньги? – спросил везир.

– Я мог бы и не давать тебе советов, но скажу, чтобы ты понял: не ради денег давал я эти советы, а затем, чтоб вразумить тебя.

Много дней прошло с тех пор. И вот однажды везир решил проверить на деле первый совет Бахлюля.

У падишаха был любимый джейран, и везир решил украсть его. Сказано – сделано. Привёл он джейрана в свой двор и спрятал в конюшне. Затем везир тайком от жены купил козлёнка и тоже спрятал в конюшне. Сделав всё это, он сказал жене:

– Я увёл у падишаха его любимого джейрана. Только ты никому не говори об этом.

– Хорошо, – согласилась жена, – зарежем и съедим.

Тогда везир зарезал козлёнка, ноги и голову выбросил в реку, а тушу принёс и отдал жене.

– Вот, я зарезал джейрана, – сказал он. – Приготовь из его мяса шашлык.

В этот день они лакомились шашлыком, веселились, запивая мясо вином. И так несколько дней подряд жена жарила мясо, угощала мужа и ела сама. В то время слуги падишаха, по его приказу, искали везде пропавшего джейрана.

И вот в один из дней неизвестно из-за чего везир поссорился со своей женой. И жена, рассердившись, крикнула везиру:

– Это ты украл у падишаха джейрана и зарезал его... Вор!

Как раз в это время мимо двора везира проходили нукеры падишаха. Услышали они крики жены везира и сразу побежали к падишаху.

– Твоего джейрана похитил и зарезал твой везир! – доложили они падишаху.

Загорелись недобрым огнём глаза падишаха, и он приказал немедленно привести к нему везира.

Привели везира, и падишах в гневе вскричал:

– Отрубить вору голову!

Упал везир перед своим правителем на колени и говорит:

– О, почтенный падишах! Возьми у меня всё богатство и красавицу жену в придачу, только не лишай меня жизни. Ведь я столько лет служил тебе верой и правдой!

– Нет, не бывать этому! – сказал падишах.

И тут-то везир поведал падишаху всю правду. Рассказал он, как встретил однажды на берегу мудреца Бахлюля и получил от него три совета.

– Вот и решил я проверить, прав ли был Бахлюль, – закончил рассказ везир. – А джейран, мой падишах, живой и невредимый, стоит в моей конюшне.

Слуги привели джейрана, и падишах смягчился и помиловал везира.

Много времени прошло с того злопамятного случая с джейраном. В один из дней везир выгнал свою жену-предательницу, а сам же, выпросив у падишаха два месяца отдыха, отправился в город, где жили его мать и отец. Поведал сын родителям о случившемся, и вскоре женили его на соседской красавице. Свадьба была весёлая и шумная.

...О ком теперь поведать вам, о ком рассказать. Расскажу о разбойниках.

В одну из тёмных ночей к безлюдному дому везира пришли несколько чужестранцев и стали стучаться в окна и двери. И нужно сказать, что эти чужестранцы были не просто чужестранцы, а разбойники. Стучали они, стучали, но на стук никто не отвечал, никто не отзывался.

– Да быть срезанной моей бороде, в доме никого нет! – сказал один из разбойников.

– По всему видно, это дом везира падишаха, – сказал другой разбойник и предложил не торопиться, прийти сюда завтра ночью и выяснить, есть ли кто в доме, или нет.

Пришли они на следующую ночь, стучали-стучали – опять ни ответа, ни отклика.

Убедившись, что в доме никого нет, пришли они на третью ночь, взломали двери, а все, что было в доме везира ценного, забрали и ушли бесследно, никем не замеченные.

Спустя несколько дней вернулся везир с молодой женой к себе, вошёл в дом и видит: там ничего нет, его обворовали. Опечалился он, пришёл к своему падишаху и поведал ему о постигшей беде.

Расчувствовался падишах и дал ему из казны тысячу золотых. И стал везир снова богатым и всеми почитаемым человеком.

Шли дни за днями. Молодая жена везира родила ему сына. Радость его была беспредельна. Как говорят в народе: рождение сына сильнее всех бед и потерь. Забыл везир и о том, как был обворован его дом, и стал потешаться сыном. Но недолго длилась эта радость. В один из дней – и надо же такому быть – в дом везира, по какому-то делу пришли нукеры падишаха. Вошли они и увидели девушку неописуемой красоты. Прибежали они к падишаху и стали расхваливать новую жену везира. Так они расхваливали и расписывали её красоту, что падишах не удержался от соблазна увидеть красавицу.

В тот же вечер приказал он всем своим приближённым и слугам прийти во дворец со своими жёнами на пиршество, устроенное в честь прекрасного сна, который ему приснился вчера ночью.

– Кто не соизволит прийти, того я разжалую и выдворю вон, – пригрозил он во всеуслышание.

Ничего не оставалось делать приближённым и слугам падишаха: пришли они в назначенное время со своими жёнами на пиршество. Явился и везир со своей молодой женой-красавицей. Как увидел падишах жену везира, тут же прикусил палец, дабы усмирить свой пыл. И решил он завладеть очаровательной красавицей. Уединился он со своими нукерами и стали они вместе думать, как падишаху утолить пыл своей души. Долго они советовались и задумали чёрное дело. На утро падишах вызвал к себе везира и приказал:

– Собирайся в дорогу!.. Поезжай в далёкую страну царя гор, отыщи там труп погребённого моего гонца Шан-Хоана, откопай его и привези! Привезёшь – вознагражу, нет – лучше не появляйся на глаза, голову велю отрубить.

Вернулся везир домой, и поведал он обо всём своей молодой жене.

– Я знаю, что задумал падишах, – сказала жена, – он, посылая тебя за невозможным, посягает на меня. Хочет сделать меня своей наложницей.

– Что же нам делать, любовь моя?! – почти в слезах спросил везир.

И тут жена ответила:

– Давай уедем из этой страны.

– Но куда?

– Куда придется! – спокойно ответила жена и тут же посоветовала мужу попросить у падишаха недели две на сборы. За это время, – продолжала она, – поспеши продать всё, что можно продать. И только тогда мы украдкой можем сбежать.

Но не тут-то было. Подслушали нукеры падишаха разговор мужа и жены и сразу доложили своему повелителю. Разгневался падишах, затрясся от злости и приказал немедленно выдворить своего везира с женой и младенцем из дома с пустыми руками, а богатства везира поделить между нукерами-доносчиками в награду за верную службу.

Сказано – сделано. Постарались нукеры исполнить приказ своего повелителя.

Через несколько дней бывший везир ходил по шумному базару другого падишахства и вспоминал сказанные ему некогда мудрые советы Бахлюля.

– Валлах! Прав был мудрец Бахлюль! – говорил себе везир, упорно раздумывая над тем, как ему жить дальше. Вспомнились мудрые слова, которые Бахлюль извлёк из второй кучки песка, «Никогда не надейся на богатство. Знай, богатство приходит и уходит, ремесло же всегда при человеке».

– О, Худо! – в надежде воскликнул бывший везир. – Какие верные слова!.. Нужно срочно выучиться какому-нибудь ремеслу.

Вскоре бывший везир выучился ремеслу чеканщика по металлу, и дела его стали постепенно поправляться.

Вот так везир испытал на себе все три совета мудреца Бахлюля, и более того – сам стал мудрее в жизненных обстоятельствах.

**ВО ГАЛАМ, ВО САЛАМ.
СЛАВА ИМ, СКАЗКА НАМ!**

Обиженного людьми судьба да вознаграждает

В некотором царстве, в некотором падишахстве жил-был шестидесятилетний правитель, и звали его Шоофорадин. Пышные хоромы, бескрайние сады, большая казна и три жены были у этого правителя. Старшая из жён была дочерью хана, средняя – дочерью бея, младшая – дочерью бедного пастуха. И ни одна из жён не могла родить ему ни одного ребёнка, и правитель был очень несчастлив.

Однажды Шоофорадин сидел у окна, что выходило на дорогу. В это время по дороге проходил странствующий данандей. Увидел он в окне печальное лицо правителя и стал петь песню:

*Я – странник, и много я царств исходил,
Я видел царей, в их глазах только солнце.
В твоих – колодец пустой, а в груди
Тяжёлые тучи, закрывшие сердце...*

Услышал Шоофорадин песню данандея и ещё больше помрачнел. Разгневался на данандея, который своими песнями тербит и без того зудящую рану сердца, и велел слугам схватить и привести его во дворец.

– Ты же видел, что я грущу, зачем на мою рану ещё соль сыплешь своими глупыми песнями? – зло спросил Шоофорадин.

Данандей ответил:

– Увидел я в окне твоё грустное лицо и решил узнать в чём твоя печаль. Так бы меня к тебе не впустили. А пропел я эту песню – ты и позвал меня... О чем ты грустишь, почтеннейший Шоофорадин? О, не говори, я знаю сам: у тебя нет детей... Вот затем я и пришёл сюда. Дам я тебе одно яблоко, и у тебя будут два сына. Когда им исполнится по восемнадцать лет, одного из них ты отдашь мне.

Согласился Шоофорадин, они заключили договор и заверили печатью. Одну бумажку данандей забрал себе, а другую оставил Шоофорадину. После чего данандей достал из кармана яблоко и передал бездетному правителю.

– Разделишь это яблоко на две части; одну половину съешь пополам с одной женой, другую половину – с другой. У тебя будут два сына. Одного из них ты отдашь мне. – Сказал так данандей, взял за это несколько золотых и с тем ушёл.

Остался правитель наедине со своим горем и задумался: есть ли правда в этой затее? У него было два советника: везира правой руки звали Ахмед, а везира левой руки – Самед. Ахмед был очень злым и кровожадным, а Самед был добрым и честно исполнял свои обязанности. Решил бездетный правитель посоветоваться с ними. Позвал он советников и рассказал о случившемся.

Ахмед сказал:

– Почтенный Шоофорадин, данандей обманывают людей и тем живут. Вот и вас этот колдун решил обмануть.

Нужно сказать, что Ахмед хотел, чтобы у падишаха не было детей и на престол встал его – везира – сын.

А Самед сказал иначе:

– Я верю данандею. Если вы, почтеннейший, сделаете всё так, как велел данандей, у вас будут дети.

Послушался бездетный Шоофорадин Самеду и вечером пошёл в покои старшей жены – дочери хана. Здесь он разрезал яблоко на две половинки; одну часть спрятал, а с другой снял кожуру и съел со старшей женой поровну, – и они достигли желаемого. Во второй вечер взял Шоофорадин оставшуюся половину яблока, отправился к средней

жене – дочери бея – и тоже достиг желаемого. На третью ночь пришёл правитель к третьей жене – дочери пастуха, рассказал про данандея, про яблоко и, довольный своим успехом, насмешливо сказал:

– Дочь пастуха, тебе-то яблоко я не принёс, всё с другими женами съел.

– Не беда, если я не отведаю вашего волшебного яблока, – ответила дочь пастуха, – я всё равно достигну желаемого. В этот вечер они всё же доверились друг другу.

Не знал Шоофорадин, что ещё раньше, когда он чистил яблоко, дочь пастуха находилась в соседней комнате. Почувствовала она запах яблока, потихоньку вошла в покои, где находились правитель со своей старшей женой, и съела всю кожуру, которую правитель выбросил.

Незаметно прошло девять месяцев, а жены правителя так и не рожали обещанных данандеем сыновей. Теревит бороду Шоофорадин, места себе не находит, на жён гневается. Но прошло ещё девять дней, девять часов, девять минут и все три жены родили ему по сыну.

Ликованию Шоофорадина не было предела. Отметил он это радостное событие богатым пиршеством, пригласил мудрецов, чтобы дали младенцам имена. Сына его старшей жены – дочери хана – назвали Мелик-Мамед; сына его средней жены – дочери бея – Мелик-Ахмед; а сына его младшей жены – дочери пастуха – назвали Мелик-Джумшид. К каждому ребёнку приставили по семь нянек, и Шоофорадин приказал всем нянькам ни под каким предлогом не выпускать детей во двор: кабы чего не случилось. Велел кормить их самыми вкусными обедами, чтобы скорее росли и были здоровыми. А когда сыновьям исполнилось по семь лет, пригласили во дворец данусмендов и стали детей учить древним мудростям.

Шли дни, сменяя друг друга. Шли месяцы, сменяя друг друга. И вот исполнилось мальчикам по семнадцать лет. За эти годы они ни разу не видели солнца: всё время их держали дома, обучали грамоте и хорошим манерам. Но однажды им принесли мясной обед, а в обеде оказалась кость. Съели дети всё, а костью стали кидаться. Вдруг Мелик-Джумшид бросил кость и нечаянно угодил в окно. Окно разбилось, и в комнату ворвался солнечный свет. Обрадовались ребята солнцу и стали ловить его лучи. Бегают по комнате, прыгают, а поймать никак не могут. В это время зашли няньки, и ребята стали проситься во двор поиграть.

– Мы во двор хотим! Мы уже взрослые! – пристали они.

Пошли няньки к отцу и доложили о случившемся.

Разгневался Шоофорадин на придворных поваров за то, что в обеде оказалась кость, и тут же решил выгнать их, а детям разрешил играть во дворе, на свежем воздухе.

Прошёл ещё год. И в тот день, когда ребятам исполнилось по восемнадцать лет, ко дворцу отца детей подошёл тот самый данандей. Постучался он в ворота и сказал везирам, что хочет видеть падишаха. Везиры доложили своему правителю. Дал падишах своё разрешение, данандей прошёл, и поклонившись, пожелал ему многих лет. Усадил падишах гостя и стал расспрашивать: «Откуда идёшь, куда направляешься, какие новости в мире?»

А данандей отвечает ему:

– Новостей особых нет. А пришёл я затем, чтобы забрать у тебя одного из сыновей и усыновить.

Разгневался Шоофорадин на данандея и говорит:

– Бери всё, что пожелаешь, а сына не дам.

Данандей в ответ:

– Мне ничего не нужно. Отдай мне одного мальчика согласно нашей договоренности. – И достал из-за пазухи договор с подписью и печатью падишаха.

Ничего не оставалось делать Шоофорадину. Пришёл он к своей старшей жене – дочери хана – и говорит:

– Восемнадцать лет тому назад я заключил с этим колдуном договор о том, что одного из наших сыновей мы отдадим ему.

– Не отдам я сына своего, хоть убей меня, – закричала старшая жена и выгнала их обоих.

Пришёл падишах к средней жене – дочери бея – и говорит:

– Восемнадцать лет тому назад этот колдун дал мне яблоко, и тогда у нас родились сыновья. За это я обещал ему отдать навсегда одного из сыновей. Отдай ему своего сына.

– У меня он единственный, ни за что его не отдам! – закричала дочь бея.

Пришёл тогда Шоофорадин к младшей жене – дочери бедного пас-туха – и говорит:

– Восемнадцать лет назад заключил я с этим колдуном договор о том, что он возьмёт у меня одного из моих сыновей. Он нам дал яблоко, и у

нас родились мальчики... Ходил я к старшей жене, – она выгнала и не отдала своего сына. Ходил я к средней жене, – и она тоже выгнала ... Отдай хоть ты своего сына данандею.

Ничего не оставалось делать дочери бедного пастуха. Отдала она своего Мелик-Джумшида и попросила, чтобы смотрели за ним, как за родным.

Пришёл сын к матери прощаться. Благословила мать дитя своего, наказала беречь себя и помнить о том, что есть у него мать, да отпустила с Богом. Затем Мелик-Джумшид пришёл к своему старшему брату – сыну дочери хана – и говорит:

– Брат мой, я ухожу, ты остаёшься. Вот что я скажу тебе на прощание, может быть, тебе удастся помочь мне. – Мелик-Джумшид снимает с ремня свой кинжал и отдает брату. – Повесь этот кинжал на стену. Если с конца кинжала будет капать кровь, а на той чинаре, что растёт в отцовском дворе, желтеть и осыпаться листья – знай, я в опасности. Спешу мне на помощь. Если же вдруг с кинжала кровь будет не капать, а течь, а на чинаре осыплются все листья до одного: я умер и уже не ходи за мной.

Попрощались братья и на том разошлись.

Взял данандей Мелик-Джумшида, и они предались дороге. Через семь гор перешли, по ущельям брели, шли семь месяцев и семь недель, много ли, мало ли шли, – оглянулись назад, – а всего-то пути прошли с полторы иголки, а впереди ещё путь, равный кишкам шагаду. Опять пошли. Долго-долго шли и дошли до одного леса, через который протекала река, а река бурная, всё что попадётся ей – всё уносит. Остановился данандей на этой стороне реки и говорит Мелик-Джумшиду:

– Переходи на ту сторону, а потом и я перейду.

Засучил юноша шаровары и вошёл в воду. Дошёл до середины и видит: перед ним огромный череп. Вместо глаз у него бездонные, как два колодца, глазницы зияют; вместо носа – глубокая, как ущелье, яма, вместо зубов – хребты гор во рту... Словом, что и говорить: если даже во сне такое приснится, и то сердце выскочит от страха.

Но не испугался Мелик-Джумшид черепа. Стал он брызгать в него водой, а сам идет дальше. Но вдруг череп заговорил человеческим голосом:

– Мелик-Джумшид, если ты спишь – проснись, если бодрствуешь – слушай... Я был таким же юношей, как и ты, но и меня этот данандей-колдун привёл к себе, сварил в котле и съел, а кости бросил в реку. Остался от меня только череп. Я прошу тебя, отомсти ему за меня.

Стал Мелик-Джумшид слушать, – весь превратился в слух, всем телом слушает о чём говорит ему череп. А череп продолжал:

– Приведёт тебя злой колдун к себе в дом и скажет: «Вот уже восемнадцать лет, как я жду, чтобы ты пришёл и подмёл мою комнату». А ты отвечай: «Дорогой отец, я сын такого богатого падишаха, что не научился подметать, – ты подмети, а я посмотрю и сам научусь». Потом он скажет тебе: «Вот уже восемнадцать лет, как я жду, чтобы ты пришёл и принёс мне воды». А ты отвечай: «Я сын такого богатого падишаха, что никогда не носил воду. Сначала ты принеси, а я посмотрю, научусь, и потом сам буду носить». Потом он скажет тебе: «Вот уже восемнадцать лет, как я жду, чтобы ты пришёл и наколот дров». А ты, не будь дураком, и отвечай ему: «Я сын такого богатого падишаха, никогда не колол дрова, сначала ты наколи, а я посмотрю, научусь, и буду колоть». Потом он тебе скажет: «Вот уже восемнадцать лет, как я жду, чтобы ты пришёл, разжёл огонь и поставил котёл на очаг». А ты, не будь дураком, и скажи ему: «Я сын такого богатого падишаха, где мне было видеть, как разжигают огонь и ставят котёл. Сначала ты сам это сделай, а я посмотрю, научусь, и сам буду так делать». Он сделает всё это и скажет тебе: «Вот уже восемнадцать лет, как я жду, чтобы ты пришёл и посмотрел в котёл». А тут ты и скажи ему: «Я сын такого богатого падишаха, откуда я могу знать, как в котёл смотрят? Сначала посмотри сам, я научусь, и также буду делать». Когда колдун наклонится, ты возьми да и опрокинь его в кипящий котёл. Он будет тебя умолять, чтобы отпустил, будет обещать тебе всё, что хочешь. Но ты не слушай. Если послушаешься и отпустишь, то он убьёт тебя и выбросит в эту реку. Ты станешь таким же большим заколдованным черепом... А сделаешь всё так, как я посоветовал, спасибо мне скажешь... Ну, теперь ступай.

Сказал всё это череп и исчез под водой.

Перешёл Мелик-Джумшид речку и стал данандея на том берегу дожидаться. Перешёл данандей реку, и они тронулись опять в путь. Тысячу

шагов прошли, семь рек перешли, по горам брели – много шли, оглянулись назад, а всего-то пути прошли с полторы иголки, а впереди путь, равный кишкам шагаду. Но не остановились – пошли дальше.

Пока они идут, мы вам расскажем о падишахстве Шоофорадина – отца Мелик-Джумшида.

Разгневался как-то отец Мелик-Джумшида на младшую жену, дочь бедного пастуха, и приказал бросить её в застенки. Сидит она в сыром застенке, ни дня не знает, ни ночи; вся от горя слезами изошла, поседела.

...А между тем сын её Мелик-Джумшид и данандей прошли ещё путь, равный тысячи шагам, прошли ещё семь гор, семь рек, семь раз спустились в ущелье и семь раз поднимались, – оглянулись назад, а всего-то прошли путь величиной с кинжал и ещё вдобавок путь, равный кишкам шагаду. Наконец, дошли они до леса, а в этом лесу стоит огромный, в сорок комнат, дворец данандея.

Вошли они во дворец, и данандей стал показывать юноше свои владения. В тридцати семи комнатах побывал Мелик-Джумшид, и во всех комнатах доверху лежат драгоценности мира.

– Теперь ты хозяин всех этих комнат, и всё, что в них есть, отныне твоё, – сказал данандей. Но оставшиеся три комнаты он не показал и ничего о них не рассказал. А хранились в них одежды трёх пахлеванов, снаряжение для трёх горячих коней, а в третьей комнате – сами кони.

Когда наступил вечер, данандей и Мелик-Джумшид легли спать. Спали они или не спали, видели сны или не видели, но с восходом солнца проснулся данандей и говорит:

– Сын мой, вставай, подмети комнату. Вот уже восемнадцать лет, как я жду, чтобы ты пришёл и подмёл мою комнату.

Мелик-Джумшид встает, одевается и отвечает:

– Дорогой отец, я сын очень богатого падишаха, и не научился подметать – ты подмети, а я посмотрю и сам научусь.

Взял данандей в руки веник из верблюжьего хвоста и начал подметать. Он подметает, а юноша молчит и смотрит. Закончил данандей подметать и говорит:

– Дорогой сын, я вот уже восемнадцать лет, как жду, чтобы ты принёс мне воды.

А Мелик-Джумшид отвечает ему:

– Дорогой отец, я сын очень богатого падишаха, никогда не носил во-

ду, – ты принеси, а я посмотрю, научусь и сам принесу.

Ничего не оставалось делать данандею: взял он два ведра, а вёдра не такие, как наши, – каждое с колодец, сходил к речке, принёс воды и говорит:

– Дорогой сын, вот уже восемнадцать лет, как я жду, чтобы ты пришёл и наколот мне дров.

А Мелик-Джумшид отвечает:

– Дорогой отец, я сын очень богатого падишаха, никогда не колот дрова, сначала ты поколи, а я посмотрю, научусь и буду сам колоть.

Взял данандей огромный, как ствол дуба, топор и стал колоть. Гору наколот, а затем говорит:

– Дорогой сын, вот уже восемнадцать лет, как я жду, чтобы ты пришёл и разжжёт огонь, поставил котел на очаг.

А Мелик-Джумшид опять своё:

– Дорогой отец, я сын такого богатого падишаха, где мне было видеть, как разжигать огонь и ставить котёл на очаг. Сначала ты сам это сделай, а я посмотрю, научусь и сам буду делать.

Ничего не оставалось делать хитрому данандею, положил он в очаг дрова, ударил кулаком о кулак и высек огонь. Затем поставил на очаг огромный-преогромный котёл, налил в него воды и говорит:

– Дорогой сын, вот уже восемнадцать лет жду, чтобы ты пришёл и посмотрел в котёл: кипит вода или нет?

А Мелик-Джумшид ему и отвечает:

– Дорогой отец, я сын такого богатого падишаха, откуда я могу знать, кипит вода или нет? Сначала посмотри сам, я научусь и так же буду делать.

Разозлился данандей необученности Мелик-Джумшида, открыл крышку и стал смотреть. А Мелик-Джумшид только того и ждал. Подскочил он к хитрому данандею да и опрокинул его в кипящий котёл. Свалился колдун в котёл и тут же сварился.

Остался Мелик-Джумшид один в этом далёком и никому не известном дворце.

«Куда идти? Как идти? Что делать?» – думает Мелик-Джумшид.

Стал он по комнатам ходить, драгоценности рассматривать. Тридцать семь комнат прошёл – ничего не стал брать. Но когда дошёл до тридцать восьмой комнаты, постоял у запертой огромным замком две-

ри и подумал, что же может быть в этой комнате? Взломал он замок, вошёл и видит: висят на стене три пахлеванских наряда. Не стал он их трогать. Взломал замок тридцать девятой комнаты, вошёл и видит: здесь три добротных седла лежат на полу. Взломал юноша замок на дверях сороковой комнаты, а там три горячих скакуна стоят и овёс едят. Одному скакуну два года, другому – три, а третьему – четыре.

Призадумался юноша, какого же скакуна брать?

Пока он думал, третий конь, которому четыре года, вдруг сказал человеческим голосом:

– Мелик-Джумшид, садись на меня. Я всегда смогу помочь тебе.

Взял тогда юноша из тридцать девятой комнаты одно седло, оседлал скакуна, из тридцать восьмой комнаты взял один пахлеванский наряд, надел на себя и, вскочив на скакуна, доверился дороге. А дорога пролегла через густой, дремучий лес. Направил он скакуна направо. Едет, с трудом пробиваясь сквозь кустарники. Долго ли он ехал или недолго, только лес всё не кончался, и Мелик-Джумшид заблудился. Вдруг слышит Мелик-Джумшид страшный рёв где-то вблизи. До того страшный, что сердце замирает. Другой бы испугался, но нет, не таков Мелик-Джумшид! Он смело направил скакуна туда, откуда доносился рёв. Подъехал к опушке и видит: бегают на трёх ногах огромный лев и ревёт во всё горло. Так ревёт, что деревья валятся.

– Эй, друг, что с тобой? Почему так сильно ревёшь? – спросил Мелик-Джумшид льва.

– Что, слепой, что ли? – отвечает лев. – Не видишь, заноза в лапе сидит, вот и реву от боли.

– Слушай, друг, давай я тебе помогу, вытащу из лапы занозу, – сказал Мелик-Джумшид, а сам залез в яму, чтобы лев не бросился на него да не растерзал в гневе, и говорит: – Дай мне свою лапу!

Обрадовался лев, сунул в яму опухшую лапу и говорит:

– Вытаскивай!

Достал Мелик-Джумшид свой нож, вскрыл рану и стал вытаскивать занозу. А лев кричит, гневается:

– Вай-ай! Кто там меня мучает? Попался бы ты мне в лапы, я бы тебя разорвал на куски...

Как бы то ни было, вытащил Мелик-Джумшид занозу и отпустил льва. Успокоился лев, свалился на бок и заснул. Когда лев проснул-

ся, а проснулся он на третий день, то увидел около себя нож которым вытаскивали из его лапы занозу. Лев встал, ступил на лапу – не болит. И стал кричать он, да так громко, что за семь гор слышно:

– Эй, кто меня так успокоил? Клянусь волосами плешивого, излечившему меня чудотворцу дам всё, что ни попросит! Только пусть покажется!

Собрались на крик льва звери: здесь и шакалы, здесь и зайцы, и волки, и лисицы, и даже туры... Словом, все звери, какие обитали в этом лесу.

– Ну! Кто из вас успокоил меня? – спрашивает лев.

– Я излечил, – отвечает заяц.

– Как? – спрашивает лев.

– Я поставил пиявку к ране, а пиявка вытащила занозу, – соврал заяц.

– Это ложь, – рычит лев.

Тут выступил шакал вперёд и говорит:

– Я вытащил занозу, почтенный лев.

– Как? – спрашивает лев.

– Я разжёл костер, подержал в огне твою лапу, и заноза сгорела.

– Это ложь, – вскричал лев.

Но тут, услышав крики льва, явился Мелик-Джумшид и говорит:

– Это я вытащил, почтенный лев.

– Как? – спрашивает лев.

– Ножом, – отвечает Мелик-Джумшид.

– Этим? – лев показывает нож.

– Да, этим, – отвечает Мелик-Джумшид.

Тогда лев говорит:

– Требуй всё, что хочешь! Я всегда готов тебе служить.

– Мне ничего не надо, – говорит Мелик-Джумшид, – только помоги выбраться из этого леса.

Позвал лев к себе своих львят и одного из них отдал Мелик-Джумшиду.

– Если ты не будешь хорошо служить этому доброму юноше, я отрекусь от тебя, – сказал лев львёнку.

– Клянусь делать всё, что скажет хозяин, – ответил львёнок.

Доверился Мелик-Джумшид львёнку, сел на скакуна, и они тронулись с места. Много ли, мало ли пути прошли Мелик-Джумшид и львёнок, всё же выбрались они из леса. Когда они прошли три горы, встретили чабана. Чабан испугался их и бросился бежать, оставив свою отару.

А Мелик-Джумшид ему вслед кричит:

– Эй, чабан, не убегай, не бойся, мы ничего дурного не сделаем тебе.

Остановился чабан, и они разговорились, доверились друг другу, а вскоре и подружились. Зарезал по такому случаю чабан самого жирного барашка и приготовил вкусный шашлык. Ух, какой вкусный! За семь лесов доносился его запах! Поели они вкусно, накормили львёнка. Взял Мелик-Джумшид у чабана кишку от барашка, пригодится, мол, и снова тронулся в путь.

Много ли, мало ли шли они, а всего-то прошли с полторы иголки, а впереди ещё путь, равный кишкам шагаду. Наконец дошли они до огненной дороги, - дорога горит, как сухое дерево в печи. Так горит, что за семь морей видно пламя. Остановил Мелик-Джумшид скакуна и думает: как же быть? И тут львёнок говорит Мелик-Джумшиду:

– Я пойду первым, если сгорю – вы не ходите за мной, а если не сгорю – тогда и вы можете проходить через огонь.

– Нет, мы вместе должны проходить. Если сгорим, так все вместе, – говорит Мелик-Джумшид.

Сказано – сделано. Стали все вместе переходить через огонь. В одном месте обойдут пламя, в другом перепрыгнут через него, в третьем наступят на пламя и дальше пойдут. Словом, как бы то ни было, прошли они сквозь огонь и остановились передохнуть.

Когда они расположились на отдых, Мелик-Джумшид стал осматривать своего скакуна: не обгорел ли? Всё нормально – ни одного ожога! Затем осмотрел львёнка: всё нормально – ни одного ожога! Потом посмотрел на свои руки и видит, что на левой руке половина мизинца превратилась в золото. Провел он рукой по голове – волосы стали золотыми. Удивился Мелик-Джумшид такому чуду.

Вскоре они вновь тронулись в путь. Много ли, мало ли они шли, но прошли ещё одну гору и одну речку. Когда они подходили к реке, им повстречался нищий. Остановил Мелик-Джумшид нищего и предложил обменяться с ним одеждой! Но нищий не поверил словам Мелик-Джумшида. Тогда Мелик-Джумшид снял с себя пахлеванскую одежду и отдал нищему. Сам же оделся в платье нищего, а на голову натянул баранью кишку. Сел на скакуна и поехал дальше.

Тысячи шагов прошли, семь гор перешли, по ущельям брели, семь недель и семь часов шли, много ли, мало ли шли, оглянулись назад, а

всего-то пути прошли они с полторы иголки и ещё путь, равный кишкам шагаду. Осмотрелись вокруг и видят: впереди виднеется один город.

– Всем идти в город нельзя – испугаются, – сказал Мелик-Джумшид львёнку и коню своему. – Или убьют нас, или от страха убежать будут. Лучше я пойду, один. А вы идите в лес и ждите меня там.

А конь говорит юноше:

– Мелик-Джумшид, возьми мой волос, как только я тебе буду нужен, сожги его, и я тут же явлюсь.

Взял он волосок, отпустил скакуна и львёнка в лес, а сам пошёл в город. Вошёл в город, смотрит – сад, а вокруг него каменная стена с башнями и войти в сад невозможно никак. Стал юноша обходить сад и видит – в стене дыра. Пролез он через дыру и стал есть вкусные плоды. А когда наелся, прилёг в тени большой яблони, да и уснул.

О ком рассказать вам, о ком поведать? Расскажем о садовнике Рахаиме, о Гургур-падишахе, хозяине этого сада, и его дочерях.

Итак, детей у садовника Рахаима не было, и потому он целыми днями находился в саду, ухаживал за деревьями и цветниками, от того сад и выглядел очень красивым. В саду этом цветок с цветком перекликается, соловей – с соловьём. Каждое дерево своего цвета, и у каждого цветка свой аромат. И всё это сделано руками садовника Рахаима. Случилось так, что шёл по саду Рахаим и видит: в тени одной яблони лежит какой-то нищий, – голова плешивая, одежда рваная, а сам такой красивый, не ешь, не спи – с утра до вечера любуйся!

Жалко стало садовнику бедного юношу, разбудил он его и к себе домой пригласил. А когда накормил, расспрашивать стал: кто, откуда, куда идёт и как прошёл в сад?

Мелик-Джумшид ответил:

– Я нищий странник, а пришёл сюда из другой далёкой страны. Нет у меня ни отца, ни матери. А в сад я пролез через дыру. Хотелось очень есть и потому залез. А когда поел немного фруктов, решил прилечь отдохнуть, да и уснул.

Выслушал садовник юношу и говорит:

– У меня нет детей, оставайся у меня, я буду тебе отцом. Станем вместе в саду работать.

Мелик-Джумшид согласился. Каждое утро он теперь вместе с садовником ухаживал за садом. И так шли дни за днями. Но однажды в сад пришёл нукер падишаха и сказал:

– Сегодня в сад пожелуют падишахские дочери. Падишах приказал приготовить для них букеты.

Рахаим проводил нукера и, взяв с собой Мелик-Джумшида, пошёл рвать цветы.

– Для кого будем букеты делать? – спрашивает Мелик-Джумшид названного отца.

– У падишаха три дочери. Они уже взрослые и время выдавать их замуж. Вот они-то и должны приехать сюда отдыхать, – ответил садовник.

– Дорогой отец, разреши мне тоже связать один букет, – стал просить садовника Мелик-Джумшид.

– Для самого себя разрешаю, а падишахским дочерям не смей, – сказал садовник. – Свяжешь не так, нас куска лепёшки лишить могут.

Обрадовался Мелик-Джумшид и стал вязать букет. Где только ни есть красивый, благоухающий цветок – срывает его и собирает в роскошный букет. Собрал он букет, не букет, а загляденье! Затем вырвал со своей головы золотой волос и обвязал им и без того красивый букет. И пока садовник смотрел в другую сторону, он быстро положил на поднос свой букет.

Вскоре приехали дочери падишаха. Садовник мигом спрятал Мелик-Джумшида в кусты, а сам пошёл встречать гостей.

– Вот вам самые лучшие цветы, – сказал садовник и положил на скамейку поднос с букетами. Дочери падишаха вознаградили садовника за внимание несколькими чёрными пятаками и стали выбирать себе лучший букет.

Взяла старшая дочь один букет, понюхала и бросила в кусты: не по душе ей запах пришёлся. Взяла букет средняя дочь, понюхала и тоже бросила в кусты. А младшая не торопилась с выбором. Она долго перебирала все букеты и, наконец, выбрала тот самый букет, который связал Мелик-Джумшид. Понюхала она букет и почувствовала, что никогда ещё ей не приходилось испытывать такое удовольствие. Она стала любоваться своим букетом и вдруг увидела, что букет обвязан золотым волосом. Дочь падишаха поняла, что в саду есть какая-то тайна. Девушка была очень смышлёная и решила разгадать эту тайну. Стала она ходить по саду и заглядывать на каждое дерево и за каждый куст. Подойдёт к дереву, протянет руку, будто срывает плод, а сама смотрит – нет ли на дереве ко-

го. Долго ходила она по саду и, наконец, подошла к тому самому кусту, за которым садовник спрятал Мелик-Джумшида, раздвинула кусты и видит: притаился за кустами плешивый юноша, но сам такой красивый, не ешь, не спи – с утра до вечера любуйся!

Мелик-Джумшид вышел из-за куста и видит: перед ним девушка небывалой красоты: чёрные, как два уголька, глаза удивлённо и с любопытством смотрят на него, маленький, под стать индийскому фундуку, носик шмыгает. А янтарный ротик её и нежные, словно сливки, губы так и просятся, чтобы их облизывали... Что и говорить! Если эта красавица скажет солнцу: не всходи ты, я взойду, – то солнце не взойдёт; если она скажет луне: не всходи ты, я взойду, – луна не взойдёт!

Увидел Мелик-Джумшид красавицу и оцепенел от удивления. Смотрит на неё, а сказать ничего не может, будто язык шакалы унесли.

– Меня зовут Гюльназ-ханум, – вдруг заговорила падишахская дочь. – А тебя как?

Мелик-Джумшид растерялся, но, совладав с собой, ответил:

– Меня – Мелик-Джумшид!

– Какое хорошее имя, – сказала Гюльназ-ханум и обвила Мелик-Джумшида. – Ты мой возлюбленный, ни за кого, кроме тебя, я замуж не выйду.

Мелик-Джумшид поцеловал красавицу, и они разошлись.

Всю ночь не мог заснуть Мелик-Джумшид. Перед глазами то и дело вставал образ прекрасной Гюльназ-ханум. Он хотел обо всём происшедшем рассказать садовнику, но никак не решался.

Неспокойна была в эту ночь и Гюльназ-ханум. Ей хотелось навсегда связать судьбу свою с очаровавшим её Мелик-Джумшидом. Но как сказать отцу о том, что она, Гюльназ-ханум, хочет выйти замуж? Ведь ещё не замужем старшие сестры, как быть ей, младшей?! Не положено по обычаям... Долго думала она над этими вопросами и, наконец, придумала. На следующий день послала она садовнику весть, чтобы он доставил ей три дыни: одну перезрелую, другую – зрелую, третью – только что поспевшую.

Принёс садовник три дыни: одна перезрелая, другая – зрелая, а третья – только что поспевшая. Взяла Гюльназ-ханум эти дыни и раздала сёстрам. Старшей дала перезрелую дыню, средней – зрелую, а себе

взяла только что поспевшую.

– Нужно отцу сделать угощение, – сказала Гюльназ-ханум.

Вонзили сёстры в дыни по алмазному ножу и отправили свои угощения отцу.

Принял отец угощения дочерей и сел есть. Разрезал он большую, перезрелую дыню, попробовал на зуб, а она безвкусна и есть её нельзя. Порезал он тогда среднюю, зрелую дыню, попробовал на зуб, так себе, можно есть, но вкуса нет! Разрезал падишах и третью, только что поспевшую дыню, попробовал на зуб – вкусная, очень вкусная! Ест он её и оторваться не может.

Съел Гургур-падишах дыни и подумал: «Почему же у всех разный вкус?» Позвал он тогда советников, рассказал им о гостинцах дочерей и спрашивает:

– Что это значит?

А советники отвечают:

– Большую дыню прислала старшая дочь. Этим она хотела сказать, что давно пора ей выйти замуж и что она уже как эта дыня переспела и потеряла вкус... Средняя дочь своим угощением хотела сказать, что скоро и её срок уйдёт выходить замуж и что сейчас она похожа на посланную ею дыню: есть можно, а вкуса уже нет... А младшая дочь своим угощением говорит о том, что её возраст как раз подходит для замужества: она – как посланная ею дыня – в соку, в расцвете, будешь есть и не оторвёшься.

Выслушал падишах советников и тут же приказал золотых дел мастерам выковать три золотых яблока.

Вскоре три яблока лежали на падишахском столе. А через два-три дня Гургур-падишах объявил всему народу, что отдаёт дочерей своих замуж, и что желающий стать ему зятем, должен пройти под балконом, где живут его дочери. В кого бросят дочери золотые яблоки, те и станут их мужьями.

Много собралось женихов. Бросила старшая дочь своё яблоко и попала в сына везира. Бросила средняя дочь – попала в сына вельможи. А Гюльназ-ханум ни в кого не бросила.

Прошло три дня и три ночи, все женихи прошли под её балконом – а она так и не бросила своё золотое яблоко. Доложили падишаху об этом. Догадался Гургур-падишах, что у младшей дочери есть жених, и

издал приказ, где говорилось, что все, кто ещё не проходил под балконом его дочери, должны немедленно прийти.

Прошло ещё три дня и три ночи, но никто так и не пришёл. «В чем дело? Почему моя младшая дочь не бросила своё яблоко?» – думает падишах. Вызвал он своих везиров и спрашивает:

– Есть ли ещё кто-нибудь не прошедшие под балконом младшей дочери?

– Садовник и его сын, – доложили везиры.

– Пусть и они пройдут! – приказал Гургур-падишах.

Привели садовника и сына его и заставили их пройти под балконом красавицы. Когда они проходили под балконом, Гюльназ-ханум бросила своё яблоко, и оно попало в Мелик-Джумшида.

Доложили падишаху, что дочь его выходит замуж за сына садовника – красивого, но плешивого и мало на что способного.

Но как бы то ни было, сыграли дочерям свадьбы, да и на том успокоились.

Однажды падишах заболел. Лекари предложили ему съесть мясо джейрана. Гургур-падишах приказал старшему и среднему зятям взять из конюшни двух коней и ехать на охоту. Сели сын везира и сын вельможи на своих скакунов и отправились на охоту.

Узнал сын садовника, что тесть его не счёл нужным поручить ему такое дело, и послал к нему свою жену.

– Я тоже зять, – говорит он жене. – Пусть и мне дадут коня, я тоже пойду охотиться на джейрана.

Пришла Гюльназ-ханум и доложила отцу просьбу мужа.

Усмехнулся больной падишах, на что, мол, способен твой плешивый, но приказал привести из конюшни хромую лошадь, а из амбара взять ржавую саблю и всё это отдать плешаку. Мелик-Джумшид взял хромую лошадь и ржавый меч и отправился туда, куда уехали сын везира и сын вельможи. Увидели люди, что под зятем падишаха хромая лошадь, а в руках ржавый меч, и начали смеяться, бросать в него тухлыми огурцами и помидорами. Мелик-Джумшид ехал и не обращал на всё это внимания.

Приехал он в лес, стреножил свою хромую лошадь и пустил её пастись. А сам достал из кармана волос скакуна, высек огонь и сжёг волос. Издалека почуял скакун запах своего волоса и тут же явился и стал пе-

ред хозяином. Прибежал и львёнок. Мелик-Джумшид и говорит ему:

– Да! Непристойно мне в нищенской одежде на охоту идти!

Не успел он произнести эти грустные слова, как львёнок тут же помчался к тому месту, где некогда Мелик-Джумшид поменял свои пахлеванские наряды на лохмотья нищего и, порычав для большей строгости, забрал одежду своего хозяина и, доставив, бросил к его ногам.

Оделся Мелик-Джумшид в пахлеванский наряд, сел на скакуна, а львёнку приказал собрать всех зверей лесных в ущелье и сам туда отправился, разбил там шатёр, развёл костёр, сел и стал ждать.

Вскоре туда же прискакали сыновья везира и вельможи. Подъехали они и видят: здесь столько разных зверей, что и невозможно сосчитать, а какой-то пахлеван сидит в шатре.

Владелец этих зверей, – подумали зятя Гургур-падишаха и решили обратиться к нему, но подойти побаиваются. Видит Мелик-Джумшид своих шуринов и говорит:

– Подходите, не бойтесь, звери вас не съедят.

Подъехали они поближе, поздоровались и молчат, не знают, что сказать, с чего начать.

Видит Мелик-Джумшид такое дело и спрашивает:

– С чем пришли?

– Наш падишах заболел, а лекари посоветовали ему есть мясо джейрана... Весь лес обошли мы, а джейрана так и не нашли, – сказали сыновья везира и вельможи.

Тогда Мелик-Джумшид говорит:

– Ладно, я дам вам джейрана, но с условием. Первое мое условие такое. Я наложу вам на спины клеймо; второе условие – я зарежу джейрана, туша вам, а голова и ноги мне. Согласны?

Ничего не оставалось делать зятям падишаха, и они согласились.

Мелик-Джумшид положил кусок железа в огонь, раскалил его докрасна и приложил к спинам сына везира и сына вельможи. Затем он поймал одного джейрана, зарезал его, тушу отдал им, а голову и ноги забрал себе. Когда Мелик-Джумшид резал джейрана, он тихо сказал:

– Пусть весь вкус уйдёт в голову!

Взяли сыновья везира и вельможи тушу джейрана и радостные, что выполнили приказ тестя, возвратились домой. А Мелик-Джумшид переоделся, спрятал пахлеванскую одежду, отпустил зверей и своего

скакуна, сам сел на хромую лошадь и, взяв голову и ноги джейрана, тоже вернулся домой к своей красавице-жене.

– Кто тебе дал эту голову и ноги? – спросила Гюльназ-ханум.

Мелик-Джумшид ответил:

– Я шёл туда, куда уходили сыновья везира и вельможи. Они убили джейрана, тушу забрали себе, а голову и ноги отдали мне, чтобы я не возвращался домой с пустыми руками.

Он выложил свою добычу на стол и добавил: – Милая Гюльназ-ханум, свари из этой головы джейрана кушанье и отнеси отцу. Пусть угощается.

Послушалась Гюльназ-ханум мужа, сварила она кушанье и направилась в дом отца. В это же время принесли свои угощения тестю старший и средний зятья. Отведал больной тесть обеды, принесённые зятьями, и почувствовал, что ему стало ещё хуже.

– Это же трава, а не мясо джейрана, – вскрикнул он. – Никакого вкуса. Обиделись зятья и ушли.

– Отец, отведай угощение третьего твоего зятя. Он тоже ходил на охоту, – сказала младшая дочь.

Съел больной падишах угощение третьего зятя и почувствовал, что оно приготовлено из мяса только что убитого джейрана.

– Очень вкусно, – сказал падишах.

Через два-три дня он поправился и встал с постели.

Много ли, мало ли времени прошло с тех пор, нам неизвестно, но в один из дней Гургур-падишах получил от Шоофорадин-падишаха письмо, в котором говорилось: «Отдай своих дочерей за моих сыновей, а если не отдашь – готовься к войне». Опечалился Гургур-падишах, ни ест, ни пьёт, ночами глаз не смыкает. Вызвал он к себе везиров, вельмож и спрашивает: как быть?

– Твои дочери уже замужем, делать нечего, придётся воевать, – отвечают везиры и вельможи.

Так и написал Гургур-падишах Шоофорадин-падишаху: «Было у меня три дочери, все три вышли замуж, – писал он. – И я всегда готов воевать с тобой». Заверил падишах письмо своей подписью, печатью и отправил. Дошло письмо до Шоофорадин-падишаха. Разгневался Шоофорадин-падишах и послал своё войско на войну с Гургур-пади-

шахом. Собрал Гургур-падишах своё войско и тоже отправился на поле боя вступить в сражение.

Пусть они воюют, а мы расскажем вам про Мелик-Джумшида – плешивого зятя Гургур-падишаха. Сел Мелик-Джумшид на хроющую лошадь, взял ржавую саблю и отправился в лес. Приехал в лес, стреножил хроющую лошадь и оставил пастись. А сам ударил огнивом о камень, зажёл волос скакуна и ждёт. Издалека почуял скакун запах горящего волоса и мигом предстал перед своим хозяином.

– Доставь моё военное снаряжение, – сказал скакуну Мелик-Джумшид.

Не успела подняться трава, примятая копытами лошади, как скакун умчался и мигом вернулся.

Оделся Мелик-Джумшид в военный наряд и тоже отправился на место сражения. Подъехал к ратному полю и видит, как его старший брат Мелик-Мамед, сын дочери хана, повалил сына везира и связал ему руки и ноги. Подбежал Мелик-Джумшид к победителю и говорит:

– Ты моего ученика победил, теперь надо меня победить.

Схватились Мелик-Джумшид и Мелик-Мамед, начали бороться. Долго боролись братья друг с другом. То Мелик-Мамед положит Мелик-Джумшида на колени, то Мелик-Джумшид – Мелик-Мамеда: ведь одного дерева плоды. К самому закату Мелик-Джумшид всё же уложил брата на спину и одержал победу. Затем он сел на своего скакуна, поехал в лес, переоделся в лохмотья, сел на хроющую лошадь и вернулся домой. Пришёл к Гюльназ-ханум и как ни в чем не бывало поужинал и лёг спать.

На следующий день вновь началось сражение. На этот раз сражался другой зять падишаха – сын вельможи – с другим сыном Шоофоратин-падишаха – Мелик-Ахмедом.

Не выдержал Мелик-Джумшид, сел он опять на хроющую лошадь, взял ржавую саблю и отправился в лес, стреножил хроющую лошадь и отпустил пастись. Затем достал из кармана волос, ударил огниво о камень, зажёл волос и стал ждать. Издалека почуял скакун запах горящего волоса и мигом предстал перед своим хозяином.

Переоделся Мелик-Джумшид в военный наряд, сел на верного скакуна своего и мигом очутился на месте сражения. Подъехал он ближе и видит: средний брат Мелик-Ахмед – сын дочери бея – свалил среднего падишахского зятя. Подскочил тут Мелик-Джумшид к Мелик-Ахмеду и говорит:

– Ты победил моего ученика, теперь сразись со мной.

Усмехнулся Мелик-Ахмед дерзости противника и говорит:

– Как будем сражаться? Предлагай!

– Кто кого свалит с коня! – говорит Мелик-Джумшид.

Сказано – сделано. Вскочили противники на своих скакунов, стали на расстоянии трёхсот шагов и ринулись навстречу друг другу. Когда они поравнялись, Мелик-Джумшид на ходу схватил среднего брата за голову и свалил на землю. А сам подстегнул скакуна и мигом отправился в лес. Здесь он переоделся в старое платье, сел на хромую лошадь и вернулся домой гордый и радостный своей победой.

Но нет, рано было радоваться. Сыновья Шоофорадин-падишаха пришли воевать по-настоящему, собрав большой отряд. По дороге стали они всё предавать огню. Не выдержал Мелик-Джумшид такого дела и собрался на войну.

– Я тоже пойду воевать, – сказал он жене.

– Да что тебе, плешивому, делать там? – с горестью сказала жена.

– Ну, хоть воды принесу, войско поить буду, – ответил сын садовника.

Сел он на хромую лошадь, взял ржавую саблю и отправился в лес. Здесь в лесу стреножил он и без того хромую лошадь, достал из кармана волос, ударил огниво о камень и зажёл. Издалека почуял скакун запах горящего волоса и мигом предстал перед хозяином.

– А где мои звери? – спросил Мелик-Джумшид скакуна.

Заржал скакун во всю мощь, и все звери тут же предстали перед Мелик-Джумшидом.

– Мне нужна ваша помощь, – обратился он к лесным зверям.

Звери дали своё согласие. И Мелик-Джумшид оделся в пахлеванский наряд, сел на верного скакуна, и все они пошли воевать. Идут, Мелик-Джумшид посередине, а звери по обе стороны.

Пришли к ратному полю и видят: войска противника перебили почти всех людей Гургур-падишаха. Приказал тогда Мелик-Джумшид зверям растерзать людей противника. Звери бросились на врагов. Кого успели растерзать – растерзали, а кого не успели – те еле ноги унесли.

Но нет, ещё пуще разгневался Шоофорадин-падишах и велел во что бы то ни стало уничтожить всех зверей и победить войско Гургур-падишаха.

Началось небывалое сражение: земля смешалась с кровью: кровь с землёй, дробь барабанов слились с криками, крики – с барабанами.

Опечалился Гургур-падишах, мрачнее тучи стал, закрыл лицо рукой, дабы не видеть, как уничтожают его войско.

Не выдержал Мелик-Джумшид такого страшного кровопролития. Сел он на хроную лошадь, взял ржавую саблю и отправился в лес. Приехал он в лес, стреножил хроную лошадь, достал из кармана волос и огниво, высек огонь и поджёг. Почуял скакун запах горящего волоса и мигом предстал перед хозяином.

– Собери зверей, – сказал Мелик-Джумшид своему верному скакуну.

Скакун заржал на весь лес, и все звери тут же сбежались и предстали перед Мелик-Джумшидом.

Тронулись они к месту битвы: Мелик-Джумшид на коне посередине, а звери по обе стороны. Пришли на ратное поле и видят: от войск Гургур-падишаха почти никого не осталось. Приказал Мелик-Джумшид зверям растерзать людей противника и сам первый пустился в бой. Ринулись звери с криком и воем за ним. Долго длилось сражение. В этом сражении Мелик-Джумшид был ранен. Но звери и на сей раз одержали победу: кого смогли, растерзали, а кого нет, те насилию ноги унесли.

После боя Мелик-Джумшид стал травой вытирать с локтя кровь. Мимо возвращался довольный победой сам Гургур-падишах. Увидев раненого воина, достал из кармана платок и перевязал ему рану.

Пришёл Мелик-Джумшид в лес, переоделся, сел на хроную лошадь и вернулся домой.

– А как ты сражался? – спросила Гюльназ-ханум.

– Я видел, что сыновья везира и вельможи изрубили вражеское войско, и не стал вступать в бой, – ответил сын садовника.

– А что у тебя с рукой? – опять спросила жена. – Наверное, упал со своей хроной лошади?

– Да, да, упал, – ответил плешивый. – Упал, попал под хроную ногу коня и ранил руку.

Гюльназ-ханум взяла у него окровавленный платок и отправилась к источнику постирать его. В это время с другой стороны к источнику подошла её мать – жена Гургур-падишаха. Вдруг она увидела в руках дочери платок мужа.

– Один чудесный платок был у твоего отца, а ты унесла своему пле-

шивому, – разгневалась мать и, отобрав платок, вручила его мужу.

– Где ты взяла этот платок? – вдруг спросил падишах.

Рассказала ему жена, что у жены плешака отобрала.

Приказал падишах привести к нему сына садовника.

Сказано – сделано.

– Откуда у тебя этот чудесный платок? – спросил падишах.

– Да жить падишаху и здравствовать! – сказал плешак и продолжил:

– Я был ранен в бою, и ты перевязали мне этим платком рану.

Не поверил падишах.

– То был другой человек, а ты просто плешак, – зло сказал он.

– Если не веришь, то смотри! – Мелик-Джумшид снял с головы баранью кишку.

Перед падишахом предстал юноша необыкновенной красоты: волосы на голове золотые. Словом, не ешь, не спи – с утра до вечера смотри.

Опять не поверил падишах.

– У тебя же хромая лошадь, а юноша, которому я перевязал рану, был на резвом скакуне, – твердил падишах.

Тогда Мелик-Джумшид, ничего не сказав, ушёл, тем самым озадачив своего тестя. Затем сел он на свою хромую лошадь, взял ржавую саблю и отправился в лес. Достал он из кармана волос и огниво, высек огонь, поджёг волос и стал ждать. Издалека почуял скакун запах горящего волоса и тут же предстал перед своим хозяином.

Переоделся Мелик-Джумшид в пахлеванский наряд, собрал зверей и отправился ко дворцу Гургур-падишаха. Доложили падишаху, что к ним в город едет какой-то воин, а вместе с ним идет множество зверей.

Вышел падишах на балкон и видит: перед дворцом проезжает какой-то воин, сопровождаемый лесными зверями. Обрадовался падишах и крикнул:

– Добрый воин, будь моим гостем!

Мелик-Джумшид сошёл со скакуна, зашёл к падишаху и, поклонившись спросил:

– Теперь узнаёшь того воина, которому ты перевязал рану?

Падишах узнал своего зятя, обнял его крепко-крепко и даже поцеловал.

– Если бы не ты, я бы погиб, – сказал Гургур-падишах и добавил: – Назначаю тебя падишахом. Я уже стар, мне и отдохнуть пора.

– Почтенный падишах, я соглашусь на престол тогда, когда ты двух своих самых близких людей отдашь мне в рабы, – сказал Мелик-Джумшид.

– Кто они, пожалуйста, – отвечает падишах.

– Твои зятья, – сказал Мелик-Джумшид.

– Как же так, – возмутился падишах, – оставить дочерей без мужей? О, нет, проси всё, что хочешь, но этого я не сделаю.

Не выдержал тогда Мелик-Джумшид и рассказал падишаху о том, как он убил джейрана и отдал им. Не поверил падишах.

Мелик-Джумшид привёл сыновей везира и вельможи к падишаху, раздел их и спрашивает:

– Откуда у вас это клеймо? Говорите правду!

Посмотрели они на падишаха, как бы ища поддержки.

– Да, да, только правду! – сказал падишах.

Ничего не оставалось делать сыновьям везира и вельможи, и они рассказали всё, как было.

– Ну, что скажешь на это, почтеннейший падишах? – спрашивает Мелик-Джумшид.

Падишах на сей раз промолчал, а Мелик-Джумшид простил своих шуринов.

Вскоре Гургур-падишах умер. Похоронили его со всеми почестями. После сорокадневного траура Мелик-Джумшид стал правителем.

Итак, стал Мелик-Джумшид падишахом, и Гургур-падишахство народ тут же переименовал в падишахство Мелик-Джумшида. Шли дни за днями. Текло торопливо время! И вот однажды Мелик-Джумшид сел на своего верного скакуна, собрал всех лесных зверей, взял с собой сокола и отправился на охоту. Вдруг видит: на дереве сидит другой сокол. Мелик-Джумшид выпустил сокола и говорит:

– Лети и принеси мне сокола, который сидит на дереве!

Но нет, не тут-то было: тот сокол оказался сильнее. Он схватил сокола Мелик-Джумшида и унёс высоко в небо. Пошёл Мелик-Джумшид вслед за птицей. Долго он шёл. Прошёл три горы, три ущелья, три речки, оглянулся назад, а путь, который он прошёл всего с полторы иголки, а впереди ещё путь, равный кишке шагаду. Прошёл он ещё немного и видит: чужой сокол с его соколом в когтях залетел в пещеру. Вошёл Мелик-Джумшид в пещеру и видит: сидит на тахте какая-то страшная-престрашная старуха. Вся волосатая, тощая – кости да ко-

жа, а во рту всего два зуба торчат. Это была колдунья Эней.

– Старуха, отдай моего сокола! – сказал ей Мелик-Джумшид.

– Какой ты непонятливый! Мой сокол оказался сильнее и унёс твоего. А что тебе ещё надо? – с гордостью сказала Эней.

– Ты должна вернуть моего сокола, – говорит Мелик-Джумшид.

– Ну, раз так, давай сыграем в карты: кто выиграет, тому и будет принадлежать твой сокол, – предложила колдунья.

Согласился Мелик-Джумшид и сел играть. Недолго пришлось играть ему: Эней обыграла его. Тогда Мелик-Джумшид заложил своих зверей. Старуха выиграла и зверей. Мелик-Джумшид предложил своего скакуна. Выиграла старуха и скакуна.

– Закладываю себя, – сказал Мелик-Джумшид.

– Играть так играть, – усмехнулась Эней.

Пусть они играют, а мы расскажем вам о старшем брате Мелик-Джумшида – сына дочери хана – Мелик-Мамеде.

Встал Мелик-Мамед рано утром и видит: с кинжала течёт кровь, листья чинары пожелтели и опадают.

Прибежал он тогда к отцу своему и говорит:

– Мой брат околдован, я должен пойти и выручить его.

– Это твоя выдумка, его уже давно нет на свете, – отвечает Шоофорадин.

– Нет, отец, ты не прав, пока он жив, но может и умереть, – сказал Мелик-Мамед.

Как только не старался падишах отговорить сына, но нет, он не был воском, чтобы сдаться. Сложил Мелик-Мамед дорожные хурджуны и отправился в путь.

Тысячи шагов прошёл, семь гор перешёл, по ущельям брёл, много ли, мало ли шёл, оглянулся назад – а всего-то пути прошёл с полторы иголки, а впереди ещё путь, равный кишкам шагаду. Постоял, подумал и опять пошёл, долго-долго шёл и наконец дошёл до леса, а через тот лес протекала река, а река бурная, всё, что попадаете ей на пути – всё уносит.

Но нет, не испугался Мелик-Мамед, подвернул он свои шаровары и перешёл реку. Шёл он шёл, долго шёл. Семь раз спускался в ущелья и семь раз поднимался и, наконец, дошёл до того самого леса, где находился дворец данандея, который забрал себе в сыновья Ме-

лик-Джумшида. Зашёл Мелик-Мамед в первую комнату, вторую, третью, пятую... десятую, тридцать седьмую, и во всех комнатах столько всяких ценностей, что глаза слепнут. Но нет, ничего не взял Мелик-Мамед. Прошёл он в тридцать восьмую комнату и видит: на стене висят два пахлеванских наряда. Взял один из них и толкнул двери тридцать девятой комнаты. Вошёл он в комнату, а там два седла лежат. Взял он одно седло и прошёл в последнюю сороковую, комнату. Вошёл он и видит: два скакуна стоят, одному скакуну два года, а другому – три.

Обошёл Мелик-Мамед все сорок комнат, и нигде нет его брата. Опустил он голову на грудь и заплакал.

– Не плачь, добрый человек, – вдруг заговорил скакун, которому три года, – садись на меня, я мигом донесу тебя туда, где живёт твой брат.

Оседлал Мелик-Мамед скакуна, вскочил на него и мигом очутился в падишахстве Мелик-Джумшида. Вошёл он в дом брата, а брата нет дома. Представился он его жене: кто он, откуда и зачем пришёл.

Заплакала Гюльназ-ханум, просит выручить её мужа от колдовских чар. Пообещал ей Мелик-Мамед во что бы то ни стало выручить брата.

Переночевал он в доме брата, а рано утром сел на скакуна, взял с собой сокола и отправился на охоту. Подошёл к окраинам одного леса и видит: на высоком дереве сидит другой сокол. Выпустил Мелик-Мамед своего сокола, чтобы словить чужого. Только взлетел сокол Мелик-Мамеда в воздух, чужой сокол схватил его и унёс.

Мелик-Мамед пошёл вслед за соколом, который унёс его птицу. Летит сокол по небу, а Мелик-Мамед по земле скачет. Доскакал он до пещеры и видит, как чужой сокол залетел в неё.

Мелик-Мамед слез со своего коня, а сам направился к пещере. У входа в пещеру ему встретился скелет.

– Не ходи в пещеру, околдует тебя колдунья Эней, как и меня, – вдруг заговорил скелет.

Мелик-Мамед попросил у скелета помочь ему выручить брата.

– Это я, твой брат Мелик-Джумшид, – говорит скелет. – Вот до чего довела меня старуха Эней.

Мелик-Мамед хотел обнять своего брата, а скелет говорит:

– Не надо, а то я рассыплюсь... Ты лучше послушай, что я скажу.

Скелет, он же Мелик-Джумшид, рассказал, как и что должен сделать Мелик-Мамед, чтобы выручить его из колдовских чар злой колдуньи.

– Ладно, я всё сделаю так, как ты говоришь, – сказал Мелик-Мамед и вошёл в пещеру.

Долго шёл он по темной и сырой пещере. Наконец дошёл он до конца и видит: на тахте сидит сама Эней – страшная-престрашная. Вначале Мелик-Мамед даже испугался, но, взяв себя в руки, сказал:

– Слышишь, Эней, отдай моего сокола!

– Какой ты непонятливый! Моя птица оказалась сильнее и унесла твою. Что тебе ещё надо? – с гордостью сказала Эней.

– Отдай моего сокола, – снова сказал Мелик-Мамед, повысив голос.

– Да ты не горячись. Лучше давай в картишки перекинемся. Обыграешь меня – возьмёшь своего сокола. Нет, – значит, он останется у меня.

Сели они играть, – Мелик-Мамед проиграл.

– Играю на своего скакуна, – предложил Мелик-Мамед.

Эней ехидно рассмеялась и ушла во двор посмотреть, там ли её сокол. Пока она не вернулась, Мелик-Мамед сел на её тахту, в которой находились все колдовские чары.

Вернулась Эней и говорит:

– Встань с моего места!

– У нас такой обычай: когда хозяин встаёт, он уступает место гостю, – говорит Мелик-Мамед.

Эней ничего не оставалось делать, как пересесть на место Мелик-Мамеда и раздать карты. Стали снова играть. На этот раз Эней проиграла.

– Я играю на своего сокола, – сказала она.

Выиграл Мелик-Мамед и сокола.

– Играю на скакуна, которого я выиграла у одного юноши, – сказала Эней.

Выиграл Мелик-Мамед и скакуна брата.

Затем Эней проиграла ему и зверей, которых проиграл ей Мелик-Джумшид.

– Хочешь, у меня есть один юноша, но он уже превратился в скелет, – говорит Эней. – Играю на него.

– Ладно, давай играть, – отвечает Мелик-Мамед.

Выиграл Мелик-Мамед у Эней брата своего.

Эней вошла в азарт и заложила себя.

Выиграл Мелик-Мамед и её. Убил он Эней, а тело сжёг на огне.

Тут вошёл скелет и вскрикнул:

– О, брат мой, что же ты наделал? Тебе надо было выиграть и мясо, которое было на мне.

Опечалились братья: «Как же нам быть?»

Но тут из норки выбежали два мышонка. Они стали грызть друг друга. Одна мышь съела мясо другой. Затем из норки вышла большая мышь, и пропищала на ту мышь, которая съела мясо, как бы ругая, потом, нарвав травы, стала натирать кости мышонка, мясо которого съели. Мышь ожила и опять забегала.

Мелик-Мамед увидел всё это и тоже нарвал травы и стал натирать скелет своего брата. Не прошло и пяти минут, Мелик-Джумшид стал таким, как был прежде.

Обрадовались братья, крепко обняли друг друга, и тогда Мелик-Джумшид сказал:

– А теперь поехали ко мне в гости!

Сели они на своих скакунов и мигом очутились в падишахстве Мелик-Джумшида. Гюльназ-ханум накрыла им богатый стол. Поели братья сытно, хорошенько отдохнули, а на следующий день Мелик-Мамед собрался в падишахство своего отца.

Падишах Мелик-Джумшид написал отцу письмо с просьбой освободить его мать из застенка и отправить к нему.

Уехал Мелик-Мамед, а вскоре приехала мать Мелик-Джумшида. Увидела она, что её бедный сын достиг такого счастья, и повеселела душой и сердцем, а лицо разгладилось и помолодело, как будто и не было тех горьких лет жизни в заточении.

И зажили они в добре, в ласке и в радости.

А спустя год или два Мелик-Джумшид сел на своего верного скакуна, поехал во дворец данандея, который когда-то забирал его в сыновья, и освободил из сороковой комнаты оставшегося там скакуна. А все драгоценности он перевёз в своё падишахство, и как того требует древний обычай, раздал всем бедным, чтобы выстроили они себе хорошие дома, нарядились в красивые одежды и стали воздавать хвалу своему доброму и смелому падишаху.

Вот так оно и бывает в жизни: обиженного людьми судьба да вознаграждает. Вскоре в ворота дома Мелик-Джумшида постучался странник и попросился к нему. Мелик-Джумшид впустил его и спросил:

– Кто ты и по какому делу пожаловал?

– Я тот самый череп, который давал тебе советы, когда ты по приказу данандея переходил реку... Когда ты сварил этого злодея, до меня дошёл запах его вареного тела, и я вновь стал таким, каким ты меня видишь... И вот я пришёл поблагодарить тебя за то, что ты меня спас от чар злодея.

Обрадовался Мелик-Джумшид такой встрече и предложил ему остаться у него жить столько, сколько тот пожелает.

– Спасибо!.. Но я сам падишах заморской страны и спешу к себе... Я хочу у тебя просить скакуна, которого ты освободил из сороковой комнаты злодея данандея, чтобы быстрее добраться до своей страны.

Мелик-Джумшид приказал слугам привести скакуна и передать своему дорогому гостю в подарок.

Не стал гость долго задерживаться, сел он на скакуна и умчался в своё заморское падишахство.

Спустя несколько лет у Мелик-Джумшида и Гульназ-ханум родились трое сыновей и одна дочь. Родились дети и у братьев Мелик-Джумшида, да такие красивые – ни налюбуеться.

Говорят, что Шоофорадин, все его три сына и матери этих сыновей, а также внуки часто ездили друг к другу.

Дай-то Бог, чтобы и в нашей жизни всё было так же хорошо! А если кто и обижен людьми, пусть судьба да вознаградит его!

Старик и Азраил

ил-был в одном городе старик-сапожник. Всю жизнь он усердно трудился. Случалось, что какой-нибудь бедняк был не в состоянии заплатить сапожнику за работу, и тот говорил: «Ничего, носи себе на радость!» И люди говорили доброму сапожнику: «Да прожить тебе сто двадцать лет!»

Может быть, поэтому сапожник и на самом деле дожил до глубокой старости. А может быть, так ему было на роду написано. К тому времени было у него сорок внуков и сорок внучек. Были у него и правнуки, и правнучки, а сколько их было всего – старик даже и не знал, знал только, что очень много.

Все внуки старика выросли хорошими людьми, и все они занимались ремеслом: кто был сапожником, кто портным, кто шапочником – одним словом, все были при деле.

...Однажды ночью к старику зашёл Азраил и предупредил его, что через два дня и две ночи он придёт забрать его душу.

– От меня уже землей пахнет, – с грустью подумал старик. – Пойду, проведу внуков и правнуков, а там уж можно со спокойной душой уйти на тот свет.

Отправился он к одному из своих внуков. Увидев деда, тот отложил работу, провёл старика в дом, усадил на мягкий ковёр, угостил вкусным обедом. Столетний дед и шестидесятилетний внук посидели, поговорили о том о сём, а потом старик стал играть с праправнуками, рассказывать им сказки, да и забыл, что к нему придёт Азраил забрать его душу. Счастье молодых – отрада для старых.

Вечером внук постелил деду мягкую постель. Дал тёплое одеяло и говорит:

– Сладкого тебе сна. Отдыхай!

– Нет, – отвечает старик, – я должен идти проводить других внуков.

Внук обиделся и говорит:

– Уйдёшь – и в глаза твои не посмотрю! Ложись, отдыхай! Мой дом – разве не твой?

Что оставалось делать старику? Если младшие почитают старших – старшие должны принимать их уважение, ведь младшие у старших учатся. И остался дед у внука ночевать. Лёг он на мягкую постель, укрылся тёплым одеялом, да только сон к нему не идёт, лежит старик и думает о том, что скоро Азраил придёт, а он не успеет проводить всех своих родных. Долго, как кишки шагаду, тянулась эта ночь для старика. Но вот, наконец, настало утро. Дед попрощался с внуком и ушёл.

В этот день он отправился к сыну. Обрадовался сын, провел отца в дом, усадил с почетом. Жена сына быстро подала угощение. Посидели отец с сыном, пообедали, выпили вина, поговорили. Потом старик стал играть с внуками и правнуками, рассказывать им сказки, да и забыл, что скоро к нему придёт Азраил. Ведь счастье молодых – это радость для старых.

Вечером сын постелил отцу постель, дал тёплое одеяло и говорит:

– Дай Бог тебе здоровья. Ложись отдыхай!

– Нет, – отвечает отец. – Я должен идти...

Обиделся сын:

– Уйдёшь – ногой не ступлю к тебе на порог! Разве мой дом – не твой?

Что оставалось делать старику? Если младшие почитают старших – старшие должны принимать их уважение. И остался столетний отец ночевать у сына.

Лёг старик на мягкую постель, укрылся тёплым одеялом, да только уснуть не может: лежит, ждёт, когда же Азраил придёт.

«Эх, не успел я обойти всех своих родных» – думает дед.

Наступила полночь, а Азраил всё не идёт, время тянется, а Азраил не идёт, рассвет близится, а Азраил не идёт. Наконец, рассвело, а Азраил так и не пришёл.

«Где же он задержался? – думает старик. – Или, может быть, я уже мёртвый?»

Приподнимает он голову – живой. Поднимает одну руку – живой, поднимает вторую – живой. Встает с постели – живой!

– Слава Богу! – говорит старик. – Азраил завтра придёт, а я пока пойду дальше.

Пришёл он ко второму внуку, постучался. На стук выскочили прапра-внуки, обрадовались, увидев прапрадеда, стали прыгать вокруг него, гладить ему бороду. Старик тоже обрадовался и спрашивает:

– А где ваш дед?

– На работе, – отвечают дети. – Сейчас мы его позовём.

Позвали они деда, тот пришёл, увидел своего деда и очень обрадовался. Накрыв внук богатый стол, усадил деда, стали они есть, пить, беседовать.

Начал старик играть с детьми, рассказывать им сказки. Дети смеются – прадед смеётся. Прадед смеётся – дети смеются. Старик и позабыл, что за ним Азраил должен прийти. Ведь счастье молодых – это радость для старых.

Наступила ночь, внук постелил деду мягкую постель, дал тёплое одеяло и говорит:

– Ложись, отдыхай, и пусть тебе снятся сладкие сны.

Спохватился старик, говорит:

– Нет, нет, я должен идти, провести других внуков.

– Темно на дворе, завтра сходишь, – отвечает внук. – Да и обидишь, если уйдёшь.

Что оставалось делать старику? Если младшие почитают старших – старшие должны принимать их уважение. И остался дед ночевать у внука.

Лег он на мягкую постель, укрылся тёплым одеялом, да только уснуть никак не может. Всё ему кажется, что вот-вот должен прийти за ним Азраил. Услышит старик какой-нибудь шорох и думает: «Пришёл!» Лежит он выпрямившись, чтобы достойно умереть, глаза не закрывает, а сам всё думает: «Эх, жаль, не успел я обойти всех своих внуков и правнуков, посмотреть, как они живут!»

А Азраил, оказывается, уже приходил к старику домой. Пришёл, посмотрел на постель, где старик всегда спал, а его там нет. Пошарил он в комнате, а старика нет. «Ну ладно, – думает Азраил, – завтра ночью приду, куда он от меня не денется.»

На другую ночь Азраил опять пришёл, посмотрел на постель, а старика снова нет. Пошарил в комнате – нигде нет. Узнал Азраил, что старик ушёл в гости к внуку, и решил пойти за ним туда.

А тем временем и рассвело. Старик встал, оделся.

«Слава Богу, – думает, – Азраил завтра придёт, а я пока пойду проведу еще одного внука.»

Пришёл дед к ещё одному внуку, а у того в доме веселье, день рождения сына. Увидел внук деда, обрадовался:

– Очень хорошо, что ты пришёл! Я как раз хотел за тобой идти.

Внук провёл деда в дом, усадил на почётное место и кричит:

– Играйте, зурначи! За здоровье нашего деда играйте!

Зурначи играют, гости танцуют, едят, пьют. Не выдержал столетний дед, вышел на середину комнаты и пошёл плясать! Все ему хлопают, а он ещё быстрее пляшет и даже на носках ходит.

Видит Азраил, что у столетнего деда так просто не возьмёшь душу, да и сам стал хлопать. Хлопает и приговаривает:

*Пляши, пляши, пляши, старик,
Харса-харса, харса-харса!
Никуда от меня ты не уйдёшь,
Харса-харса, харса-харса!
Если и сегодня забуду твою душу,
То завтра её возьму.
Харса-харса, харса-харса, харса-харса,*

Наплясался дед, устал, сел за стол, ест, пьёт, поёт песни. Азраил всё это видит и говорит себе: «Завтра приду и возьму его душу. Теперь-то я знаю, где он бывает». И Азраил ушёл к другим людям, забирать их души.

А столетний дед попиrowал как следует и лег спать. Утром проснулся, вспомнил, что за ним должен Азраил прийти, и заспешил к другим своим внукам.

Так он стал ходить то к одному внуку, то к другому, и везде ему были рады. Радовался и дед, да и забыл совсем о том, что должен умереть.

Говорят, что он и сейчас жив и ходит уже в гости к прапраправнукам, и все они ему рады. А Азраил и по сей день никак не может забрать у него душу, потому что в душе у того старика живёт радость: он для себя спит, а для других сны видит.

А с радостью Азраил бороться не может. Недаром в народе говорят: «Да увидеть вам радость своих детей!»

Пожелаем же и мы друг другу увидеть радость своих детей и жить так же долго, как трудолюбивый сапожник!

Сапожник и шах Аббас

Было так или не было, только жил в столичном городе сапожник. Он с самого утра и до позднего вечера латал на знойном базаре потрёпанную обувь, а потом на заработанные за день пять-шесть монет покупал для своей семьи два чурека, кусок овечьего сыра, зелень, овощи, фрукты и всё приносил домой.

Несмотря на свою бедность, сапожник по характеру слыл в городе самым весёлым и гостеприимным человеком. Каждый раз, вернувшись с работы, он смывал с лица базарную пыль и садился вместе с женой за еду, а после брал теп с маленькими колокольчиками, ударял пальцами по его поверхности и до глубокой ночи пел и танцевал со своими домочадцами.

Пусть пока сапожник веселится, я расскажу вам о шахе Аббасе.

Люди говорят, что шах Аббас любил в одеянии дервиша в ночную пору ходить по своей столице и самолично проверять, кто не спит в такое позднее время и чем занят.

И вот однажды, когда шах Аббас прохаживался переодетым по тем магалам, где ютились ветхие дома бедняков, он неожиданно заметил, что в одном доме горит очаг, а из самого дома разносятся песни, смех и шум пляски.

Любознательство взяло вверх. Шах Аббас подошёл к дому и постучался в дверь. На стук вышел сапожник и, увидев перед собой незнакомца в нарядях дервиша, сказал:

– Доброй ночи, дорогой дервиш!

– Доброй ночи, сын мой! – ответил шах Аббас. – Целый день я бродил по горным тропам и очень устал. Разреши хоть полчаса отдохнуть в твоём доме.

Сапожник широко распахнул двери дома и сказал:

– Заходи, добрый дервиш. Пусть твой приход станет счастливым знамением для моей многочисленной семьи.

– Да пребудет счастье в твоём доме, – сказал шах Аббас в ответ и последовал за сапожником.

Хозяин дома провёл его в комнату, посадил рядом с собой и стал угощать чуреком, сыром и водой. Шах Аббас поел, выпил воды и спросил:

– Сын мой, кто ты и чем занимаешься?

– Я простой сапожник, дорогой дервиш, – ответил сапожник. – С утра и до вечера мне приходится латать потрёпанную обувь бедных горожан, а на заработанные за день пять–десять монет покупать пищу для моей семьи.

Посмотрел шах Аббас на бедно убранные комнаты, покачал головой и снова обратился к сапожнику:

– Если ты так беден, то почему же в твоём доме всю ночь слышатся песни, смех и танцевальные звуки тепа?

– Дорогой дервиш, по характеру я весёлый и гостеприимный человек, – ответил сапожник. – Каждый день горе давит на мои плечи, чтобы скорее отправить меня под чёрное крыло Азраила. Но я не поддаюсь. Музыка, песни и танцы отгоняют смерть от моей семьи прочь. Поэтому я со своими домочадцами пою, веселюсь и танцую до глубокой ночи.

Выслушал шах Аббас бедного сапожника, встал и, поблагодарив за угощение, вышел на улицу.

На рассвете он вернулся во дворец, вызвал к себе главного везира и сказал:

– Пусть глашатаи передадут народу мой приказ: с сегодняшнего дня никто не должен заниматься ремеслом сапожника. Если кто нарушит моё повеление, того казнят на дворцовой площади.

– Слушаю и повинуюсь, – сказал главный везир и тут же направился к глашатаям.

...Чуть свет сапожник взял свои инструменты и отправился на базар. Только он сел под деревом и вытащил из сумки иголку, нитку и шило, как у торговых рядов увидел шахских глашатаев.

– Эй, люди добрые! – кричали они. – Слушайте приказ шаха Аббаса. С сегодняшнего дня никто не должен заниматься ремеслом сапожника. В противном случае, виновник будет казнён на дворцовой площади...

Услышал бедный сапожник приказ шаха Аббаса, схватил свои инструменты, побежал домой, взял кувшин с водой, метлу и снова отправился на базар. На базаре он полил землю водой и подмёл мусор. То же самое бедняк сделал и на центральных улицах города. Некоторые торговцы и домовладельцы пожалели сапожника и дали ему за труд по медной монете. Таким образом сапожник заработал около десяти монет и на эти деньги купил, как всегда, два чурека, кусок овечьего сыра, зелень, овощи, фрукты и отнёс домой. Так поступал он каждый день.

Как-то шах Аббас снова переоделся в одежды дервиша и глубокой ночью вышел в город на прогулку. Вскоре он очутился возле дома бедного сапожника и опять увидел, что там горит очаг, а из открытого окна слышится весёлая песня, смех и топот зажигательной пляски.

Удивился шах Аббас и громко постучал в дверь. На стук вышел сам сапожник. Он пригласил знакомого дервиша в дом, усадил рядом с собой и протянул ему кусок чурека с сыром и воду. Шах Аббас поел, попил и печальным голосом сказал:

– Сын мой, слышал я, что шах Аббас запретил заниматься ремеслом сапожника. Чем же ты промышляешь теперь?

– Да провалиться бы такому шаху сквозь землю! – со злостью и ненавистью ответил бедный сапожник. – Разве умный правитель такой приказ издаст? Как только до моего слуха дошли слова глашатаев, я быстро вернулся домой, взял кувшин с водой, метлу и снова вернулся на базар. Там и на главных улицах города я стал поливать землю водой и подметать мусор. Некоторые торговцы и домовладельцы пожалели меня и дали за мой труд по медной монете. На эти деньги я купил два чурека, кусок овечьего сыра, зелень, овощи, фрукты и отнёс домой. Вот так я и промышляю целую неделю, дорогой дервиш.

Посидел шах Аббас у гостеприимного хозяина ещё немного, а затем встал, попрощался со всеми и вышел на улицу.

Вернувшись во дворец, он вызвал главного везира и сказал:

– Пусть глашатаи передадут народу мой второй приказ: с этого дня никто не должен поливать водой и подметать мусор на базарах и улицах города. В противном случае, виновник будет казнён на дворцовой площади.

Рано утром, услышав о новом приказе шаха Аббаса, бедный сапожник вернулся домой, взял топор, верёвку и отправился в лес. Там он нарубил дров, взвалил на спину тяжелую вязанку, принёс на базар и продал за десять монет. На эти деньги он купил пищу для семьи и отнёс домой. Затем, он снова взял топор и веревку, пришёл в лес, нарубил дров, взвалил вязанку на спину и принёс себе во двор, чтобы топить печь в зимнюю пору. Так поступал бедный сапожник несколько дней.

Через неделю шах Аббас опять переоделся в одежду дервиша и отправился в город на прогулку. Ровно в полночь он подошёл к дому бедного сапожника и громко постучал в дверь.

Сапожник вышел на порог, увидел старого дервиша, пригласил в комнату, усадил рядом с собой и стал угощать чуреком, сыром и водой. Шах Аббас поел, попил и сказал сапожнику:

– Сын мой, слышал я, что шах Аббас запретил кому-либо поливать землю водой, подметать мусор на базарах и улицах города. Чем же ты занимаешься теперь?

– Да провалиться бы такому шаху сквозь землю! – с ненавистью ответил сапожник. – Разве умный правитель издаст подобный приказ? Как только до моего слуха дошли слова глашатаев, я быстро вернулся домой, взял топор, верёвку и отправился в лес. Там я нарубил дров: одну вязанку продал на базаре, чтобы купить пищу для своей семьи, а другую отнёс домой для топки в зимнюю пору. Вот так я и живу, дорогой дервиш.

Шах Аббас выслушал его, встал, поблагодарил за угощение и ушёл во дворец.

Наутро он вызвал к себе стражников и сказал:

– Сходите сейчас же в лес и, если такой-то человек с топором и верёвкой явится туда, схватите его и приведите ко мне.

– Слушаем и повинuemся, – ответили стражники и покинули покои шаха.

А между тем бедный сапожник взял топор, верёвку и отправился в лес, но не успел он дойти до опушки, как стражники схватили его, связали и повели к шаху.

В то же самое время шах Аббас надел свои праздничные наряды и сел на золотой трон, который с двух сторон окружили везиры, векили и знатные вельможи. Чуть дальше стоял страшный чернокожий палач с обнаженной саблей в руке.

Стражники втолкнули в тронный зал бедного сапожника. И только он увидел ужасного палача с обнажённой саблей в руке, как задрожал всем телом от страха. Шах Аббас узнал бедняка, но сделал вид, что встречается с ним впервые. А сапожник, в свою очередь, растерялся и не догадался, что шах Аббас тот самый человек, который неоднократно приходил к нему в гости в одежде дервиша.

– Разве ты не слышал о том, что я запретил под страхом смерти ходить в лес и рубить деревья? – грозно обратился шах Аббас к сапожнику.

– Нет, почтеннейший шах Аббас, – ответил бедный сапожник. – Я слышал только, что ты запретил заниматься сапожным ремеслом и уборкой базаров и улиц города от мусора. А вот о том, что ты запретил ходить в лес и рубить деревья, я слышу впервые, тобой клянусь!

Затем, получив разрешение шаха Аббаса, сапожник рассказал, как он всю жизнь занимался сапожным ремеслом, как недавно по приказу шаха забросил это ремесло и стал поливать землю водой, подметать на базарах и улицах города.

– А вот несколько дней назад, о великий шах Аббас, – продолжал сапожник, – когда ты запретил заниматься уборкой базаров и улиц, я начал ходить в лес и рубить деревья на дрова: одну вязанку я продавал на базаре за пять–десять монет и покупал еду для моей семьи, а другую вязанку относил домой для топки в зимнюю пору. Теперь же, почтенный шах, у меня нет никакой работы и поэтому я не знаю, чем прокормить жену и детей.

Выслушал шах Аббас бедного сапожника, и жалость к нему захватила всю его душу. Он велел стражникам развязать ему руки, встал с золотого трона и подошёл к бедняку.

– Свой приказ я не хочу отменять, – сказал шах Аббас сапожнику, – но работу ты получишь: отныне ты станешь моим надзирателем. Сейчас тебе дадут подобающую службе одежду и золотую саблю в серебряных ножнах. С этой минуты будешь ходить по базарам, улицам и закоулкам города и делать то, что скажет тебе мой приказчик. За свою работу ты станешь получать деньги из моей казны в конце каждого месяца.

Слуги принесли для сапожника одежду надзирателя, вручили ему в руки золотую саблю в серебряных ножнах и отправили на работу.

С тех пор, как бедный сапожник стал надзирателем, прошло около месяца. А когда остался один день до получения денег из шахской казны, шах Аббас опять переоделся в наряды дервиша и поздней ночью отправился в гости к сапожнику. Но не успел он дойти до его дома, как услышал весёлые удары тепа, смех и танцевальные песни. Шах с нетерпением подошёл к дому бедняка и громко постучал в дверь.

На стук вышел сам сапожник. Он увидел на пороге старого дервиша и пригласил в комнату. Шах Аббас поздоровался и последовал за хозяином дома. И как только он вошёл в комнату, то сразу же заметил на расстеленной скатерти вкусную и разнообразную пищу, а также увидел, что жена и дети сапожника одеты в дорогие одежды. Шах Аббас был удивлён увиденным и подумал: «Я же этому бедняку не дал ни одной монеты из своей казны. Так откуда же у него деньги на такие расходы?»

Он молча сел рядом с сапожником, отведал немного плова, жареного гуся, долмы, вина и с грустью сказал:

– На рассвете я покину ваш гостеприимный город и отправлюсь с караваном в далёкие страны. Зная, что у меня больше не будет времени, я пришёл в твой дом, чтобы на прощание поблагодарить тебя за доброту и сердечность.

– Дорогой дервиш, – сказал сапожник, – моё отношение к тебе не стоит благодарности, ибо человек, уходя навеки к чернокрылому Азраилу, должен оставить в этом мире честное имя и добрые дела. А теперь, да прибудет с тобой Всевышний, ешь, пей и отдыхай сколько тебе нужно, дорогой друг!..

Шах Аббас снова принялся за угощение, а затем вытер губы и сказал хозяину дому:

– Сын мой, слышал я, что шах Аббас запретил ходить в лес и рубить деревья для продажи. Чем же ты занимаешься теперь, чтобы прокормить семью?

Прежде чем ответить на вопрос старого дервиша, сапожник призадумался: «Сказать ли ему о своей тайне, или держать в секрете? Ха, если и раскрою дервишу эту тайну, ничего страшного нет. Ведь сегодня он здесь, а через несколько дней уже будет в другом падишахстве. Никто о нашем разговоре так и не узнает».

Потом сапожник внимательно посмотрел в глаза дервиша, слегка засмеялся и начал рассказывать ему о том, как месяц назад стражники шаха Аббаса схватили его возле леса, связали руки и повели во дворец к самому шаху.

– Представ перед троном, я в первую минуту очень испугался, – продолжал он свой рассказ. – Мне почему-то казалось, что великий шах Аббас прикажет страшному палачу тут же отрубить мне голову. Ведь любому повелителю всё равно, кого лишить головы – человека или цыплёнка. Но шах Аббас этого не сделал, а, наоборот, подарил мне жизнь и назначил своим личным надзирателем. По его указу мне принесли надзирательские наряды и вложили в руку золотую саблю в серебряных ножнах. «Деньги же за верную службу ты будешь получать из моей казны в конце каждого месяца», – сказал шах Аббас и отправил меня на работу. Сказать-то он, конечно, сказал, а вот как мне содержать семью, не подсказал. Недаром же говорится в народной поговорке: «Сытый не ведаёт о голодном»...

Выслушал его шах Аббас, покачал головой и спросил:

– Сын мой, как же ты выкручиваешься из трудного положения?

– А вот как, – ответил сапожник. – В тот же вечер я, прежде чем вернуться к голодным детям и жене, пришёл к богатому ювелиру, вытащил из ножен золотую саблю и продал ему, а в ножны вложил простую деревяшку. Ювелир не стал торговаться и дал мне за саблю полный хурджун денег. Я, обрадованный, вышел от него, пришёл на базар, обошёл лавки купцов, купил жене и детям дорогостоящие наряды, разные продукты и отнёс домой. А теперь, слава Всевышнему, у нас есть что надеть и чем насытить желудок. Да и денег ещё осталось на питание сверх нормы.

Шах Аббас притворился обеспокоенным и спросил:

– Сын мой, не дай Бог такому случиться, но что делать, если повелитель откуда-то узнает, что ты продал золотую саблю и вместо неё вложил в ножны простую деревяшку?

Сапожник усмехнулся и ответил:

– Во-первых, пока шах Аббас узнает об этом, пройдёт целая арба времени; во-вторых, до тех пор или ишак умрёт, или хозяин ишака; а в-третьих, если мы оба останемся живы, я найду какой-нибудь выход, чтобы спасти свою несчастную голову, дорогой дервиш.

Шах Аббас встал, поблагодарил его за вкусные угощения и, попрощавшись, отправился во дворец. А утром он вызвал стражников и сказал им:

– В полдень приведите из зиндана такого-то преступника, чтобы казнить его на дворцовой площади.

– Слушаем и повинемся! – ответили стражники и вышли из тронного зала.

И вот в полдень шах Аббас надел красно-пурпурные наряды, вышел на дворцовую площадь и сел на шахский трон. Слева и справа от него расположились его везиры, векили и знатные вельможи. Они молча взирали на горожан и ждали появления преступника.

Когда солнце достигло зенита, стражники привели преступника с кандалами на руках и ногах и, подгоняя его секирами вперёд, подняли на высокий помост, где страшный палач одним ударом сабли должен был отрубить ему голову.

Тут шах Аббас внимательно всмотрелся в небольшой строй надзирателей и, заметив среди них бедного сапожника, подозвал его к себе.

– Обнажи свою саблю и отруби голову этому преступнику! – приказал он бедняку.

От неожиданности сапожник задрожал всем телом и, уныло глядя на небо, подумал: «О Всевышний! То, что мне ночью говорил старый дервиш, сбылось. Что мне теперь делать и как выкрутиться из трудного положения?»

А между тем шах Аббас продолжал смотреть на бедняка и, усмехаясь, прошептал:

– Теперь посмотрим, кто умрёт раньше: ишак или хозяин ишака. Попробуй выкрутиться у меня, философ!..

Сапожник перехватил взгляд повелителя и сказал:

– Почтеннейший шах Аббас! Я никогда в жизни не убивал человека. Скажи мне, кто этот преступник и в чём заключается его вина? Только тогда я смогу отрубить ему голову золотой саблей.

– Этот преступник – садовник, – ответил шах Аббас. – Главная вина его в том, что он поливал свой сад из моего колодца и не отдавал мне часть урожая.

– Почтеннейший шах Аббас! – воскликнул бедный сапожник. – Тот, кто верит во Всевышнего – создателя всей вселенной, может ли

убить человека за какую-то пустяковую вину? Нет, конечно! И поэтому умоляю тебя, о великий шах, будь милостив и подари садовнику радость жизни!

Разгневался на него шах Аббас и закричал:

– Повторяю, обнажи свою золотую саблю и отруби голову преступника, а то сам сейчас лишишься головы!

Испугался бедный сапожник шахского гнева, схватил за рукоять сабли, обратил взор к Небесам и сказал:

– О Всевышний! Если этот садовник виновен в чём-то, укрепи мою руку, чтобы отрубить ему голову, а если он ни в чём не виноват, преврати мою золотую саблю в простую деревяшку!

Выхватил он из серебряных ножен саблю, и перед взором многочисленной толпы предстала... простая деревяшка.

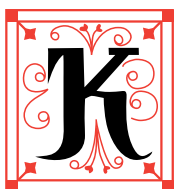
Не было предела людской радости. Народ, глядя на руку сапожника, торжествовал, весело смеялся и дружно просил повелителя освободить безвинного садовника из-под стражи.

Понял тогда шах Аббас, что хитрый сапожник блестяще выкрутился из трудного положения, засмеялся и обратился к стражникам:

– Немедленно освободите садовника и отпустите домой, – затем повернулся к сапожнику и сказал: – Отныне отменяю свои приказы. С завтрашнего дня можешь смело отправляться на базар и снова заниматься своим ремеслом. А вечером не забудь заглянуть ко мне, чтобы получить из моей казны сто золотых в награду. Живи и здравствуй, дорогой сапожник!..

Так бедный сапожник трудолюбием и сметливостью добился отмены шахских приказов, получил от него в награду сто золотых и снова занялся своим сапожным ремеслом, которое приносило бедняку радость и удовольствие

Белго и Маравшей

Жогда рассказывают эту историю – камни трещат, горы дрожат, море стонет, а небо чёрными тучами заволакивается. Когда же люди слушают её, то горькими слезами заливаются.

А вас попрошу набраться мужества и выслушать до конца эту печальную историю, которую донесли до нас наши предки в назидание будущим поколениям.

В давние времена, в такие давние, когда ещё были данандеи и дerviши, амалданы и данусменды, падишахи и владельцы сказочных дворцов, когда письма посылались друг другу через караванщиков, – вот в те дальние времена в одной горной стране жили-были муж и жена. Очень крепко любили они друг друга: между ними вода бы не просочилась, иглолка бы не пролезла. За многолетнюю совместную жизнь ни муж, ни жена не сказали друг другу грубого слова, не повысили голоса своего. Муж называл жену свою Мозол, что значит – Счастье, а жена мужа своего – Шолум, что значит – Мир.

«Мозол, жить тебе и здравствовать!» – с этими словами всегда начинал муж своё обращение к жене.

Жили они очень богато: табуны коней, стада коров, отары овец, сотни гусей, индюков, уток; бескрайние сады и виноградники; огромный

расписной дворец с семьёй хейвунами. Всего у них было много: живи и радуйся! Но нет, ни богатство, ни огромное хозяйство, ни кованные сундуки с золотом и драгоценностями не радовали глаза супругов. Известное дело, самое дорогое – это собственное дитя. Но этого самого дорогого богатства у них не было.

Всякий раз, когда они сидели без дела, то мучительно раздумывали над тем, кто будет оплакивать их после смерти и кому же останется их большое хозяйство и казна?.. Чтобы забыться от этих дум, муж засветло уходил из дома, объезжал своё хозяйство и на время забывался. А жена оставалась дома и тоже находила себе работу: то птиц накормит, то коням овса даст, то коров подоит, то еду приготовит, – словом, что-нибудь да делала. Лишь бы не думать о том, что нет у них самого дорогого богатства – детей.

Изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год трудились супруги. Но пришло время им состариться, стать бессильными и беспомощными. Теперь они всё чаще и чаще сидели дома и доживали свою старость. Но скорбь и печаль не оставляла их, так сильно хотелось им иметь своего ребёнка. А в старости это самое сильное беспокойство.

– Мозол, жить тебе и здравствовать, что-то нужно сделать, чтобы у нас родился ребёнок, – то и дело поговаривал старик, – Хотя бы горбатого, слепого, но иметь бы дитя.

– Шолум, да исполнятся твои желания, – с горечью отвечала жена. – Всё в руках Бога. От нас ничего не зависит.

А Шолум ей на это настоятельно повторял:

– Мозол, жить тебе и здравствовать, но надо что-то делать, мы уже стары, скоро в могилу сойдём, если сидеть и ждать, то и Бог не поможет.

Но что делать, ни он сам, ни его жена не знали, а потому только горестно вздыхали и тайком друг от друга утирали слёзы.

Но в один прекрасный день Шолума осенила мысль пригласить к себе данусмендов из далёких заморских стран и выложить им своё горе.

«Может быть, что путное и посоветуют», – решил он и послал во все концы своих глашатаев.

Вскоре дворец убитых горем супругов посетили данусменды. Поведал старик им своё горе и стал просить совета и помощи.

– Всё в руках Бога. Мы здесь бессильны, – сказали данусменды.

Но один из них по имени Меошиерах сказал:

– Добрый человек, согласен ли ты пожертвовать собой, если у вас родится сын?

Старик, не задумываясь, ответил:

– Огнём клянусь!.. Согласен!

Тогда данусменд Меошиерах обратился к жене старика:

– Согласна ли ты, добрая хозяйка, пожертвовать собой, если вторым ребёнком у вас родится дочь?

– Огнём клянусь... Согласна! Только бы были у нас дети, – сказала убитая горем Мозол.

Меошиерах повелел хозяину дома, не откладывая ничего на завтра, сегодня же собираться с ним в путь.

– Знай, старик, дорога дальняя и трудная, – предупредил данусменд.

Старик решительно ответил:

– Что будет, то и будет!

На следующий день, когда небо только начало светлеть, слуги изловили в табуне двух самых лучших коней, оседлали их и привели ко дворцу. А жена уложила в хурджуны разного кушанья, прочитала в дорогу молитвы и вышла во двор, где шли сборы. Много народу собралось провожать владельца этого сказочного дворца и данусменда в путь-дорогу, и все они желали им счастливой дороги и удачного возвращения.

– Мозол, жить тебе и здравствовать, не терзай себя дурными мыслями, – сказал на прощание старик своей любимой жене.

Затем он и Меошиерах сели на своих добрых коней и предались дороге. Семь месяцев и семь недель пробыли они в пути. За эти семь месяцев и семь недель семь раз они взбирались на вершины крутых гор и семь раз спускались в глубокие сырые ущелья, у семи рек делали привал и поили коней своих; во многих караван-сараях, ночевали; семь велиетов проехали и, наконец, доехали до одного таинственного леса, где жила древняя старушка Гузелгюл. Остановили они на краю тёмного дремучего леса своих коней и стали искать тропинку, которая привела бы их к сакле старушки Гузелгюл.

Долго искали они эту тропинку, но так и не смогли найти. Сели тогда на лужайке, чтобы усталость с себя сбросить, и видят: к ним подлетел соловей и сказал:

– Я знаю, вы к старушке Гузелгюл пришли... Идите за мной, я вас проведу...

Путники взяли под уздцы своих коней и заспешили за перелетающим с ветки на ветку соловьём.

Старик Шолум и данусменд Меошиерах подошли к одному холму и видят, что на нём растёт много кустов чёрных роз: одна красивее другой! Ну прямо загляденье! А запах от них такой одурманивающий, что путники наши тут же опьянели и бесчувственными свалились на землю. Увидел соловей всё это, взлетел на одно дерево, набрал в клюв росинку и капнул им в рот: путники пришли в себя, встали и вновь пошли за перелетающим с ветки на ветку соловьём.

Наконец подошли они к низкой сакле старушки Гузелгюл, предстали перед ней и стали рассказывать о себе и о цели своего прихода.

Выслушала Гузелгюл путников и, посмотрев на их усталые лица, на изорванную одежду, на пыльные, порванные кожаные чупаки с высокими голенищами, пожалела их.

– Я бы помогла вашему горю, – сказала она, – но это не в моей власти. Вам нужны розы, которые растут в моём цветнике, но они строго охраняются всеми осами этого леса. Если вы сможете зайти в тот цветник, да так, чтобы осы не покусали вас до смерти, и сорвать розу и розочку, то ваша взяла. Если же осы вас кусают, то считайте, что вы пришли сюда, чтобы обрести свою смерть.

Данусменд выслушал старушку Гузелгюл и сказал:

– Что судьбой предрешиено – тому и быть. Ступай, мой хозяин, в цветник... Такой дальний путь прошли, много трудностей перевидали, стыдно ни с чем возвращаться.

Ничего не оставалось делать несчастному бездетному Шолуму. Вошёл он в цветник и только потянулся к цветку, как из таинственной чащи леса с жужжанием слетелись рои огромных, большеглазых ос. Как только не махал старик руками, защищаясь от злых и разгневанных ос, как только не кричал, вызывая неведомо кого на помощь, но огромные злые осы всё садились ему то на плечи, то на шею, то на лицо, то на руки и больно жалили. Явная смерть ждала бы бедного старика, если бы не знакомый соловей. Сел соловей на куст розы и стал изо всей силы петь песню, в которой говорилось:

*Если из моря взяли каплю воды,
Море не станет от этого мельче;
Нищему если дать напиться воды,
Воды от этого, нет, не убавится.*

*Если на клумбе розу сорвать,
За ночь другие вырастут.
Если уверовать в это во всё,
Божья милость свершится
В этой и в будущей жизни...*

Услышали осы волшебную песню соловья и тут же замерли, застыли на месте. Те, которые хотели ужалить – не могли высунуть свои жала; те, которые летали – так и застыли в воздухе; те, что хотели взлететь – так и не взлетели... Околдовала их песня соловья. А бездетный старик между тем поспешно сорвал одну розу и ещё розочку и вышел из цветника, уже покусанный и опухший.

Пришёл он к древней старушке Гузелгюл, а та и говорит:

– Высушишь розу и розочку, затем растолчёшь и заваришь чай. Семь дней по семь раз в день с женой будешь чай этот пить. Пройдёт девять месяцев и девять дней, и у вас родится сын. Но знай, когда сыну исполнится семь лет и семь дней, ты умрешь. За девять месяцев до твоей смерти жена родит тебе и дочь. Когда девочке исполнится семь лет, умрёт и жена... А теперь возвращайтесь, Бог вам в помощь.

Старик и данусменд поблагодарили Гузелгюл за розы и тронулись в обратный путь.

Много месяцев и недель пробыли они в дороге, семь чужестранных земель проехали, во многих караван-сараях ночевали; семь раз спустились в непролазные ущелья и семь раз выбирались оттуда. А старый Шолум никак не мог дождаться конца пути: ему всё не терпелось скорее добраться домой и обрадовать заждавшуюся его старушку.

Добрались они до седьмой реки, напоили коней своих, разожгли костёр, поставили казан с пловом на огонь и сами сели у огня отдохнуть. Тут Шолуму представилось, как радостно встретит его Мозол и на радостях всплакнёт. От этой приятной мысли в нём заиграла кровь, и старик стал танцевать вокруг костра:

– Арса, арса, у меня будет сын, у меня будет дочь!.. Арса! Арса!..

Неподалёку от этих мест жил один данандей. Услыхал вещун, что кто-то в такт танцу хлопает и «Арса! Арса!» кричит. Приблизился он к костру и, увидев пляшущего старика, спросил:

– Да пусть радость и веселье вечно сопутствуют вам, старцы! Почему вы так радостны?

Рассказали ему старцы всё как есть. А вещун улыбнулся ехидно и говорит:

– У сегодняшней радости в завтрашнем дне горе бывает.

Не по душе пришлись данусменду слова незнакомца, и он зло сказал:

– Чтоб язык твой сгнил, собачий сын.

Разозлился данандей, стукнул своим волшебным посохом о землю и крикнул:

– Исчезни с глаз моих на дно реки, и стань там Серови.

В это время из того места, куда незнакомец ударил своим посохом, вырвался смерч, закрутил, завертел Меошиераха, и унёс в реку.

– А ты, старец, ступай своей дорогой, – сказал данандей и добавил:

– Но знай и помни, что у сегодняшней радости в завтрашнем дне горе бывает.

Сел старый Шолум на коня своего и, не отведав плова, поехал лицом к своей стране. Семь раз пришлось ему подниматься на вершины крутых гор и семь раз спускаться, но, наконец, добрался он до родного порога. Обрадовалась жена возвращению мужа. Много народу пришло провести Шолума, а вечером он рассказывал собравшимся обо всём случившемся с ним в дороге и о встрече с незнакомцем.

Когда старый Шолум закончил свой рассказ, жена сказала ему:

– Шолум, да исполнятся твои желания, я просила бы тебя этому доброму данусменду в нашем дворце памятник из золота и мрамора поставить. Такому человеку, как он, нужно воздать заслуженную честь и память. Пусть слава о добром человеке будет примером для детей, которые у нас родятся.

– Словами самого Бога говорит жена твоя. И вправду, нужно бы такому доброму данусменду, каким был бедный Меошиерах, поставить памятник, – в один голос обратились к Шолуму все собравшиеся.

Распорядился владелец дворца, чтобы поставили доброму старцу данусменду Меошиераху памятник. Через три дня и три ночи его приказ

был выполнен. Много народу приходило смотреть на этот памятник и почтить заколдованного данусменда Меошиераха.

Спустя несколько дней бездетные супруги потолкли в ступе привезённые розы, заварили чай и стали пить. Семь дней и по семь раз в день пили они этот чай. А через девять месяцев и девять дней, как и говорила Гузелгюл, у стариков родился сын необыкновенной красоты. Назвали его Гавриил. Если у человека два глаза, то нужно ещё два глаза, чтобы смотреть на красоту этого ребёнка. Радости стариков не было предела – они готовы были лопнуть от счастья.

О, бедные старики, если бы они могли знать, что ждёт впереди их новорождённого.

Но не станем забегать вперёд, а расскажем о том, как растили они своё чадо.

Его ватой пеленали, чтобы ветерок не мог тела его касаться; его в масле купали, чтобы здоровым рос; его мясом без костей кормили, чтобы сильным был, ему хлеб без отрубей давали, чтобы рос скорее, его всеми молитвами благословляли, чтобы Бог был к нему добр... И он рос изо дня в день красивым, умным, здоровым и добрым.

За девять месяцев до того, как мальчику исполнилось семь лет и семь дней старая мать родила дочь. Назвали её Белго. В ту ночь, когда родилась дочь, луне стало стыдно – девочка затмила её своей красотой. И звёзды на небе погасли – их погасил взгляд девочки. А когда наступило утро, лучи солнца тут же исчезли в золотых её волосах.

Спустя некоторое время после рождения девочки старый отец умер, как и предсказывала старая Гузелгюл. Предали его тело земле, а через год устроили серсали и надгробный мраморный памятник поставили.

Но время шло. Гавриилу исполнилось четырнадцать лет, и у него стали появляться усы, а девочке исполнилось семь лет, и её косички превратились в сорок тугих кос. Старая мать глядела на детей своих и не могла нарадоваться ими.

– Дети мои, живите дружно и никогда не грубите друг другу, – часто говорила она. – Где дружба и согласие, там и колючка розой станет.

И дети обещали быть такими, как велит их мать.

Вскоре старая Мозол слегла в постель и умерла. Похоронили её дети рядом с могилой отца, поставили надгробный мраморный памятник и остались совсем одни.

Жили они дружно, во всём помогали друг другу и никогда не сердились, грубого слова не роняли. Соседи их в пример другим ставили.

А между тем Гавриил каждое утро уезжал осматривать сады и виноградники, а поздно вечером возвращался домой. А сестра его оставалась дома, за дворцом присматривала, готовила к возвращению брата вкусные кушанья. Брат, глядя на сестру свою, всегда радовался тому, что только у него есть такая красивая и милая сестра, а сестра смотрела на брата своего и тоже радовалась, что только у неё есть такой красивый, добрый и вечно занятый хозяйством брат.

Так жили брат и сестра до тех пор, пока не случилось одно событие.

...Однажды, когда Гавриил уехал в сады, а Белго осталась дома одна и была занята хозяйством, к ней пришла поболтать соседская дочь и предложила свою помощь.

– Я сама справляюсь, – ответила Белго.

Но соседская дочь, а звали её Маравшей, всё же стала помогать. Много разных дел переделали в этот день Белго и Маравшей: и птиц накормили; и коров и лошадей загнали по своим местам; и двор прибрали; и комнаты в порядок привели; и обед приготовили... А когда дело близилось к вечеру, соседская дочь ушла, попрощавшись с хозяйкой дома.

С заходом солнца вернулся Гавриил домой, поцеловал, как того требовал обычай, сестру в лоб и угостил её фруктами из сада.

– Ешь, сестричка, на здоровье. Для тебя рвал, – сказал он.

Сестра поблагодарила и велела брату садиться ужинать. За ужином Гавриил рассказал любимой сестре о делах на виноградниках и в саду, а Белго рассказала брату, как приходила соседская дочь и помогала ей по хозяйству. Затем они ушли по своим комнатам спать.

На следующее утро брат, как всегда засветло, уехал в сады, а сестра занялась хозяйством. И в этот день к ней пришла соседская дочь и снова стала помогать. Между дел она сказала Белго:

– Брат твой красивый и умный!

Белго ответила:

– Да, он очень хороший.

И тут они разговорились.

– Вот женился бы он, и тебе было бы легче, – сказала соседка Маравшей. – Глядишь, вдвоём, невестка и золовка, станут хозяйство вести... Одной всё же трудно и скучно.

– Ну что ты, моему брату ещё рано жениться, – ответила Белго, смущаясь.

Но нет, не так-то легко было отделаться от Маравшей. Она была себе на уме, да и хитрости не лишена.

Когда солнце, отработав своё время, ушло на покой, Гавриил вернулся домой. Как и всегда, он мило поцеловал сестру и угостил спелыми грушами.

– Ешь на здоровье, сестра! – сказал брат и, увидев её грустное лицо, встревожено спросил: – Что с тобой, сестра, не больна ли?

И Белго ответила:

– Дорогой мой брат, у меня к тебе есть серьёзный разговор.

– Говори, сестра, – ответил брат.

И сестра стала говорить брату, что пора бы ему жениться, что ей трудно в хозяйстве... Много всяких причин выставила Белго брату, но брат выслушал и, усмехнувшись, ответил:

– Дорогая сестра, мне и без жены неплохо... А помогать тебе я сам буду... Только не говори мне больше о женитьбе.

Сестре стало неловко, она покраснела и ушла в свою комнату.

На следующий день, когда Гавриил уехал в сады, Маравшей снова пришла и спросила:

– Ну как, красавица, говорила с братом о женитьбе?

– Говорила, но он и слушать не хочет, – ответила Белго, улыбаясь и гордясь своим братом.

А соседская дочь обняла Белго за плечи и стала советовать:

– А ты будь умницей, когда он вернётся, расплачься и скажи ему, что тебе одной оставаться страшно... да и ужин ему не готовь... Женится брат, и тебе легче с невесткой будет, как-никак помощь.

Послушалась Белго подружку и сделала всё так, как она насоветовала.

Увидел Гавриил, что сестра его плачет, испугался: не случилось ли чего? И, обняв её за плечи, спросил:

– Милая сестра, что с тобой?

И вот тут-то Белго и высказала:

– Никакая я тебе не милая. Если бы любил сестру свою, то исполнил бы её просьбу, женился бы...

– Дорогая сестра, но мне не на ком жениться. Где же я невесту найду? – сказал Гавриил.

Обрадовалась Белго, что наконец-то брат согласился жениться, и говорит:

– Да исполнятся твои желания, милый брат, далеко ходить не нужно, невеста рядом живет.

И она рассказала о соседской дочери и в конце заверила: – Лучшего и искать не надо. Она хозяйственная, умная, добрая.

Не хотелось Гавриилу обижать свою любимую сестру, и он сказал:

– Милая сестричка, быть по-твоему.

Вскоре сыграли богатую свадьбу, и Маравшей перебралась к мужу в дом. Так у красавицы Белго появилась невестка...

Стали они жить втроём и хозяйство вести. Гавриил, как и раньше, с восходом солнца в сады уезжал, а Белго и Маравшей оставались дома и все дела переделывали. А когда Гавриил возвращался, то привозил из сада жене и сестре вкусные фрукты.

– Ешьте на здоровье, – говорил он, угощая.

Белго от всего сердца радовалась за доброго брата своего, дорожила его вниманием и всегда старалась ответить заботой о нём. А Маравшей злилась дружбе мужа с золовкой и копила на них злобу, которая с каждым днём и часом готова была выплеснуться, причинить горе, изжить из дому Белго.

«Поселилось в доме зло – от горя не избавишься», – говорит народ.

И вот в один из дней, когда Гавриил отправился в сады, Маравшей тайком зашла в курятник и всем курам головы поотрывала. А когда муж вернулся, то она выбежала к нему навстречу и стала кричать, в ноги мужу падать. Испугался Гавриил и спрашивает:

– Что случилось?

А хитрая Маравшей отвечает:

– Зайди в курятник и посмотри сам.

Вбежал встревоженный Гавриил в курятник и видит, как в собственной крови безголовые куры трепыхаются.

– Это дело рук твоей любимой сестры, – поспешила уверить его Маравшей.

Не стал Гавриил браниться, а только сказал:

– Ничего страшного. Пусть жизнь этих бедных птиц будет жертвой перед Богом.

Ещё злее стала Маравшей от всего того, что сказал ей муж, и пуще прежнего возненавидела она свою золовку.

На следующий день Гавриил снова уехал в сады, а она зашла в коровник, чтобы коров подоить, да всем животным пообрезала вымя и стала ждать возвращения мужа. А когда пришло время возвращения Гавриила, выбежала ему навстречу со слезами и стала кричать:

– Опять твоя любимая сестра беду натворила, всем коровам вымя пообрезала... Чего она только этим добивается?

И на этот раз не стал Гавриил браниться, а только коротко сказал:

– Ничего страшного, велю зарезать коров, а мясо – бедным раздать.

Лютой злостью налились глаза хитрой и коварной Маравшей от слов мужа, но она промолчала и затаила в душе новую злобу.

Шли дни за днями, брат и сестра по-прежнему окружали друг друга заботой и вниманием, а жена по-прежнему продолжала презирать золовку и, не переставая, думала, как бы выжить её.

И такой день пришёл. Маравшей на этот раз пообрезала всем лошадям хвосты, а когда муж вернулся из садов, растрепала свои волосы, глаза слюнями намазала и, свалившись на холодный пол, притворилась плачущей.

Гавриил обеспокоился, когда увидел жену в таком виде, подбежал к ней и спрашивает:

– Что с тобой? Почему ты на холодном полу лежишь? Так ты можешь застудить себя и у нас не родится ребёнок.

И вот тут-то хитрая Маравшей поняла, что только ребёнком можно напугать мужа и заставить его выгнать из дому любимую им сестру.

– Если ты хочешь жить со мной и ребёнка иметь, то прошу тебя, выгони из дому сестру свою... На этот раз она всем лошадям хвосты обрезала... Чего она только этим добивается?

Испугался Гавриил, как бы с женой чего не случилось, и не осталась она без ребёнка, и позвал к себе свою любимую сестру и сказал ей:

– Дорогая сестра, ни о чём расспрашивать тебя не буду и объяснять не стану. Построю тебе в другом месте дом – половина из серебра, половина из золота... Бери всё, что тебе нужно из этого дома, и уходи!

Не стала Белго перечить любимому брату, но слёз сдержать не смогла, расплакалась и сказала:

– Воля твоя, милый брат, поступай, как знаешь!

За три дня и три ночи по приказу Гавриила мастера выстроили в самом дальнем саду дом – половина из серебра, половина из золота, и бедная Белго перебралась туда. Радостям коварной Маравшей не было предела. Она торжествовала свою победу над золовкой.

Спустя несколько месяцев после того, как Белго покинула дом брата, у молодых супругов родился сын. Красотой своей он походил на отца своего, и Гавриил рад был этому сходству, и души не чаял в наследнике своём. Каждый вечер, возвращаясь из садов, он брал младенца на руки и подолгу забавлялся им, смеясь и радуясь от души.

«Злодейка не может жить, чтобы зла не делать», – говорит народ.

Не могла жить без зла и Маравшей. Всё это время она только и думала о том, как бы вновь причинить своей золовке зло.

И вот однажды Гавриил, как всегда, отправился в сады, а жене наказал, чтобы за ребёнком присматривала, плакать не давала да вовремя кормила. Осталась Маравшей с ребёнком одна-одинешенька, и тут ей в голову пришла мысль: убить ребёнка и свалить вину на свою золовку. «Вот когда я золовку вконец изничтожу!» – обрадовалась коварная Маравшей.

Когда пришло время кормить ребёнка, она намазала грудь свою ядом и дала младенцу пососать. Не успел бедный крошка губами материнской груди коснуться, как тут же скончался, не издав ни единого детского писка. Коварная и жестокая Маравшей преспокойно запеленала и положила в колыбель-качалку мёртвого ребёнка и ушла во двор, чтобы вернувшийся муж мог видеть её за работой.

Вскоре во двор въехал и сам Гавриил. Он привязал коней к коновязи и заспешил в дом, где находилось его чадо. Гавриил подошёл к колыбели, чтобы взять ребёнка, – и, о ужас! – сердце отца будто замерло, когда он коснулся мертвого, холодного родного тельца сынишки.

– Сыночек мой! – страшным голосом крикнул Гавриил, и из глаз его хлынули слёзы.

А стоявшая в это время за дверью Маравшей, сделав растерянно-испуганный вид, вбежала в комнату, бросилась к ребенку, словно она ещё ничего не знала, и стала кричать, рвать на голове волосы.

– Ой, ой! Сыночек наш родненький, – кричала она. – Зачем же ты оставил нас одних, ушёл от нас?.. Это проклятая твоя тётя задушила

тебя... Зачем я, дура, позволила ей с тобой играть... Зачем? Зачем? – Она металась по комнате, а сама исподтишка наблюдала за мужем.

Послушал Гавриил, о чём сквозь слёзы кричит жена его, и тут же велел сходить за Белго и привести её.

Со всех ног побежала коварная невестка к своей золовке. Прибежала, вошла в дом, а тем временем золовка была занята шитьем. Маравшей еле переводя дыхание, сердито сказала:

– Брат велел срочно явиться к нему, – сказала и сразу же ушла.

Вернулась она к себе и стала ждать, что же будет дальше.

А Белго тем временем связала в узелок подарки для своего племянника, нарядилась сама и заспешила в гости к брату. Не успела она переступить порог дома, подарки свои выложить, как брат сказал:

– Дай мне сюда твою руку.

Белго покорно протянула правую руку, не понимая, в чем дело. Брат обнажил кинжал свой и одним взмахом отсёк сестре руку и швырнул её на пол.

– Дай сюда и вторую руку, – сказал брат нервно.

Белго покорно протянула и левую руку. Гавриил отсёк одним взмахом и вторую руку и швырнул её туда же, где лежала правая рука.

– А теперь ступай на все четыре стороны. С этой минуты ты мне не сестра, я тебе не брат, – сказал Гавриил.

Не стала бедная Белго ни о чём расспрашивать брата своего, а только посмотрела на валявшиеся в крови руки свои, которыми она обнимала любимого брата, готовила ему обеды, стирала, гладила, и, обливаясь горькими слезами, покинула дом брата и невестки, покоряясь не разуму, а ногам своим.

Долго шла она, истекая кровью, обливаясь слезами боли и обиды. Ночи шла, дни шла, много месяцев шла, семь гор прошла. И всё это время питалась чем придётся и как придётся. Лесом шла – дичками питалась. Если дички над головой росли, она губами тянулась к ним. Когда полем шла – ягоды собирала: ложилась на живот и губами срывала их.

Но в один из жарких дней случилось так: пришла она к одной шумной речке, такой шумной и могучей, что камни по дну ворочает, и села на крутом берегу. И так ей пить захотелось. Легла она ничком у самого берега и стала губами воду захватывать. Вдруг – надо же такому случиться, когда она хотела захватить губами воду, поток воды подхватил

её и стал уносить на дно. Бедная Белго стала кричать, да так громко, что в лесу деревья, словно от сильного ветра, гнуться стали, шелестя листвой, и крик этот о помощи дальше уносить. А как она, бедная, барахталась, старалась не уйти на дно шумной реки! Если бы кто видел всё это, тут же ослеп бы от ужаса...

Но на счастье, её страшный, предсмертный крик дошёл до речной царицы Серови. Выплыла Серови на поверхность воды, вынесла несчастную на берег реки и исчезла.

Побрела бедная Белго в сторону леса, дрожа от страха, который ей только что пришлось испытать, и вскоре набрела на одно плодовое дерево, на котором росли дикие груши. Попробовала девушка губами сорвать с дерева одну грушу, а дерево поднялось и выше стало. Стала тогда Белго на носки и снова потянулась к плоду, а дерево ещё выше стало. Села тогда она под деревом и стала ждать, когда с дерева упадёт плод. Долго сидела она так, но дерево всё не роняло плодов. И девушка взмолилась, запрокинув к небу голову:

– О, Худо, за что же ты так жесток ко мне? В чем моя вина?.. Даже этими дикими плодами и то не хочешь накормить меня, несчастную, беспомощную, бездомную.

Не успела Белго произнести эти слова, как с неба сорвался длинно-головый, многохвостый ветер. Он подхватил своими длинными, костлявыми руками девушку, тихо поднял её, посадил на грушевое дерево и тут же с шумом поднялся и исчез.

Обрадовалась Белго, что какое-то чудо посадило её на дерево, и спокойно стала рвать губами груши и есть. Много дней и ночей сидела она на дереве и ела дикие груши. Кто знает, сколько ещё она могла так сидеть на дереве, если бы не случай.

А случилось вот что.

Неподалёку от этого леса, где на дереве сидела бедная безрукая красавица Белго, находилось падишахство одного знатного падишаха, которого звали Генедон. Было у этого падишаха три сына: старшего звали Нагулдан, среднего – Шумшун, младшего – Джугово. Все братья были очень красивыми и сильными, и всегда во всём помогали отцу своему.

И вот в один из дней Генедон говорит старшему сыну:

– Нагулдан, погоди лошадей на водопой.

Взял Нагулдан плетъ, сел на коня и погнал весь табун к реке. Когда лошади подошли к лесу, вдруг остановились, как вкопанные, и ни с места.

– Но!.. Гей!.. – кричит старший сын Генедона и бьёт плетью лошадей.

Лошади ржут на весь лес, на дыбы встают, а к реке не идут. Семь часов мучился падишахский сын, семь потов сошло с него, но так и не смог он заставить заупрямившихся лошадей подойти к реке. Пригнал он тогда табун обратно и говорит:

– Отец, не знаю почему, но лошади не идут к реке. Чего-то боятся.

Послал тогда падишах среднего сына. Пригнал Шумшун табун в лес, встали лошади на одном месте, словно к земле приросли, и ни с места. Семь часов мучился Шумшун, семь потов с него сошло, но и он не смог подогнать лошадей к реке.

Вернулся он домой и говорит:

– Отец, лошади и вправду кого-то боятся, не идут к реке.

Обратился тогда падишах к младшему сыну:

– Джугово, погони табун и выведай, в чем дело.

Джугово пообещал отцу всё выведать, вскочил на коня и погнал табун на водопой. Лесом лошади шли спокойно, но, когда стали подходить к реке, встали и ни с места: ржут на весь лес, землю копытят, друг друга кусают. Видит Джугово, что нет смысла кричать на них, погнал он тогда их обратно, а сам остался, чтобы вызнать, в чем дело.

Пошёл он налево, каждый куст, каждое дерево осмотрел – ничего нет. Пошёл он направо – опять ничего нет. Спустился он тогда к реке и вдруг почувствовал, что глазам его стало больно от какого-то света. Прикрыл юноша ладонями лицо, чтобы глаза свои не ослепить, и стал сквозь пальцы смотреть вокруг. Посмотрел он на одно дерево, и глазам его предстало невиданное, неслыханное чудо! С дерева водопадом спадали золотые, ослепляющие своим блеском волосы. Такой свет излучали эти волосы, что, казалось, лес пылает огнём и погасить этот огонь никто и никогда не сможет.

Подошёл Джугово к дереву и, не отрывая от лица рук, спросил:

– Кто сидит на этом дереве, отвечай?

Но ему никто не ответил. Только золотые волосы заколыхались и ещё сильнее стали слепить юноше глаза.

А Джугово опять обратился к невиданному чуду:

– Если старушка – станешь мне второй матерью, если старик – вторым отцом будешь, если юноша – четвёртым братом будешь, если девочка – сестрой станешь, если девушка – женой будешь. Скажи хоть слово, дай о себе знать, назови своё имя...

И тут с дерева донёсся ответ:

– Не возьмешь ты меня в жёны, добрый юноша.

Поклялся тогда Джугово в верности своих слов и попросил девушку сойти на землю.

– Я не могу сойти, у меня нет рук, – сказала девушка. Из глаз её капнули слёзы. Капнула одна слеза – трава под деревом тут же сгорела, капнула вторая слеза – яма образовалась, капнула третья – и угодила юноше на плечо, и ему стало больно: слеза девушки обожгла ему кожу. Больно жгучими были от всех обид и мучений слёзы бедной красавицы Белго.

Когда увидел Джугово красавицу, тут же всем сердцем влюбился в неё. Примчался он со всех ног домой, запряг в золотую карету двух самых добрых коней. Затем повязал этим коням чёрными повязками глаза, чтобы не пугались блеска волос красавицы, и мигом приехал в лес, под то самое дерево, где сидела неведомая ему девушка. Взорбался юноша на дерево, снял оттуда безрукую красавицу, и привёз в отцовский дворец.

Старый Генедон – отец юноши – вышел на хейвун, посмотрел вниз, и чуть было чувств не лишился. Уж очень красива была эта безрукая невестка. Вышла на другой хейвун и жена Генедона, посмотрела на красавицу и тут же упала в обморок: едва привели в чувство. Прибежали и старшие братья посмотреть на девушку, которую привёз во двор их младший брат. Как увидели старшие братья, так и ахнули. Долго, разинув рты, смотрели собравшиеся на ослепительную красоту безрукой девушки и ничего не могли сказать от восторга и удивления, а Джугово тем временем помог безрукой красавице выйти из кареты, провёл её в отцовские покои и объявил всем собравшимся:

– Она моя невеста.

Назначили день свадьбы. Падишах наказал мастеровым сделать его невестке руки из чистого золота, дворцовым портным наказал сшить ей дорогие свадебные наряды, а хундекучи своим велел созывать на свадьбу сына всех знакомых и незнакомых, всех бедных и богатых.

Вскоре во дворце Генедона заиграла музыка – это справляли свадьбу Джугово и красавицы Белго. Гости только тем и занимались, что восторженно хвалили невесту. А она и вправду была так красива и прелестна в своём свадебном одеянии, что гости наслаждались, глядя на неё. А когда она танцевала, подняв над головой свои золотые руки и мелкими шажками шла по кругу, то казалась всем грациозной ланью.

– Надо быть счастливым, чтобы иметь такую красавицу в доме, – говорили гости и подносили молодым два стакана: один с мёдом, другой с маслом.

Сорок дней и ночей шло пиршество в честь молодых. На сорок первый день гости разошлись по домам, а молодые супруги предались радостным объятиям и стали жить в дружбе и привязанности, будто мёдом помазанные.

Шли дни за днями, недели за неделями. Джугово вместе со старшими братьями каждый день уезжал в сады помогать отцу. А красавица Белго оставалась дома и помогала по хозяйству свекрови. Ей бы с такой красотой и обаянием сидеть бы целыми днями и озарять собою весь падишахский дворец! Но нет, не такой была невестка, она ещё с детства привыкла к труду. За что ни возьмётся – всё спорится в её золотых руках. И свекровь была довольна и рада за свою невестку, всегда хвалила её мужу и сыновьям своим. А молодой супруг вовсе не мог нарадоваться своей красавицей женой.

– Моя радость, – говорил он нежно, всем сердцем обнимая её.

Всё шло хорошо, так хорошо, что большего и желать не нужно было.

Но случилось так, что на одно падишахство напали войска другого падишахства. Юноши всех падишахств стали собираться на войну. Пошёл на войну и Джугово, сел он на коня своего и уехал вместе с братьями воевать в далёкую страну. Осталась бедная Белго без любимого, без его ласки и объятий. Но не пала духом, не омрачилась. Чтобы не думать о милом супруге, не наводить ни на себя, ни на других тоску, стала она целыми днями и ночами, без сна и отдыха трудиться по хозяйству, ездить со свёкром в сады, помогать ему. «И откуда столько силы у этой красавицы?!» – удивлялись все. Неведомо было им, что от большой любви к своему супругу передавались ей силы.

Вскоре в падишахском доме появился новый человек: Белго родила сына – такого красивого, что на всём свете ещё никто не видывал ничего подобного. Каждому, кто видел этого ребёнка, чудилось, что он отлит из золота. А каким же он должен был быть, если родила его красавица?! Назвали новорожденного Манисманом.

Решили старики – Генедон и его жена – поделиться радостью со своим сыном и написали ему письмо, где были такие строки: «Дорогой наш сын Джугово, жена твоя родила тебе сына небывалой красоты. Силой он в тебя пошёл, а красотой и мать свою превзошёл». Препоручили письмо это караванщикам, что двигались к тем краям, где шла война, – и стали ждать ответа.

Пока караванщики находятся в пути, я расскажу вам про злодейку Маравшей, которая была женой брата красавицы Белго.

После того как разгневанный Гавриил отрубил любимой сестре своей обе руки и прогнал её, сам он остался жить с женой Маравшей. Много лет ещё они прожили вместе, но детей после того, как коварная мать отравила своего сыночка, ненажили. Этим Гавриил был очень опечален и не находил себе места. День для него был ночью, а ночь – могилой, и он готов был от такой жизни умереть, провалиться под семь пластов земли.

Но однажды до Гавриила дошли слухи, что на какое-то падишахство напали войска другого падишахства и что падишах страны, на которого напали, просил дружественные с ним падишахства помочь ему крепкими юношами, и он – Гавриил – решил податься на войну.

«Всё равно горем и тоской изнываю, там хоть смерть обрету», – подумал Гавриил и уехал.

Осталась его жена-злодейка хозяйкой на весь огромный дворец, и вскоре ей стало скучно быть одной. Решила она тогда дворец под караван-сарай использовать и к воротам прибила вывеску.

Много всяких путников, дервишей и караванщиков переночевали за это время в караван-сараях. Но на сей раз случилось так, что остановились здесь на ночлег караванщики, которым поручили передать письмо для Джугово.

– Что нового в тех местах, где вы побывали? – спросила хозяйка караван-сарая.

И караванщики рассказали ей, что в таком-то падишахстве у невестки такого-то падишаха родился внук небывалой красоты, и старики препоручили им письмо для сына, и что мать этого ребёнка вместо рук своих носит золотые протезные руки, и что сама она очень красива, и что свёкор и свекровь не нахвалятся ею, не нарадуются.

– Счастливым надо быть, чтобы такую красавицу жену иметь, – вздохнув, сказал один из караванщиков.

Догадалась коварная Маравшей, что это о сестре мужа речь, и хитро, как бы невзначай, спросила:

– Что же старики пишут сыну в этом письме?

Караванщики без всяких подозрений показали ей письмо и вскоре легли спать.

Когда караванщики уже спали глубоким сном, злодейка Маравшей украла это письмо, а вместо него положила другое, составленное ею самой. А писала она в письме следующее: «Дорогой наш сын Джугово, спешим сообщить тебе, что жена твоя родила уродца. Если ты видел обезьяну, то этот ребёнок на два дня раньше обезьяны родился; если ты видел чёрта, то он во много раз страшнее его. Знай, что на нашу голову свалилось непоправимое горе. Все люди над нами смеются. Мы просим тебя, сын наш, разреши нам выгнать твою безрукую жену вместе с её уродом».

С восходом солнца караванщики, заплатив за ночлег, тронулись в путь. Долго ли они были в пути, много ли раз делали привалы, но, наконец, пришли в те места, где шла война. Отыскали они Джугово, отдали ему письмо и, не задерживаясь, пошли дальше.

Прочитал Джугово письмо, разозлился на своих стариков и тут же написал ответ, где говорилось: «Я, ваш сын Джугово, прошу, умоляю, падаю вам в ноги, не выгонять и не обижать мою жену, если даже родила она уродца... Я её люблю».

Отдал он письмо путникам, шедшим в те края, где жили старики и его любимая жена с сыном, – и стал ждать с нетерпением ответа.

По пути путники заночевали в том караван-сараяе, где хозяйкой была злодейка Маравшей. Узнала Маравшей, что они едут из тех мест, где идёт война, и ночью, когда путники спали, нашла в кармане одного из них письмо, прочитала и спрятала, а взамен написала следующее: «Дорогие мои отец и мать, если даже жена моя родила мне сына сильного,

как я, и красивее, чем мать его, мне жена моя не нужна. Я очень вас прошу, умоляю, падаю вам в ноги, выгоните её до моего возвращения. Мне не нужна безрукая калека».

Переночевали путники, а с рассветом, не ведая, что письмо, препорученное им, подменено, тронулись в путь. Долго ли они были в пути, много ли раз устраивали привал – это им знать, но нам известно, что, когда они проходили через падишахство старика Генедона, бросили во дворец письмо и отправились дальше.

Когда письмо было прочитано, старики прикусили от обиды пальцы себе и стали обрушивать на дурную голову сына проклятия и ругательства.

– Дурак, ай, дурак! Ума лишился! Такую жену с таким ребёнком выгнать, – возмущалась старая мать.

– Пока мои глаза открыты, этому не бывать, – гневался Генедон, нервно шагая по комнате. – Я его, негодника, самого скорее выгоню из дому.

Долго возмущались и гневались старики, но письмо это решили спрятать подальше и ни слова и даже ни полслова не говорить об этом невестке. Сыну же они составили ответное письмо, где обзывали его всякими неприятными словами и приказывали образумиться, не выгонять такую прекрасную жену и такого красавца сына, не совершать позорнейшую глупость.

Через несколько дней препоручили они письмо это караванщикам, а сами остались в печали и слезах ждать ответа. «Горе и печаль человека по лицу видно», – говорит народ. Видя печальные, удручённые лица стариков, Белго стала догадываться, что здесь что-то неладное.

– Что с вами? Вы так печальны? – спросила она как-то. – Может быть, с моим любимым Джугово что случилось?

– Нет, доченька, – ответили ей Генедон и его жена. – Просто мы устали от работы.

Но в сердце Белго то и дело закрадывалось что-то неприятное, страшное, она не могла молчать и стала просить стариков сказать ей правду. Но свёкор и свекровь таили от неё правду и говорили, что от сына нет писем и они обеспокоены, или что-то другое придумывали, а сами всё писали и писали сыну ругательные, гневные письма, а в ответ

получали глупые письма, где сын всё настойчивее требовал выгнать жену и сына: ведь письма эти всё время подменяла злая и коварная Маравшей.

Но в один из дней, когда Белго вернулась из сада домой, то у дворцовых ворот подобрала письмо: оно было от её любимого Джугово. Вскрыла она письмо и горько-горько заплакала. Ведь любимый муж и отец ребёнка писал: «Дорогие мои родители, я уже который раз пишу вам, чтобы вы выгнали до моего возвращения безрукую жену мою и её сына, каким бы он распрекрасным не был. Прошу, умоляю, падаю вам в ноги, исполнить мою просьбу. Я женился уже на другой».

Бедная и несчастная Белго со слезами на глазах пришла к Генедону и попросила, чтобы сшили ей хурджун.

– Я должна покинуть ваш дом, – сказала она.

Догадались старики, что ей в руки попало дурное и глупое письмо сына, и стали умолять её не оставлять их одних.

– Для нас ты и внук наш дороже, чем наш сошедший с ума сын, – сказал Генедон. – Мы так полюбили тебя, красавица, что без тебя тут же умрем.

Но нет, напрасны были уговоры и лесть стариков, Белго и слушать их не пожелала.

– Я вас очень прошу исполнить мою последнюю просьбу: сшить мне хурджун, – стала просить она со слезами на глазах. Сшили мастеровые хурджун, а когда закончили, принесли и тут же удалились, чтобы не видеть горьких слёз и не слышать душераздирающие вопли бедных стариков. Попросила Белго своего свёкра закинуть хурджун ей за спину и посадить в него младенца.

– Я этого не сделаю, – в слезах промолвил Генедон.

Тогда бедная Белго попросила сделать это стоявших рядом слуг. Исполнили слуги её просьбу, едва-едва сдерживая свои горькие слёзы. И вот тут-то все, кто здесь были, не могли удержаться от воплей и слёз, а больше всех плакали старый Генедон и его жена: ведь их лишали внука – забавы семьи и продолжателя рода. Не сдержалась и сама Белго, чтобы не заплакать.

– Возьмите ваши золотые руки. Если своих рук нет – протезы не помогут, – сказала красавица сквозь слёзы и, оставив свои золотые протезы, ушла, доверяясь ногам, а не разуму.

Много дней и ночей шла она с ребёнком за спиной, и всё это время плакала, горькими слезами обливалась. Слёзы стекали ей на грудь, жгли платье и затмевали белый свет.

В один из дней дорога привела её к лесу, где росло множество различных ягод и дичков. Осталась она жить в этом лесу, стала, как когда-то с деревьев, дички губами рвать, с кустов ягоды есть. Часть сама съест, а часть разжует и ребёнку в рот положит. И так всё время. Днём бродила по лесу, кое-как питалась, а на ночь забиралась в дупло старого огромного дерева и спала там, телом своим согревая ребёнка.

В один из жарких и сухих дней бедной Белго сильно захотелось пить. Спустилась она к берегу реки, легла, как когда-то, на живот и стала губами захватывать воду. Сама попьёт и изо рта ребёнку даст попить. Но неожиданно случилось так: когда она хотела губами захватить из реки глоток воды, из хурджуна выпал ребёнок и стал тонуть. Что тут было!.. Бедная и несчастная мать с криком о помощи на устах бросилась в реку за тонущим сыночком своим, да и стала сама тонуть. Так она страшно, бедная, кричала, что от её крика лес дрожал, бледное небо качалось. А если бы кто увидел бы этот ужас, сразу же лишился бы рассудка или оглох.

На счастье мимо плыла огромная рыба. Она подплыла к утопающим и проглотила их – сначала ребёнка, а затем мать – и, вильнув хвостом, ушла на дно. Долго плыла эта рыба с людьми в животе – ей было очень трудно плыть от такой тяжести. Но как бы то ни было, доплыла она до одного затона, предстала перед Серови – хозяйкой реки, и спросила:

– Приказывай, что дальше делать с этими людьми?

Серови погладила свои белые, словно из пены, волосы и таинственно сказала:

– Перенеси их на тот берег, прочти свои добрые заклинания и выпусти.

Когда рыба подплыла к другому берегу реки, она прочитала добрые заклинания на своём рыбьем языке и, выплеснув изо рта вместе с водой бедную женщину, опять ушла под воду.

Едва Белго коснулась земли, как почувствовала, что у неё выросли настоящие руки. Сначала она даже не поверила такому чуду, но, убедившись, что это не сон, а явь, всем сердцем обрадовалась и даже на мгновение забыла о ребёнке. Но когда вспомнила, что сыночек остался в рыбьем животе, то бросилась к воде, стала плакать и звать своего

младенца.

– Сынок, сыночек, где ты?.. Где?.. – кричала она, обливаясь слезами.

А рыба в это самое время на дне реки кормила младенца своим рыбьим молоком и наказывала:

– Манисман, ты будешь сильным, но смотри, не твори зла доброму делу, люби всех птиц и рыб. – Сказав это, она выплеснула его на берег и погрузилась на дно реки.

Обрадовалась Белго, увидев сына здоровым и невредимым. Взяла его в первый раз за всю свою жизнь на собственные руки и, целуя его всего, счастливая зашагала вдоль реки. Долго шла она вдоль берега. Теперь ей с руками было легче: она могла разжечь огонь и сварить обед, нарвать всяких дичков и ягод и тем жить.

Однажды в один из жарких дней Белго решила искупать в реке своего младенца. Окунула она его в первый раз – ребёнок тут же подрос и стал как трёхлетний, окунула во второй раз – он ещё больше стал. Обрадовалась мать такому чуду, окунула его в третий раз – а ребёнок на сей раз стал походить на семилетнего.

– Мама, я в этом лесу у самого берега реки дом выстрою и мы будем жить в нем, – вдруг сказал семилетний Манисман.

Наломал он много хвороста, сплёл из него стены, смазал их глиной, сверху покрыл плетень – и дом был готов. Стали они жить в этом доме не бедно и не богато: что раздобудут, то и съедят. Белго то и дело занималась шитьем или вязанием, только бы не сидеть без дела, не скучать и не предаваться печальным воспоминаниям, а Манисман целыми днями бродил по лесу, купался в реке, лазал по деревьям. Он так полюбил и сдружился с лесными птицами и речными рыбами, что вскоре научился понимать их языки. А рос он не по дням, а по часам, на удивление любимой матери.

Когда Манисман стал походить уже на одиннадцатилетнего мальчика и стал понимать, что у всех на свете бывают отцы, он стал изо дня в день докучать матери своей расспросами об отце. Но красавица Белго всё уклонялась от ответа и рассказывала ему разные сказки и небылицы. Мальчик на время отставал, а потом опять задавал свои вопросы. И так шли дни за днями, недели за неделями. В один прекрасный день Манисман, взяв с собой кусок чурека, отправился далеко в лес. В лесу он стал кормить чуреком птиц. Но случилось так, что

один самый старый ворон сел мальчику на плечо и сказал в самое ухо:
– Манисман, хочешь, я тебе расскажу, почему вы с матерью остались одни?

– Да, очень хочу, добрый ворон!.. Рассказывай, да поскорей! – попросил мальчик.

Рассказал ему старый, выдавший всё на веку своём ворон о том, как он наблюдал за матерью мальчика в другом лесу, когда она ещё была безрукой, как она ложилась на живот и губами собирала ягоды, как она тонула в реке, как ей помогла выбраться на берег Серови... – обо всём, что случилось с мальчиком и его матерью, поведал Манисману старый ворон. Даже о том рассказал, как письма, которые посылались его отцу Джугово и ответы на них перехватывала злодейка Маравшей – жена дяди мальчика.

– А не знаешь ли ты, добрый ворон, где сейчас находятся мой отец и дядя? – спросил Манисман птицу.

– Как не знть! Знаю! Они на войне, далеко отсюда, – ответил ворон.

Тогда Манисман спросил ворона: не знает ли он, как можно отыскать добрую Серови, чтобы отблагодарить её.

– Этого я не знаю, – ответил ворон, – это знают рыбы.

Прыгнул тогда Манисман в реку и стал созывать к себе всех рыб. Когда рыбы подплыли, он спросил их:

– Добрые мои друзья, где можно увидеть Серови?

Одна из рыб, ничего не ответив, проглотила мальчика и мигом доставила его в чудный подводный дворец хозяйки реки – Серови. Предстал Манисман перед беловолосой Серови, поклонился ей в пояс и сказал:

– Почтенная и добрая речная хозяйка! Ты в самые трудные минуты пришла на помощь мне и моей матери и спасла нас от гибели... Поэтому я, Манисман, сын этой женщины, пришёл отблагодарить тебя и сослужить любую службу.

Серови прижала к себе мальчика, насупила свои большие белые брови и, устремив свой взгляд куда-то вдаль, печально сказала:

– Службу сослужить, говоришь?.. Никому не под силу помочь в моём горе.

Манисман стал просить хозяйку реки поведать ему своё горе.

– Я всё сделаю, чтобы избавить вас от горя, – сказал мальчик.

– О, добрый человек, вот уже много-много лет, как меня один данан-

дей у седьмой реки околдовал в Серови...

А дело было так. В те далёкие годы в стране горцев жил один богатый и почтенный старик, звали его Шолум. И была у него жена, которую звали Мозол, и любил он её безмерно, и она его тоже любила. Но случилось так, прожили они вместе много лет, но детей родить всё никак не могли. И вот в один из дней решил этот почтенный старик пригласить к себе со всех концов данусмендов и просить у них помощи или совета... Я тогда был самым мудрым данусмендом Хоазарии. Решил я помочь бедному старику и отправился с ним в далёкую лесную страну Гузелгюл за волшебными розами, настой из которых надо было пить, чтобы у них родились дети. Много трудностей пришлось испытать нам в пути, но как бы то ни было, мы пришли в страну Гузелгюл, сорвали одну розу и одну розочку, хотя это было совсем не просто и, радостные, предались обратной дороге. У седьмой реки, когда мы сделали привал, нам встретился один данандей. Он увидел веселившегося Шолума и сказал: «У сегодняшней радости в завтрашнем дне горе бывает... Что вы так веселитесь?»

Не по душе пришлись мне слова злого данандея, и я сказал ему: «Чтобы язык твой сгнил, собачий сын». За эти слова он разгневался на меня, стукнул своим волшебным посохом о землю и гневно сказал: «С глаз моих исчезни в реке и стань там Серови». В это самое время на небе появилось облако, а в том месте, где он ударил посохом, расступилась земля, и оттуда выскочил длинный и страшный джинн в образе Смерча. Завертел меня этот джинн, закружил, да и в реку сбросил. Едва я коснулся дна реки, как тут же превратился в Серови. И вот с тех пор я, человек земли, живу заколдованный в Серови в реке, среди множества рыб... Много лет прошло с тех пор. Родились ли у этого почтенного старца дети, мне не ведомо.

Манисман не выдержал и тут же спросил:

– Добрая речная хозяйка, а можно ли вас расколдовать, сделать такой, какой вы были? Если можно, я всё сделаю для вас, только повелите.

Серови угрюмо усмехнулась и ответила:

– Расколдовать меня можно, но это тебе будет не под силу.
– Добрая Серови, я всё сделаю, я сильный, только скажите, как это сделать, – не отставал Манисман. – Скажите как, скажите!

Ничего не оставалось Серови, и она сказала:

– Чтобы сделать это доброе дело, тебе нужно добраться до седьмой

реки. Там между горами в семи шагах от берега находится жильё джинна в образе Смерча, который заколдовал меня в Серови. Если ты сумеешь словить его и привести ко мне, то я опять приму человеческий облик и смогу жить на земле.

Пообещал Манисман во что бы то ни стало изловить злого джинна в образе Смерча и попросил одну из рыб, чтобы она доставила его на берег. Проглотила рыба мальчика и поплыла. Дорогой она напоила его рыбьим молоком и выплеснула на берег. Когда ноги Манисмана коснулись земли, то он тут же стал рослым и крепким юношей. Обрадовался он, что стал большим и сильным, но мысль о том, что ему предстоит вступить в единоборство со злым и сильным джином, поборол в нём это радостное чувство. Пришёл Манисман домой и украдкой от матери лёг под огромный лист дерева, который он иногда использовал вместо одеяла. Лежит он и думает о том, как поймать джинна.

«Если связать его канатом, он всё равно сбежит, – думал он. – Пожалуй, надо сшить мешок из каменной шкуры, в котором не было бы ни одной щели.»

Рано утром отправился добрый юноша к одной скале, содрал с неё шкуру, принёс домой и говорит:

– Мать, ты должна из шкуры скалы сшить мне каменный мешок.

Мать в недоумении спросила:

– Сынок, а зачем тебе понадобился каменный мешок?

– Мать, вопросов мне пока не задавай, потом сама всё узнаешь. Лучше поспеши исполнить мою просьбу, да постарайся, чтобы в этом мешке ни одной щели не было.

Не стала мать ни о чём больше расспрашивать сына, разожгла во дворе костёр, на костре раскалила края каменной шкуры и скрепила их так, чтобы ни одной щели не было. Три дня и три ночи остывали раскалённые концы каменной шкуры, а на четвертый день всё было готово, и Манисман стал собираться в дорогу. Свернул он мешок из каменной шкуры, положил под мышку и, захватив с собой самим же выкованную саблю, пошёл к реке. Здесь он прыгнул в воду и стал звать рыб. Собрались вокруг него рыбы и спрашивают:

– Зачем мы тебе понадобились?

Рассказал им Манисман, что к чему, и попросил одну из рыб, чтобы она доставила его к седьмой реке, к тому самому месту, где живет джинн в образе Смерча. Проглотила рыба юношу и поплыла к нуж-

ному месту.

Долго ли она плыла с человеком в животе или нет, но, наконец, приплыла к берегу седьмой реки, где когда-то, много-много лет назад, делали привал нынешние водяная царевна Серови и почтенный старец Шолум из далёкой горной страны. Здесь она напоила Манисмана своим рыбьим молоком, чтобы он стал ещё сильнее, чем есть, и сказала:

– Старайся лишить противника земной опоры!..

Затем заботливая рыба выплеснула юношу на берег и, ударив хвостом по глади воды, скрылась в её глубинах.

Не успел Манисман отсчитать от берега семь шагов, как со страшным шумом из расщелины земли выскочил огромный и страшный джинн с большими, как два арбуза, глазами и стал быстро-быстро вращаться вокруг Манисмана. Юношу поначалу охватил страх, но он его переборол и, обнажив свою саблю, бросился на джинна. Ударил он джинна в первый раз, закружился, заревел Смерч и как мяч отлетел в сторону. Второй раз ударил юноша по джинну, но Смерч и на этот раз отлетел в сторону, и опять закружился на месте, захватывая своими щупальцами юношу. Тогда Манисман присел на корточки и изо всей силы ударил джинна под самые подошвы ног. Джинн ещё отлетел на семь шагов в сторону. И тут его охватила такая злоба, что он со всей яростью и со страшным свистом бросился на юношу и стал сильно вертеть его, таскать из одного места в другое, из другого – в третье. Долго вертел разъярённый джинн Манисмана, но юноша то и дело садился на корточки и, не переставая, размахивал саблей, лишая злого и сильного противника земной опоры. Вскоре джинн вовсе выбился из сил, истощился и растянулся на земле во всю свою невероятную длину, и вскоре замер в бесчувствии.

И вот тут-то смелый Манисман немедленно схватил огромного джинна, сжал его в маленький ком, запихнул в каменный мешок и прыгнул в реку. Здесь он позвал своих рыб, одна из них проглотила его и мигом доставила в подводный дворец Серови.

Обрадовалась Серови, увидев побежденного джинна – врага своего, и говорит, обращаясь к нему:

– Злодей, ты, наверное, и позабыть успел, как когда-то давно скрутил меня, бросил в реку и заколдовал в Серови?.. Теперь-то мы с тобой поквитаемся.

Взмолился джинн и еле-еле проговорил:

– Речная хозяйка, не убивай меня, отпусти на землю, я тебя расколдую и вновь сделаю человеком.

Джин вытянулся во весь рост и стал вертеться вокруг Серови в обратную сторону, да так быстро, что в реке вода пеной покрылась. Когда джинн перестал вертеться и уменьшился, все рыбы и Манисман увидели перед собой не Серови, которая только что была покрыта рыбьей чешуей, а почтенного старика с добрыми, вдумчивыми глазами – это был тот самый данусменд Меошиерах, который некогда шёл с бездетным стариком Шолумом в далёкую лесную страну Гузелгюл.

– Спасибо тебе, смелый Манисман, за мое освобождение, – сказал бывший Серови.

Рыбы в реке и птицы на берегу, увидев расколдованного Серови, обрадовались и стали песни петь, и пляски устраивать. Но больше всех радовался Манисман. От радости он даже станцевал да так молодежато, что заядлый танцор позавидовал бы его умению ходить на носках.

Только не радовался злой джинн: он молчал и думал о том, что как только данусменд простит его и выпустит на берег, он снова заколдует его, заодно и дерзкого юношу, а вместе с ним и всех рыб, и всех птиц этого леса. Данусменд посмотрел на джинна и тут же разгадал его тайные, коварные мысли и сказал:

– Манисман, ты должен немедленно убить этого джинна!.. Знай, если он сейчас вынужден был совершить добро, то при удобном случае он обязательно совершит новое зло... Я слышу его мысли, они коварные и таят в себе злобу ко всему праведному.

Разрубил смелый Манисман злого и коварного джинна на части и зарыл на дне реки, а рыб попросил доставить данусменда и его самого на берег, где он построил себе и матери дом.

Вскоре привёл Манисман старого данусменда к себе домой и представил матери:

– Это добрый старик, та самая Серови, которая не раз спасала тебя, когда ты была безрукой, – сказал он матери и добавил. – Отныне он будет жить с нами.

А мать пригрозила сыну, мол, выдумки всё это, и наказала, чтобы он

больше не болтал всяких глупостей.

Но нет, так просто она не могла отделаться от прошлого и вновь скрыть от сына всю правду: перед ней сидел живой свидетель тех страшных минут, когда река чуть-чуть не проглотила её и сына.

– Не надо врать мальчику, дочка. Ему всё известно и даже больше, чем нам, – сказал данусменд и принялся рассказывать о том, как он был заколдован джином в Серови и жил в реке; как он слышал душераздирающие крики утопающей женщины; как он подплыл к ней и увидел, что у несчастной нет рук, как помог ей выбраться на берег. Рассказал он также о том, как она тонула вторично, но на этот раз не одна, а с грудным ребёнком, и она – Серови – речная хозяйка, – приказала большой рыбе спасти утопающих, и рыба проглотила их, доставила на берег и, выплеснув там, прочитала свои добрые заклинания.

– Кто вы, откуда и почему очутились в реке, мне и по сей день неизвестно, – заключил данусменд.

Ничего не оставалось делать. Повела Белго ему, всё как было, начиная с того времени, как брат отрубил ей руки и выгнал из дома, а за что, она и сама не знает; как она стала женой прекрасного юноши, как он ушёл на войну, а оттуда писал отцу и матери, чтобы выгнали её и сына; как она ушла из их дома и нечаянно выронила из хурджуна ребёнка, а вслед за ним и сама бросилась в реку и стала тонуть.

– Но тут, откуда ни возмись подплыла огромная рыба, проглотила меня и моего ребёнка, доставила к берегу и выплеснула, но уже с руками. Вот с тех пор я и мой сын живём здесь, добрый данусменд, – закончила Белго свой рассказ.

– Всё это мне было давно известно, – сказал Манисман и добавил: – Я даже знаю, что письма эти писал не мой отец, а злая жена моего дяди.

Долго они говорили в этот день и только поздно ночью легли спать.

Шли дни. Манисман по-прежнему дружил с птицами и рыбами. И вот однажды, когда он бродил в лесу, села ему на плечо одна птица и говорит:

– Я видела, как отец твой сюда на коне скачет.

Обрадовался Манисман и бегом пустился домой, чтобы сказать матери и данусменду добрую весть.

– Не болтай глупостей, нет у тебя отца, – рассердилась было мать.

Манисман опять за своё:

– Нет есть, он едет сюда, я точно знаю.

В это самое время в дверь постучались, и Манисман радостно вскрикнул: «Отец приехал, я же говорил». Он выбежал во двор и, обняв незнакомого гостя, сказал:

– Отец, заходи в дом, мы с мамой очень заждались тебя.

Незнакомец вытаращил на него глаза и ответил:

– Но у меня нет такого большого сына... Я постучался к вам, чтобы спросить, по какой дороге ехать в падишахство Генедона.

Но подросток провёл отца в дом и представил матери.

– Вот твой муж, а ты его жена, – сказал Манисман.

Смотрят они друг на друга и не могут понять, почему мальчик так говорит.

– Ведь у моей жены были золотые протезные руки, а у неё, как мне видится, свои, настоящие. А сын ещё должен маленьким быть, – сказал растерянно незнакомец, глядя то на женщину, то на мальчика, то на седобородого старика.

А когда Белго посмотрела внимательнее на вошедшего, то и вправду узнала в нём своего любимого Джугово. Узнал её и он.

Вскоре они рассказали друг другу всё, что случилось с ними, и стали обнимать и целовать друг друга, а Белго не сдержалась, чтобы не прослезиться. Глядя на неё, и Джугово пустил слезу.

– Мужчина не должен слезу ронять, – сказал Манисман.

Когда все сели к столу, в окно влетела та же самая птичка, села мальчику на плечо и что-то прочирикала в самое ухо.

– Мать, слышишь, дядя сюда едет, – сказал мальчик и выбежал во двор.

На лесной тропинке встретил он всадника и говорит ему:

– Дядя, ты мой дядя!

А всадник пожимает плечами и говорит в ответ:

– Нет у меня племянников. Никого у меня нет, кроме жены.

Привёл Манисман дядю в дом и говорит:

– Мама, вот и брат твой приехал. Но знай, он ни в чём не виноват. Во всем виновата его жена, злодейка Маравшей.

Посмотрел гость на хозяйку, хозяйка на гостя – и они сразу узнали друг друга. Но брата охватило сомнение:

– Нет, здесь какая-то ошибка. У моей сестры не было рук. Я их сам ей отрубил. Но предо мной женщина, точь-в-точь похожая на сестру

мою, но с руками. – Гость расплакался.

Рассказала тогда сестра обо всём, что с ней было, познакомила со своим мужем и с добрым данусмендом.

– Да, сынок, всё было так, – сказал данусменд. Это я велел рыбе проглотить её и, прочитав добрые заклинания, выплеснуть с руками. И мальчик стал не по годам большим с помощью заклинаний той доброй рыбы. – Вдруг данусменд призадумался и спросил: – Скажите, дети мои, как звали ваших родителей?

– Отца покойного звали Шолум, а мать покойницу – Мозол, – сказал Гавриил.

– Это правда, – подтвердила Белго.

Узнал старый данусменд, что перед ним дети того самого почтенного старика, с которым он ходил когда-то в далёкую лесную страну Гузелгюл. Рассказал им данусменд об отце Белго и Гавриила, рассказал, что приключилось с ним самим... Долго они в тот день рассказывали, вспоминали, связывали всю эту страшную и трогательную историю в одну большую поучительную повесть. Кто знает, сколько они ещё так говорили бы, но Манисман сказал:

– Хватит вам в воспоминания вдаваться, всё это можно потом сделать. Лучше давайте скорее поедem и привезём сюда на растерзание злодейку Маравшей, жену моего дяди. Все беды и горести, которые пришлось всем нам перенести, испытать, были из-за неё.

Свое слово сказал и старец данусменд:

– Да, поистине правильно народ говорит: «Поселишь в дом зло – от горя не избавишься»... Так, вижу, у вас и получилось, дети мои. Везите сюда злодейку.

Гавриил, Джугово и мальчик Манисман сели на коней и предались дороге. Семь дней и ночей провели они в пути. За это время семь раз они поднимались в горы и семь раз спускались; семь раз проезжали через густые леса и проходили через глубокие ущелья; у семи рек делали привал и наконец прибыли к месту. Въехали они в город и заспешили ко дворцу, где когда-то жили покойные Шолум и Мозол, а после их смерти – любимые брат и сестра, а теперь – злодейка Маравшей. Подъехали они к воротам и видят: на воротах вывеска: «Караван-сарай». Постучались мужчины и ждут. Долго ждать не пришлось, вышла на стук сама злодейка. Увидела она, что перед ней муж её стоит и ещё какие-то незнакомые люди, и сразу догадалась, что за

ней приехали, отомстить хотят, но, так как она была хитра и коварна, решила пригласить их в дом, на ночлег, будто ничего не знает, не подзревает, а ночью, когда они уснут, убить их.

– Проходите! Проходите! Места свободные есть, – сказала она вежливо.

Но тут Манисман не сдержался и говорит:

– Маравшей, мы не ночевать сюда приехали, а чтобы тебя, злодейку, убить.

Связали они злую и коварную Маравшей, и доставили туда, где дожидались их красавица Белго и старый данусменд.

– За каждый стон всех безвинно пострадавших – своё возмездие, – сказал данусменд, глядя в злые глаза коварной злодейки Маравшей.

Привязал Манисман злодейку к хвосту коня и погнал его по колючкам, а злодейка кричит не своим голосом, стонет, прощения просит. Но нет, не таков Манисман, он не может зло простить, он знает, что от злодейки добра нечего ждать. До тех пор волоком тащил по земле, пока колючки не разорвали злодейку. А разве иначе можно поступать со злом? Ведь всем известно, что камень ватой не станет, а зло – добром. И потому каждому своё: за зло платят злом, за добро – добром. Вот так и поступил Манисман: за добро, сделанное заколдованным данусмендом, он ответил добром: помог расколдовать данусменда; а за зло, которое сотворила злодейка Маравшей и причинила много горя, он ответил злом: по колючкам поволок и убил её...

Но вам интересно знать, что же было дальше?

Красавица Белго опять вернулась в падишахство мужа своего и стала в любви и дружбе жить с ним, а Гавриил – брат её – вернулся в своё падишахство и женился на одной милой красавице, а вскоре стал и счастливым отцом. А вот Манисман и старый данусменд остались жить вместе на берегу реки, где юноша построил дом, и где в реке плавали верные его друзья – рыбы, а в сказочном лесу обитало множество пернатых друзей.

– Я рожден для того, чтобы жить с птицами и рыбами, – сказал он отцу и матери.

Как только его не уговаривали родители остаться с ними, он так и не согласился.

Говорят, что этот мальчик и старый данусменд и сейчас живут, – но где? – право, не знаю. Может быть, в вашем городе или селе?.. Поищи-

Ум и Счастье

БЫЛО это или не было нам не ведомо, но рассказывают так. Встретились как-то Ум и Счастье и заспорили.

Счастье говорит:

– Я сильнее и нужнее, чем ты!

– Нет, я! – говорит Ум.

Долго ли они спорили, нам не неизвестно, известно только, что их спору не было бы конца, если бы Ум не сказал:

– Давай на ком-нибудь испробуем свою силу!

Счастье согласилось и говорит:

– У падишаха служит кечал. Все, кому не лень, обижают его, сотню щелчков получает он за день по своей лысой башке. А я его, беднягу, осчастливлю.

На том Ум и Счастье порешили и разошлись. И вот Счастье украдкой вселилось в кечала. Прошёл один день, и кечал получил всего десять щелчков, на второй день – только три, на третий – ни одного. На четвёртый день падишах вышел на прогулку и ему встретился кечал. Увидел падишах, что на его лысой башке сплошные синяки и ссадины, пожалел он слугу, подозвал к себе и сказал:

– О, дорогой кечал, я знаю, что за день тебе дадут сто и более щелчков по лысине. Так ты и умереть можешь! С сегодняшнего дня я тебя из водовозов перевожу в скотники. Будешь убирать коровник.

Так началась работа кечала в коровнике. Много ли, мало ли трудился он там, но в один из дней падишах проезжал мимо и решил заглянуть в коровник. Вошёл и видит: кечал убирает навоз. Падишах подозвал кечала и сказал ему:

– Я вижу, ты устаешь от этой работы. С сегодняшнего дня я заберу тебя к себе во дворец.

И кечал начал служить во дворце стражником. Целый день он встречал и провожал гостей: одному поможет раздеться, другому предложит посидеть, третьему скажет, как пройти к падишаху.

Много ли, мало ли трудился кечал на новой работе, кто знает. Известно только, что падишах решил послать кечала к раввину учиться грамоте.

Долго ли кечал учился, или нет, нам неизвестно. Рассказывают только, что находясь у раввина, каждую субботу по адату кое-как нёс службу в синагоге. А когда кечал закончил учиться, падишах назначил его правителем в один из городов своего падишахства.

Кечал правил некоторое время этим городом, а потом падишах перевёл его в крепость служить раввином в синагоге. Как уж он там справлялся со службой – мы не знаем, знаем только, что падишах забрал его к себе везирем правой руки.

Шли дни за днями, недели за неделями, много воды утекло в соседней реке с тех пор, как кечал стал везирем падишаха. Теперь он разъезжал в паланкине, убранном коврами, все люди знали, что падишах полностью ему доверяет. В общем, скажу только, что кечал был самым любимым и доверенным приближённым падишаха. Многие везиры завидовали кечалу и готовы были навредить ему.

Однажды падишах приказал всем своим везирам прийти к нему по очень важному делу. Когда кечал вошёл во дворец, он услышал, как один везир говорит другому:

– Ты только посмотри, какой счастливый этот кечал, которого совсем недавно все шлепали по лысине! Теперь его не узнать, он самый близкий к падишаху человек.

Другой везир отвечает:

– Да, ты прав, и везёт же дураку!

А первый везир и говорит:

– Давай мы его обманем. Скажем ему, что если он мужчина, то пусть даст падишаху подзатыльник. Он, дурак, нас послушается и ударит. Падишах разозлится и прогонит его.

Тогда кечал сказал везирам:

– Дай вам Бог здоровья, дорогие везиры! Если вам очень хочется, чтобы я дал подзатыльник падишаху, я это сделаю.

Везиры обрадовались. Вскоре пришёл и сам падишах. Не успел он ответить на приветствия приближенных, как кечал ударил его по затылку. С головы падишаха упала корона, а из неё вылезла огромная змея и поползла в щель в углу зала.

Сначала падишах испугался, но потом пришёл в себя и сказал:

– О дорогой кечал, ты меня спас от смерти, и за это я отдаю тебе в жёны свою дочь!

Везиры только переглянулись, и каждый из них подумал:

– Как же так? Мы старались сделать так, чтобы падишах прогнал кечала, а он берёт его в зятя.

Прошло ещё несколько дней, и падишах опять пригласил своих приближенных к себе.

Везиры и на этот раз решили обмануть кечала. Пришли они во дворец пораньше и стали его поджидать. Едва он переступил порог, как услышал, что один везир говорит другому:

– Давай научим кечала, чтобы он толкнул падишаха ногой, когда тот сядет на трон. Падишах свалится с трона, разгневается и прогонит его.

Другой везир говорит:

– Да, это ты хорошо придумал!

Тогда кечал сказал везирам:

– Дай вам Бог здоровья, дорогие везиры! Если вам очень хочется, чтобы я столкнул падишаха с трона, я это сделаю.

Везиры обрадовались.

Вскоре пришёл падишах и пригласил своих приближённых пройти к нему в комнату. Едва падишах уселся на трон, кечал подошёл и толкнул его на пол. В это время – и надо же счастью быть рядом! – со стены упал обнажённый кинжал и воткнулся в то самое место, где только что сидел падишах. Увидел это падишах и воскликнул:

– О, спаситель мой, ты опять спас меня от смерти!

И падишах приказал сыграть свадьбу своей дочери и кечала.

На свадьбу падишах пригласил своих приближенных и родственников. Множество гостей съехалось во дворец, много вкусных блюд было для них приготовлено. Гости пили, ели, плясали. Всё шло так хорошо, что лучше и быть не может. Но тут – Господь да покарает дурака! – жених стал рассказывать собравшимся, как его, кечала, шлёпали по этой вот, лысой башке, как он убирал в коровнике навоз. Услышали подружки невесты такие разговоры и передали ей.

Дочь падишаха воскликнула:

– Не хочу быть женой этого плешивого дурака!

Позвал её отец, а она и ему говорит:

– Не хочу быть женой плешивого дурака!

Как только не уговаривал падишах свою дочь, чего только он ей не говорил, та и слушать не желала.

Видит Счастье, что дела кечала совсем плохи, что не быть ему зятем падишаха. Думало-думало Счастье, как помочь ему, но ничего не придумало и решило обратиться за помощью к Уму.

– Дорогой Ум, прости меня, ты был прав: счастья мало, если нет ума. Сколько я ни старалось помочь плешивому дураку, сколько ни выручало его, но пришло время, когда я не в силах что-нибудь сделать. Очень прошу тебя, Ум, ради меня, помоги теперь ты ему, ведь все мои старания пропадают зря.

Пожалел Ум друга и решил сделать из плешивого дурака умного человека. Вселился Ум в кечала, заставил говорить умные вещи, все гости на свадьбе собрались вокруг него и стали с любопытством слушать забавные и мудрые истории. Увидел это падишах и повёл кечала к своей дочери: пусть она своими глазами увидит, что её жених вовсе не дурак.

Вошёл кечал в комнату к невесте и говорит:

– О, моя красавица, ты и я – одно яблоко, внутри которого зёрна. А зёрна – это наши дети!

Услышала дочь падишаха умную речь жениха и улыбнулась от радости. Падишах тоже обрадовался и закричал:

– Играйте, зурначи! Веселитесь, гости! Это свадьба моей красавицы дочери и умного кечала!

И все гости веселились, пили, ели. Был там и я, пил, ел, веселился, плясал. Не верите?

Но если я не был на той свадьбе, то откуда мне знать всю эту историю?

Мудрость отца

Жил говорят, был говорят, в одном ауле, старик со своею старухой. Старика звали Агулменд, а старуху – Асульменд. Было у них три сына. Старшего звали Рабо, среднего – Хибо, а младшего – Кабо. Жили старики и сыновей растили.

Когда Рабо исполнилось тринадцать лет, отец построил ему саклю в том же магале, да и красавицу из соседнего аула засватал.

Сыграли свадьбу: не сказать, что очень богатую, и не сказать, что очень бедную. На свадьбе гуляли жители двух аулов: жители аула, где жил жених, и жители аула, откуда привезли невесту. Три дня и три ночи не смолкали звуки звонкой зурны и дробные стуки барабана. Гости уставали от огненной пляски. Особенно много приходилось танцевать сватам, считалось за великую честь пригласить их на танец. Что и говорить, все были довольны и веселы.

На четвертый день, когда гости разошлись, молодые супруги переехали в новую саклю, стали жить да поживать и друг друга радовать.

Шли дни, отсчитывая недели, шли недели, отсчитывая месяцы... Старик со старухой трудились на винограднике и растили ещё двух своих сыновей: Хибо и Кабо.

Прошло ещё три года со дня свадьбы старшего сына, пришло время женить среднего. Отстроили ему, как и старшему сыну, в том же магале саклю, подыскали девушку. Сыграли свадьбу. Также три дня и три ночи гуляли гости. На четвертый день жених и невеста перебрались в свою саклю.

С тех пор прошло ещё три года. Женили старики и младшего сына, только оставили молодых жить у себя, как этого требует горский обычай и как гласит народная мудрость: «На старших сыновей надейся, а младшего не отпускай от себя».

Стали старик со старухой жить вместе с молодыми на радость друг другу. Но радость эта длилась недолго.

Вскоре и младший сын оставил родительский кров и, выстроив себе саклю, вместе с молодой женой стал жить отдельно от родителей.

Остались старики одни-одинёшеньки. Засветло, как и всегда, уходили они на виноградники, а поздно вечером возвращались в свою опустевшую саклю. Всё, что им удавалось получить с виноградника, шло на их жалкое старческое существование.

У сыновей уже родились свои сыновья, и каждый жил своими домашними заботами. Они почти успели позабыть о своих добрых, вырастивших их тружениках-родителях и даже не интересовались, как они там живут. Иногда только старший сын говорил среднему:

– Ты средний, и у тебя двое детей, а у меня – трое. Ты должен навещать родителей и помочь им.

А средний, в свою очередь, говорил младшему:

– Ты младший и тебе следует помогать отцу и матери. У тебя один ребёнок, а у меня – два.

– Нет, – отвечал младший. – У меня скоро будет второй. Я не могу.

Так они изо дня в день и перекладывали друг на друга свой сыновний долг. Вскоре старик приболел и слёг в постель. Старуха, как могла, выхаживала захворавшего мужа. А детям всё было безразлично.

Захворала в нескончаемых хлопотах и Асильменд. Тогда и сказал ей старик:

– Вот так-то, старуха, вырастили мы детей, поженили их, а они навсегда позабыли родительский дом.

– Да что поделаешь, – закручинилась старуха, утирая платком слёзы, –

такова наша родительская доля. Умрём – и похоронить некому будет.

Так они доживали свои тягостные, старческие дни.

Раз старик и говорит:

– Старуха, соберись с силами, пойдёшь за сарай, возьми там арбу да съезди к реке. У реки лежит огромный, пудов на пять, камень. Попроси ребят из аула, чтобы помогли положить этот камень на арбу, и вези его домой.

– Да ты что, старик, с ума спятил?! – вскричала старуха. – Ты что ещё задумал?

– Говорю тебе вези, значит, вези, – повторил старик.

Взяла старуха рассохшуюся арбу и с помощью ребят покатила её к реке. Кое-как погрузили они на арбу камень и с трудом привезли во двор.

Старуху разбирало любопытство, и она всё приставала к старику:

– Что ты задумал, старик?

– Сейчас увидишь, – говорит старик, – и, собравшись с силами, вышел из сакли.

Во дворе он столкнул с арбы камень и, бормоча что-то невнятное, стал катить его в саклю, а старуха ему помогает. Когда они камень вкатили, старик открыл старый пустой сундук, который до женитьбы сыновей был ещё полным, и с трудом положил туда камень.

– Вот так, – сказал он, закрывая крышку сундука и вешая на него большой заржавленный замок.

На следующий день старик говорит жене:

– Сходи, старуха, и скажи старшему сыну, что отец зовёт его к себе.

Пришла Асульменд к старшему сыну и передала ему отцовские слова.

– Ему некогда, у него и своих дел хватает, – ответила за сына невестка.

А сын стоит, словно воды в рот набрал.

Мать не стала спрашивать сына, повернулась и ушла.

И всё же, вечером, когда в саклях затопили камины, пришёл старший сын к отцу. Увидел Агулменд сына, обрадовался, попросил старуху выйти, да и стал украдкой говорить:

– Сынок, ты у меня старший. Все свои силы и здоровье я отдал на то, чтобы вырастить тебя и твоих братьев. А теперь я скоро умру... От отца моего, деда твоего, осталось небольшое наследство. Вон, видишь, в углу сундук стоит, в нём и лежит то наследство.

Сын встал и быстро направился к сундуку.

– Он на замке, сынок, – сказал отец. – Ты попробуй сдвинуть его с

места.

Сын подергал-подергал сундук, да так и не смог сдвинуть его с места, только глаза, как у шакала рыжего, огнём загорелись.

– Так вот, сынок, – продолжал старик, – сначала сядь около меня и внимательно выслушай, что я тебе скажу. Скоро я умру и всё это достанется тебе, как старшему сыну. Но только, чтобы младшие братья не знали об этом. Я хочу, чтобы богатство это досталось тебе. Прошу тебя об одном: похоронить меня с почестями, как этого требуют наши обычаи. Ты должен всех пришедших людей угостить. Этот обычай не мною выдуман, и ты должен, как сын, его соблюсти.

– Ладно, ладно, отец, будь спокоен, – сказал старший сын, но старик его оборвал:

– Слушай дальше. Когда меня похороните, на сорок первый день пригласи в мою саклю старшину аула, и мать отдаст ему ключ от сундука. Он откроет его и всё содержимое сундука вручит тебе, как самому достойному наследнику. Ты всё понял, сынок?

– Да, отец, – отвечает старший сын, а сам не сводит глаз с сундука.

– А теперь иди, там тебя жена и дети ждут, – с этими словами отец и проводил сына.

Придя домой, Рабо рассказал жене всё, что слышал и видел в доме отца, и заверил жену, что они в скором времени получают от отца наследство.

– Ну и заживём мы тогда! – сказал он.

На следующий день жена Рабо нарядила по-праздничному детей, положила в хурджун всякой всячины, начиная от фруктов и кончая большими кусками баранины, и отправились они всей семьёй в гости. Когда пришли в саклю больного отца, невестка бросилась к изголовью умирающего свёкра и зашебетала на все лады:

– Ты смотри, Рабо, какой у тебя хороший и добрый отец. Мы будем его теперь каждый день навещать... Как мы раньше забывали об этом!

Невестка всё говорила и говорила, а старик всё слушал и молчал.

На следующий день вызвал к себе отец среднего сына Хибо и сказал то же самое, что и старшему. А через день он пригласил младшего Кабо и повторил также таинственно всё то, что сказал Рабо и Хибо.

С этого дня родители не знали отбоя от почестей, которые им оказывали сыновья, их жены и дети их. Они проводили у постели отца

целые дни и заваливали стол вкусными яствами. Старик радовался, а по аулам пошла добрая молва о семье старика Агулменда. Но радость его была недолгой: вскоре он скончался.

К сакле умершего стекались со всех концов аула и его окрестностей люди. Седобородые старики стояли у дверей, а сакля была наполнена плачущими женщинами.

Проводили Агулменда на тот свет. Семь дней, как того требовал обычай, сыновья справляли поминки и угощали гостей. Когда закончился овиль, люди разошлись, а сыновья, каждый по отдельности, с нетерпением ждали: скорее бы справить сороковину и забрать завещанное отцом наследство.

...И вот наступили сороковины. Вновь в доме собрались люди, и вновь были щедрые угощения и добрые воспоминания об усопшем. Присутствующие не переставая хвалили щедрых сыновей Агулменда, ставя их в пример другим. Когда на сорок первый день люди разошлись, а в сакле остались три сына со своими жёнами и детьми, к сундуку подошёл Рабо и сказал:

– Братья мои, когда умирал наш отец, он сказал мне, что всё богатство, оставленное ему в наследство от нашего деда, будет моим, так как я старший и больше всех вас потратился, справляя похороны отца. Да и при жизни отца семья моя каждый день навещала его. Мы сидели у изголовья, приносили гостинцы... И содержимое сундука поэтому принадлежит моей семье.

Но его братья и жёны их вскричали:

– Ничего подобного!.. Он нам завещал!.. Мы навещали его каждый день. С этими словами они разом бросились к сундуку, отталкивая друг друга. Они стали даже драться и обзывать друг друга. А когда утихли, решили пригласить для разрешения спора старшину аула.

Пришёл старшина аула, и старуха передала ему ключ от сундука. Едва успел старшина аула приоткрыть крышку, как все склонились над ним и увидели, что в сундуке – большой камень. Братья и их жёны стали вновь ругаться и приставать к бедной вдове.

Видя всё это дело, старшина аула сказал своё слово:

– Дети мои, вы должны жить в мире и добре. Ничего страшного, что вместо богатства в сундуке оказался камень. Этот камень создал вам большую славу, которая прокатилась по всем аулам наших гор... Жи-

вые получили славу, а мертвые, как и следует, – великие и щедрые почести. Ваш отец славился мудростью. Мудрым он оказался и в этом. Пусть всё сделанное вами зачтется Богом и усопшим отцом... Советую вам не ссориться и быть такими добрыми и щедрыми всегда.

После слов почтенного старшины аула, все мирно разошлись по своим саклям и с тех пор стали жить в дружбе и согласии. Но случай с камнем и мудрость старика Агулменда и по сей день живёт в народе. Одни, рассказывая эту историю, с почтением говорят о хороших и добрых сыновьях Агулменда, другие высмеивают их и с почтением говорят об их отце – старике Агулменде... Как бы то ни было, я рассказал вам эту сказку и рад, если вы смогли извлечь из неё что-то хорошее.

Счастье бедняка – его дети

ил когда-то вдовец с тремя дочерьми-красавицами. Был он очень беден: выщербленный топор – вот и всё его состояние. Но мудрые люди говорят: «Счастье богача – его казна, счастье бедняка – его дети». Старый отец радовался, глядя на дочерей своих, никому не завидовал и забывал обо всех невзгодах и лишениях.

Бывало, возьмёт он топор и вместе с дочерьми отправится в падишахский лес рубить хворост. Часть хвороста он продавал, а часть оставлял, чтобы разжечь свой очаг. Так они и жили много лет.

Но однажды падишахские слуги заметили, что лес их владыки с каждым днём редее.

«Кто-то ворует лес», – подумали они и доложили об этом падишаху. Решил падишах выследить неизвестного и отрубить ему голову.

В один из дней, позавтракав и взяв с собой двух нукеров, падишах отправился в лес. По пути ему встретились четверо неизвестных людей. Каждый из них нёс по вязанке хвороста. Это был старый дровосек с дочерьми.

– Вот они, воры, кто лес мой таскают, – сказал падишах нукерам и пришпорил коня. – Я им всем головы отрублю!

Подъехал падишах к старому дровосеку поближе и обомлел.

Перед ним стояли старик и три девушки, одна красивее другой. Влюбился падишах в девушек и, сменив гнев на милость, сказал дровосеку:

– Знаешь ли ты, старый и седой человек, что за воровство моего имущества тут же отрубают преступнику голову. Если хочешь, чтобы твоя голова осталась цела, отдай мне в жёны одну из своих красавиц.

Дровосек сбросил с себя вязанку, поклонился падишаху и говорит:

– Почтенный наш падишах, – да продлятся дни твои! – я не могу отдать тебе в жёны ни одну из своих дочерей без их на то согласия. Это их дело. Я могу только спросить у них.

И старик спросил старшую дочь:

– Хочешь ли ты стать женой нашего падишаха?

– Нет, – сказала старшая дочь.

Тогда отец спросил об этом же среднюю дочь.

Та ответила, что должна подумать.

Спросил отец и младшую дочь:

– Да исполнятся, отец, твои желания, – сказала она. – Я согласна стать женой падишаха.

Обрадованный падишах подхватил красавицу, посадил на своего коня и увёз во дворец.

Так младшая дочь дровосека стала жить в покоях падишаха, а дровосек со своими старшими дочерьми остался жить в старой дымной сакле. По-прежнему он ходил в падишахский лес, рубил хворост, часть продавал, а часть для себя оставлял.

Однажды старый отец соскучился по младшей дочери и говорит старшим:

– Дети мои, пойду я проведу вашу младшую сестру. Посмотрю, где она там и как устроилась.

Сказал так отец, и собрался в дорогу...

Вскоре прибыл он в падишахский город. Ходит по улицам и ищет дом падишаха. Но случилось такое: когда он проходил мимо одного большого каменного дома, то увидел на хейвуне красавицу в дорогих шелках и загляделся на неё. А это и была его дочь. Она узнала своего старого отца и попросила свекровь пригласить его в дом.

– Это мой отец, – сказала девушка.

Пригласила свекровь дорогого гостя в дом. Вошёл отец и видит: дочь его в дорогие шелка одета, по дорогим коврам ходит, а вокруг неё прислуга мечется. Обрадовался отец, обнял дочь и говорит:

– Умница моя!

Рассказали они друг другу, как живут, как себя чувствуют.

А вскоре вернулся с прогулки и сам падишах. Увидел он тестя, обрадовался, приказал слугам по такому случаю накрыть стол, а гостя нарядить в дорогой халат.

Три дня и три ночи провёл бедный дровосек в семье зятя и дочери. На четвёртый день он сказал им:

– Дай Худо, чтобы стол ваш не пустовал, и здоровье было крепкое. Мне пора домой возвращаться. Дочери меня ждут, не дождутся.

Спросил падишах у тестя:

– Что же тебе подарить?

А старый дровосек отвечает:

– Ваше здоровье!

– За добрые пожелания – спасибо. Но подарок я тебе должен сделать, – отвечает падишах.

Подарил он старику бубен и говорит:

– Когда будет нужно, скажешь этому бубну: «Воку, теп» – и тут же перед тобой появятся всякие яства. А теперь ступай.

Попрощался старый дровосек с зятем, дочерью, со сватьями и ушёл. Долго ли он шёл, кто знает, но дошёл до одного холма и почувствовал, что хочет есть. Сел он на холме, достал из хурджуна бубен и говорит:

– Воку, теп!

Не успел он это вымолвить, как перед ним появились разные кушанья. Здесь и хлеб, и плов, и долма, и сладости, – словом, всё, что может пожелать душа человека.

Поел плотно старый дровосек, выпил немного вина и говорит:

– Сахтбош, теп, сохбоши!

Сказал он так, и всё исчезло. Положил дровосек бубен в хурджун и заспешил к своей сакле, где ждали его дочери.

Долго ли он шёл – это ему знать, но наконец пришёл. Вошел в саклю, обнял дочерей и говорит:

– Дети мои, пройдитеесь по нашему аулу и позовите всех в гости, буду всех угощать. Пусть знают, что и старый дровосек может принять гостей.

А сёстры смотрят друг на друга и ничего понять не могут: не то отец с ума сошёл, не то всерьёз говорит. Стоят на месте, будто приросли.

А старый отец опять:

– Дети мои, я же вам сказал: идите и зовите гостей.

Пожали дочери плечами, не стали отцу перечить и пошли созывать гостей. Ходят из сакли в саклю и говорят:

– Отец вас в гости зовёт, стол накрывает.

А жители аула смеются и отвечают:

– Ему самому есть нечего.

А сами думают: «Любопытно сходить и посмотреть, чем же будет угощать гостей старый дровосек».

Много народу пришло из любопытства во двор бедного дровосека. Стоят люди во дворе, шепчут друг другу на ухо:

– Что он, старый, с ума сошёл? Чем же он нас угощать будет? Может быть, свежими новостями?

А старый дровосек тем временем вышел из сакли и спрашивает:

– Все гости пришли?

– Все! – отвечают собравшиеся.

Достал старик из хурджуна свой бубен и тихо говорит:

– Воку теп, для гостей!

Не успел он это сказать, как во дворе появились столы, полные угощения. Здесь и хлеб, и плов, и куры, и шашлыки, и вина, и сладости – всё, что душе хочется.

– Ешьте, пейте, веселитесь на здоровье, дорогие мои гости, – говорит старый дровосек и сам садится рядом с дочерьми.

До полуночи угощались гости в доме дровосека, а потом стали расходиться. Вскоре все разошлись по домам, только один старик не ушёл, остался спать у дровосека.

– Я твой родственник, – говорит, – хочу с тобой вдвоём остаться.

Стали они пить. Напоил старик дровосека, украл у него волшебный бубен и скрылся.

Утром проснулся дровосек, и видит: бубна нет и старика нет. Понял он, что старик украл его теп, но не стал он искать вора, а только опустил голову на грудь и призадумался: опять в нищете жить.

Увидели дочери, что отец чем-то опечален, догадались, в чём дело, и говорят отцу:

– Не грусти, отец, что поделаешь. Судьба наша такова. Видно, не суждено нам жить в радости и достатке.

И стал старый отец снова ходить с дочерьми в лес падишаха рубить хворост. Часть хвороста продадут, а часть себе оставят. Так и жили.

Но спустя три месяца старый отец загрустил по младшей дочери и решил её проведать. Сказал он об этом старшим дочерям и ушел.

Обрадовалась младшая дочь приходу отца. Обрадовался гостю и зять. Накрыв в честь него стол. Три дня и три ночи гостил старый дровосек у зятя и дочери. На четвёртый день старик собрался в обратный путь. А зять снова спрашивает его:

– Что тебе подарить?

Отвечает ему тесть:

– Ваше здоровье и благополучие!

Подарил дровосеку на этот раз падишах ларчик и говорит:

– Скажешь ларчику: «Сурхе-зар» – и из него будут сыпаться золотые монеты и драгоценности.

Поблагодарил старый дровосек зятя за гостеприимство и за подарок, попрощался со всеми и ушёл.

Идет час, другой, третий и не терпится ему узнать, как же из ларчика будут золотые монеты сыпаться. Дошел он до холма, не сдержался и говорит ларцу:

– Сурхе-зар!

Не успел он так сказать, как его хурджун наполнился золотыми монетами и бриллиантами. Обрадовался старик, что в его руках неиссякаемый клад. «Ну, – думает, – теперь я богато заживу, назло тому, кто украл у меня волшебный бубен.» Вскоре старик уже был дома и показывал дочерям чудесный ларчик:

– Ну, дети мои, смотрите в оба. – А ларчику сказал: – Сурхе-зар!

Не успел он положить ларчик на ковёр, как из него стали сыпаться золотые монеты и бриллианты. Обрадовались сёстры, хватают пригоршнями монеты и бриллианты, смеются и обнимают отца.

Спустя два-три дня решил старый дровосек в баню сходить, кости старые попарить. Взял он ларчик и стал в баню собираться. А дочери говорят ему:

– Отец, не бери ларчик с собой. Оставь дома. Мало ли кто увидит и украдёт.

Не послушался старый дровосек дочерей, положил ларчик в карман халата и ушёл.

Пришёл в баню, дал банщику одну медную монету, разделся и стал мыться. А у банщика была привычка шарить по карманам посетителей. Не изменил своей привычке он и на этот раз: нашёл в халате дровосека ларчик и спрятал. Когда дровосек помылся в бане и стал одеваться, то обнаружил, что ларчика в кармане халата нет. Бросился он к банщику и стал требовать, чтобы тот вернул ему ларец. А банщик отвечает:

– Ты что, с ума сошёл? Где это слыхано, чтобы бедный дровосек ларчик имел. Ничего я не брал, и никто тебе не поверит. Ступай отсюда по-хорошему.

Ничего не оставалось делать бедному дровосеку. Поплёлся он с поникшей головой к себе, рассказал дочерям о пропаже ларца. А дочери стали его бранить, мол, не послушался. Но что поделаешь: разговорами дело не поправишь!

Жил бедный дровосек некоторое время на те деньги и бриллианты, что были в их сакле. А когда и они кончились, стал снова из лесу хворост таскать; часть продавал и покупал еду, а другую часть клал в очаг, чтобы поддержать огонь.

Но вскоре старый отец вновь затосковал по младшей дочери и решил проведать её, а заодно и пожаловаться падишаху на банщика и того старика, которые украли у него подарки зятя. Сказал старый дровосек дочерям, что идет младшую дочь проведать, и ушёл.

Обрадовались дочь и зять приходу старика. Накрыли в честь гостя стол. А когда немного поели, дровосек рассказал зятю о банщике и старике. Выслушал падишах тестя и говорит:

– Ничего, главное – здоровье. Не переживай! Подарю я тебе на этот раз палку. Коснёшься ты этой палкой кого захочешь и скажешь: «Зе-куш»... А там сам знай, что делать.

Погостил старый дровосек три дня и три ночи, а на четвёртый взял подарок, поблагодарил зятя за внимание и направился к своему аулу.

Долго ли он шёл или недолго, – это ему знать, а нам известно, что когда он дошёл до холма, то решил испробовать: что же это за палка и в чём её польза. Достал он палку, положил себе на плечо и говорит:

– Зе-куш!

Не успел он это сказать, как палка начала колотить его по плечам, по спине, по ребрам. Да так больно, что дровосек едва удержался, чтобы не крикнуть и не позвать на помощь.

А когда старик сказал палке «сохбоши», она перестала бить его. Положил дровосек волшебную палку в хурджун и заспешил к своему аулу. Идёт и раздумывает: «Теперь-то я накажу старика за то, что украл у меня чудесный бубен. И банщика накажу за ларец... Ай да падишах, какой молодец, что подарил мне такую палку! Ведь она и меня наказала за мою доверчивость, за то, что я дочерей не послушался».

Вот вошёл старый дровосек в родной аул, подошёл к сакле старика, который украл у него чудесный бубен, и крикнул:

– Верни мой теп, вор!

А старик стал отказываться и даже грозить дровосеку. Достал тогда дровосек свою волшебную палку, коснулся ею спины старика и говорит:

– Зе-куш!

И пошла палка колотить вора по спине, по ребрам, по голове, а дровосек опять повторяет:

– Верни мой бубен, вор! Верни, говорю.

Долго била палка вора, всего искалечила. Он уж и подняться с земли не мог. Наконец взмолился:

– Перестань колотить. Сейчас верну.

Поблагодарил дровосек палку, и она перестала бить вора. Забрал дровосек свой чудесный бубен и, пригрозив вору, заспешил к банщику. Пришёл он к банщику и говорит:

– Верни мой ларчик, вор!

А банщик стал выталкивать дровосека за дверь. Достал тогда дровосек свою чудесную палку, коснулся ею спины банщика и говорит:

– Зе-куш!

И пошла палка колотить банщика по спине, по голове, по рёбрам, по рукам. А банщик кричит, людей на помощь зовёт. Повыскакивали из бани голые люди, смотрят, а понять ничего не могут. А дровосек своё кричит:

– Эй, ты, вор, не будешь шарить по чужим карманам. Верни мне мой ларчик подобиру, верни!

Ничего не оставалось делать банщику, и он сказал дровосеку:

– Верну, только пусть эта палка перестанет меня колотить.

Сказал дровосек палке «сохбоши», и та перестала колотить банщика.

Забрал дровосек ларчик, обрушил на голову банщика-вора проклятия и заспешил к своей дымной сакле. Вошёл он в саклю, радостно улыбается и дочерям говорит:

– Теперь-то мы заживём, дети мои.

Рассказал старый отец обо всём старшим дочерям. Обрадовались сёстры, пожелали зятю и младшей сестре всего доброго и говорят отцу:

– Отец, скажи-ка бубну, пусть нас накормит. Мы очень проголодались.

И сказал дровосек: «Воку, теп», – тут же перед ними появилась скатерть с разными яствами. Наелись старый дровосек и его дочери, отдохнули. А через некоторое время с помощью ларчика старый дровосек выстроил себе два огромных каменных дома, обставил их дорогими вещами. В один дом поселил старшую дочь, в другой – среднюю, а сам стал ходить в гости то к одной, то к другой и приговаривать: «Теперь-то женихи сами придут и ноги дочерей моих целовать будут... Ишь ты, как бедный, так никому и не нужен. Все к богатым приходят. А я выдам своих дочерей за бедного. Бедность не порок, лишь бы ум был высок».

И выдал старик своих дочерей за бедных и умных юношей, и зажили они в любви и согласии. А старый дровосек то у одного зятя гостит, то у другого, то у третьего, и везде его встречают с уважением, сажают на почётные места и мягкую подушку подкладывают. А старый отец радуется, крутит рыжие усы и думает: «Не так-то плохо дочерей иметь».

Яблоки добра и зла

или-были муж и жена. Было у них три сына: старший, средний и младший. Жили они дружно, все работали. Но однажды мать захворала и перестала ходить на работу. Стали ей в голову всё чаще и чаще приходить мысли о смерти. И решила она складывать в сундук всё необходимое на день своей смерти. Вскоре она слегла, а спустя несколько дней почувствовала, что вот-вот явится к ней смерть. Встала она в этот день ещё раз, перебрала свой сундук – не забыла ли чего положить? – и, убедившись, что всё в порядке, закрыла его на замок, ключ взяла в руку и легла в постель ждать прихода мужа и сыновей с работы, чтобы отдать им ключ. Но они, как назло, всё не возвращались. Умерла она, не повидав мужа и сыновей в последний раз, а ключ так и остался в её руке.

Вернулись отец и сыновья и видят: женщина мертва. Кинулись к сундуку, где лежало всё необходимое для похорон, – сундук закрыт на замок. Стали искать ключ, весь дом перерыли, но так и не нашли.

Ничего не оставалось им делать, как ходить по соседям и просить: у кого посуду, у кого скатерть, у кого материю на саван, у кого мясо и хлеб. Словом, кое-как собрали всё нужное и похоронили мать. После

того как прошел овиль, прошло ещё три недели, тогда отец позвал своих сыновей и говорит:

– Дети мои, вот мы и похоронили нашу мать, и перед смертью так и не поговорили с ней. Может в этом сундуке она оставила что-то дорогое. Кто из вас отправится к матери в страну Эдем и спросит, куда она спрятала ключ?

Старший сын ответил на это так:

– Я не пойду туда. Да и вообще, зачем это нужно?

А средний сын, зевнув во весь рот, сказал так:

– Мне ни ключ от сундука не нужен, ни то, что в сундуке. Пусть отправляется тот, кому это нужно.

И тут вступил в разговор младший сын:

– Не нужно спорить. Я пойду к матери на тот свет и узнаю, где она спрятала ключ. Вот только схожу на конюшню и спрошу своего коня, согласен ли он отправиться со мной?

Пошел младший сын на конюшню и говорит коню:

– Мой верный конь, я хочу отправиться на тот свет к матери и спросить, где она спрятала ключ. Как ты относишься к моему желанию?

Конь ответил ему так:

– Желание твое понятно. Но дорога очень дальняя и трудная. Твоя мать попала в рай, но нам придётся проехать через ад. Много всяких чудес встретится на нашем пути. Но знай, что бы ты ни увидел, ни о чем у меня не спрашивай. Когда придём к матери, у неё всё спросишь. А теперь ступай собираться в дорогу. Да не забудь взять с собой два хурджуна. В один положи хлебные корки, в другой – старое тряпье.

Сделал младший сын всё так, как наказывал конь. И отправились они в путь.

Долго ли скакал конь или недолго, но, наконец, ступил он на землю того света. Скачет он по аду день, второй, третий, а на четвёртый день дорога подошла к глубокой реке. Не решился конь войти в воду. Погнал тогда юноша коня по берегу реки и видит, как двое мужчин, один с одного берега, другой – с другого, схватили друг друга за плечи, словно бы дерутся. А вода под ними течёт, камни ворочает и грозно шумит. Смотрит младший сын и диву даётся, а понять, что к чему, не может. У коня спросить – значит нарушить обещание.

Долго стоял он, и, наконец, спросил у этих мужчин:

– Как мне перебраться на другой берег?

– Через нас проезжай.

– Вы же люди, как я могу через вас проехать?

А мужчины опять ему:

– Проезжай. Не ты первый, не ты последний – все через нас проезжают.

Пришпорил тогда младший сын своего коня и проехал по мужчинам.

Скачет он дальше: день, второй, третий. А на четвёртый день дорога привела его к поляне. Увидел он здесь множество кувшинов из-под молока и женщину, которая переливала молоко из одного кувшина во второй, из второго – в третий и так до бесконечности. Посмотрел на это юноша, но ни о чём не стал расспрашивать. Пришпорил коня своего и поскакал дальше.

Долгий путь проделал он и на этот раз, и, наконец, приехал в поле, где увидел целую гору яиц. Сидела у этой горы женщина и перекладывала яйца с места на место. И так целый день.

Посмотрел на это юноша, пожал плечами и поскакал дальше своей дорогой.

Долго ли он скакал, это ему знать, а нам известно, что он доехал до высокой горы и видит: у самой горы стоит тонур, а рядом сидит женщина и печёт лепёшки. Испечёт она одну лепёшку и тут же ест ее, а другую в печь кладет и кричит: «Есть хочу!» Долго смотрел юноша на эту женщину и всё думал: «Сколько же она может съесть?»

Ещё через три дня и три ночи прискакал он к роднику и видит, как женщина наполняет кувшин водой, пьёт и никак не может напиться. Удивился юноша, а спросить не решился: обещал ведь не расспрашивать.

Поскакал он дальше. Скачет день, второй, третий, а на четвёртый день дорога привела его к месту, где было великое множество холмов. Едва он подъехал к этим холмам, как холмы расступились и из них появились исхудавшие и оборванные люди. Они протягивали к юноше руки и просили:

– Хлеба! Подайте кусок хлеба! Подайте! Не проезжайте мимо!

Раздал юноша весь хлеб, который лежал в его хурджуна, и поехал дальше.

Только отъехал немного, как опять увидел такие же холмы. Подъехал юноша к холмам, а они расступились, и из них вышло множество раздетых людей. Они тянулись к юноше и просили, чтобы он дал им хоть какую-нибудь одежду. Тогда юноша достал из хурджуна тряпье, которое он захватил из дому, и раздал им.

Едет он дальше, а сам всё думает о том, что за странные люди попались ему в пути.

Много дней и ночей ехал юноша. Но как бы длинна не была дорога, всему приходит конец. И вот увидел он впереди весёлую зелёную равнину, которая манила пышными садами. Это начинались уже земли рая. Проехал юноша ещё немного и очутился в райском саду. Каких только здесь ни было деревьев! А на ветвях сидело множество пёстрых птиц, распевавших на все лады!

Вскоре подъехал юноша к золотым воротам рая. Привязал он коня к дереву, постучался и стал ждать. Вскоре открылись перед ним двери, и рыжий статный и высокий старичок у входа поклонился и сказал:

– Со злом пришёл – прочь ступай, а с добром пришёл – входи в рай.

Рассказал юноша рыжему старичку зачем он пожаловал, а тот и говорит ему:

– Знаю, знаю такую женщину. Она, бедная, всё время говорит о том, что не успела детям своим отдать ключ от сундука. Если ты сын её, то входи.

Вошёл юноша в рай и видит, его мать сидит под яблоней и райских птичек с руки кормит. Как увидела она своего младшего сына, бросилась к нему, обняла и спрашивает:

– Сынок, зачем пожаловал сюда?

Отвечает ей сын:

– Тебя проведать, да и о ключе спросить: куда ты его спрятала?

А мать спрашивает:

– А кто тебя послал сюда?

– Отец собрал нас, братьев, и спросил: кто поедет к матери на тот свет спросить, где она спрятала ключ. Старший брат сказал, что не поедет. А средний брат сказал, что ему ни ключ от сундука не нужен, ни то, что лежит в сундуке. Ну а я все-таки решил отправиться в путь.

– Как мог отец послать туда, откуда не возвращаются? Неужели твоя жизнь стоит меньше, чем содержимое сундука?

Мать сказала так, поцеловала сына и пошла к своей золотой тахте, чтобы из-под подушки достать ключ и передать сыну. А сын остановил её и говорит:

– Мама, не спеши дать ключ. Ты лучше ответь мне на несколько вопросов.

– Спрашивай, сынок, – сказала мать.

И сын спросил:

– Мама, когда я ехал к тебе, то встретил на пути быструю реку. Вместо моста, на разных берегах, стояли двое мужчин. Они держали друг друга за плечи, и я по ним проехал, как по мосту. Кто они такие и почему висят над рекой, я так и не узнал. Ответь мне, в чём тут дело?

Мать усмехнулась и говорит:

– Эти люди, сын мой, провинились. Их в рай не пускают потому, что они и при жизни дрались между собой из-за этой реки. Вот теперь они в аду и живут.

Обрадовался сын, что наконец-то узнал в чём дело, и задал матери второй вопрос:

– Мама, ехал я дальше и вдруг встретил женщину, которая переливала из кувшина в кувшин молоко. Кто она такая и почему занята столь бессмысленным делом?

Мать усмехнулась и говорит:

– Эту женщину также не пускают в рай. Она при жизни мешала молоко с водой и продавала людям. За обман ее наказали такой работой в аду.

Задал юноша матери третий вопрос:

– Ехал я дальше и вдруг вижу, как одна женщина перекладывает горы яиц с одного места на другое. Почему она так делает?

Мать опять усмехнулась и говорит:

– Эта женщина также наказана. Она украла у своей соседки три яйца. И теперь ей надо найти именно те яйца и вернуть их хозяйке. Но она не знает, какие точно яйца, вот и перебирает всю груды.

Обрадовался сын этому ответу и снова спрашивает:

– Мама, ехал я дальше и вижу, как у самой скалы стоит тонур, а рядом сидит женщина и печёт лепёшки. Испечёт она лепёшку и тут же ест, а в печь бросает другую. И так всё время ест и ест, а сама кричит: «Есть хочу!» Кто она такая и почему так кричит?

Мать вновь усмехнулась и отвечает:

– Женщина эта при жизни пекла лепёшки и ела сама, а детям своим ни крошки не давала. За это Всевышний наказал ее и дал ей ту же работу, мол, пусть объедается, а в рай не пустил.

Снова спрашивает юноша:

– Мама, ехал я дальше и увидел: сидит у родника женщина, наполняет водой один кувшин за другим и пьёт. И так всё время. Кто она такая и почему пьёт без конца воду?

Мать усмехнулась и ответила:

– Ехали как-то в степи двое и захотели пить. Подъехали к роднику, увидели эту женщину и попросили напиться. Она отказала им. За жадность Всевышний поселил её в аду и заставил всё время пить воду.

Обрадовался сын такому ответу и снова спросил:

– Мама, поехал я дальше и увидел горы. Когда я подъехал к этим горам, то из них вышли люди и стали просить у меня: одни – кусок хлеба, другие – одежду. Кто они такие?

Мать усмехнулась и ответила:

– Это – нищие. Они и при жизни попрошайничали, не хотели работать, а потому Всевышний поселил их в аду. Вот и здесь без конца будут тем же заниматься.

Поклонился юноша матери и поблагодарил за все ответы. А потом говорит:

– Теперь давай мне ключ, и я поеду домой.

Отдала ему мать ключ, сорвала с яблони четыре яблока и говорит:

– Сын мой, вот тебе четыре яблока. Одно отдай отцу, другое – старшему брату, третье – среднему брату и скажи, что Бог им судья. А четвёртое, сынок, съешь сам... А теперь ступай, Худо хармах ту!

Обняла мать сына и повторила:

– Ступай, сынок!

Поклонился сын матери и вышел из рая. Сел он на своего доброго коня и мигом очутился дома, где ждали его возвращения отец и старшие братья. Когда он вошёл в дом, отец и старшие братья стали расспрашивать обо всём, что пришлось ему увидеть и испытать. Рассказал он им всё, как было, и говорит:

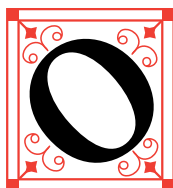
– Мать велела угостить вас яблоками и сказать: Бог вам судья!

Съел отец яблоко – превратился в осла за то, что разрешил младшему сыну отправиться на тот свет. Съел старший брат яблоко – и за свою лень превратился в свинью и стал жить в болоте. Съел яблоко средний брат – и за свою грубость превратился в собаку да сбежал в лес. Съел своё яблоко младший брат и видит: вместо их дома вырос каменный дворец с семью хейвунами. Во дворце том ждёт его красавица-невеста. Он заключил её в объятия и добился всех радостей жизни.

Но при этом младший сын покойной матери всегда помнил, как были наказаны все те люди, которые поступали при жизни против воли Бога.

Да воздаст Худо каждому по его заслугам!

Всему свое время...

Однажды на рассвете халиф Багдада встал с постели и вышел на хейвун своего великолепного дворца. Опершись руками о перила, он посмотрел на верхушки старой яблони и увидел между густыми ветвями одинокое яблоко. Оно было до того красивым и румяным, что халиф не мог отвести от него взгляда. Такого удивительного плода не нашлось бы ни в одном из многочисленных садов всего халифата. Поэтому халифу очень захотелось собственными руками сорвать это яблоко и съесть. А желание правителя – всегда закон. Быстро он вышел из дворца, вскарабкался на верхушку дерева и только хотел сорвать яблоко, как неожиданно из-за облаков появился огромный орёл, схватил халифа мощным клювом и взлетел в небо.

Летел он долго и к полудню опустился в неизвестной местности. Освободившись от ноши, орёл закричал зычным голосом, широко взмахнул крыльями и улетел за горизонт.

Тем временем халиф очнулся от обморока, поднял голову и видит: вокруг ни травинки, ни дерева, ни живой души, только слева шумит бесконечное море, а справа возвышается небольшая песчаная гора.

Встал несчастный халиф на дрожащие ноги, с трудом перевалил через гору и очутился в тёмном лесу. Раздвигая руками густые заросли, он прошёл сотни метров и неожиданно оказался у крепостной стены.

Подошел халиф ещё ближе и видит: у открытых ворот стоят четверо пахлеванов, у каждого в руках сверкают остроконечные сабли и пики. Испугался он могучих пахлеванов, отступил назад и, спрятавшись за плотными кустарниками, стал дожидаться ночи.

Пусть халиф пока дожидается ночи, а я расскажу вам о падишахе Чиме-Чине. На старости лет у него родился единственный сын. Однажды к нему пришли предсказатели судеб и заявили:

– О, повелитель, когда твоему сыну исполнится ровно пятнадцать лет, он погибнет от руки багдадского халифа. Так предсказали нам книги и далёкие звёзды.

От такой неприятной вести падишах задрожал всем телом, а затем, чуть придя в себя, посоветовался со своими везирами и отправил их на поиски такой местности, где бы до сих пор не ступала нога человека.

Сказано – сделано. Отправились везиры в путь и через неделю оказались в безжизненной местности, где слева шумит бескрайнее море, а справа высится песчаная гора. Пришли они тогда к падишаху и доложили ему обо всём.

Тот, выслушав их, призадумался и приказал слугам посадить там дремучий лес.

– Посреди леса, – сказал он, – постройте крепость и, когда моего сына доставите туда, поставьте у ворот стражников с обнажёнными саблями и пиками в руках. Если в крепость проникнет хоть один человек, то ответите за него головой.

– Слушаем и повинемся, – ответили слуги и принялись за дело.

Вскоре в безлюдной местности зашумел ветвями непроходимый лес. За такое же время среди густых деревьев появилась неприступная крепость. Слуги привели туда четырёхлетнего сына падишаха, оставили возле него старую служанку, доверили охрану ворот стражникам и пошли докладывать падишаху о выполненном приказе.

Прошло много лет. Мальчик достиг подросткового возраста и узнал от старой служанки, что по достижении пятнадцати лет он должен погибнуть от руки багдадского халифа. Погоревал сын пади-

ш а х а
с полгода, а затем взял себя в руки и стал терпеливо дожидаться предначертанного судьбой.

Годы, месяцы и недели пролетели незаметно. Наступил тот час, когда до пятнадцатилетнего возраста оставалось ровно три месяца. Подросток уже возмужал и стал стройным юношей. В последние дни он был весел, много шутил. Когда служанка приносила ему изысканные блюда, он ел и пил с завидной охотой, спал так, как спят юноши только в его годы.

Пусть сын падишаха пока растёт и радуется, а я расскажу вам о багдадском халифе.

Глубокой ночью несчастный халиф вышел тихо из своего укрытия, тайком, на четвереньках, прошел мимо спящих стражников и очутился внутри крепости. Пробравшись на второй этаж, он остановился у едва приоткрытой двери и вошёл в просторную светлую комнату. Тут несчастный халиф осмотрелся и видит: на роскошной кровати лежит юноша неопишуемой красоты и спокойно читает книгу. Подошел к нему халиф, приложил руку к груди и поздоровался.

От неожиданности юноша вздрогнул всем телом, затем посмотрел на него удивленно и спросил:

– О, человек, кто ты и как оказался в этой адской местности, где за всю мою жизнь не пролетела ни одна птица, и не прошёл ни один верблюд?

Подошёл халиф к нему поближе и сказал:

– Дорогой юноша, обо мне ты узнаешь после того, как расскажешь о себе.

– Хорошо, – согласился юноша и пригласил халифа к столу.

Тот сел напротив юноши, выслушал его печальную историю и подумал: «Почему так сурова и не разборчива человеческая судьба? Что плохого сделал для меня этот красавец, чтобы непременно погибнуть от моей руки?..»

– Теперь твоя очередь рассказывать, – прервал мысли халифа юноша и с грустью посмотрел на него.

Трудно было несчастному халифу сказать о себе правду, и поэтому он поведал выдуманную повесть:

– Дорогой юноша, родился я в богатой семье и с молодых лет занимаюсь торговлей. Две недели тому назад нанял я корабль, нагрузил его трюмы товаром и отправился в море. И вот вчера начался небывалый шторм, огромные волны накрыли корабль и вместе с грузом всё отправили в морскую пучину. По воле судьбы я спасся, ухватившись за обломок мачты, и чудом оказался на берегу этой загаточной местности.

Поверил юноша халифу и призадумался. Халиф выпил бокал вина и, улыбаясь, сказал:

– Юноша, если я тебе не в тягость, то с этого часа давай жить во дворце, как отец с сыном. И тебе будет хорошо, и мне. Согласен?

Юноша утвердительно кивнул головой, и стали они жить с халифом вместе.

Шли дни за днями, недели за неделями. Халиф рассказывал юноше разные сказки и небылицы, пел ему вдохновенно восточные песни и читал мудрые книги. За это короткое время привязался юноша к названному торговцу всей душой и полюбил его, как родного отца. Его доброта и приветливость отвлекали сына падишаха от дурных мыслей, и незаметно приближалось его пятнадцатилетие.

А между тем этот день настал. Рано утром юноша выбежал во двор крепости, выбрал на бахче крупную созревшую дыню и, возвратившись в комнату, положил на серебряный поднос. Через минуту дыня была разрезана на множество кусков. Халиф и юноша радостно вдыхали приятный аромат плода и ели ломтик за ломтиком. И когда на подносе остался единственный кусочек, халиф решил выразить свою наивысшую доброту и вежливость. Он встал с места, нанизал последний кусочек на острие ножа и поднёс к губам юноши. Но из-за спешки не заметил на полу скользкую кожуру дыни и наступил на неё ногой. Тело халифа на мгновение зашаталось и дёрнулось вперёд. Острый нож изменил своё направление и по самую рукоять вонзился в горло юноши. От неожиданности и боли юноша вскрикнул хриплым голосом, схватился за окровавленную рукоять и упал бездыханным прямо к ногам халифа.

Поняв, что случилось с сыном падишаха Чиме-Чина, халиф пришёл в ужас. Безумно глядя на мёртвое тело юноши, он завыл во весь голос и с воплем выбежал во двор крепости. В эту минуту ему хотелось, что-

бы стражники схватили его и зарубили саблями.

Так бы оно и случилось, если б неожиданно из-за облаков не появился орёл, который когда-то занёс халифа в эту одинокую местность.

Он стремительно влетел во двор, разбросал стражников в разные стороны, вцепился лапами в одежду халифа и, взлетев с ним над крепостью, быстро растаял в облаках.

Преодолев огромное расстояние, орёл оказался в саду багдадского халифа, положил его под той самой яблоней и скрылся.

Сколько лежал халиф на земле, никто не знает, но сам он говорил, что, когда пришёл в себя, он посмотрел первым делом на верхушку дерева и увидел вместо зрелого, румяного плода какое-то сморщенное яблоко, которое закачалось от ветра и, сорвавшись с ветки, упало к ногам удивлённого халифа. И понял халиф: «Что предназначено судьбой – того не изменить!»

Рассказы трех юношей

Рассказывают, что любил шах Аббас в одеянии дервиша ходить вечерами по своей столице. И вот однажды, когда шах Аббас гулял переодетым, на окраине города он заметил костёр и захотел узнать, что за люди сидят у костра. Подойдя поближе, он увидел трёх юношей, спрятался за кустами и решил подслушать, о чём они будут говорить.

Долго ждать ему не пришлось. Один из юношей сказал:

– Разные дороги из разных мест привели нас в столицу шаха Аббаса. Кто мы, зачем пришли сюда? Давайте расскажем об этом друг другу.

Второй юноша сказал:

– И вправду, раз мы доверились одному огню, почему бы нам не доверить друг другу свои мысли.

А третий юноша сказал:

– Рассказывать так рассказывать, но кто же начнёт первым?

Они переглянулись, и тот, который первым нарушил молчание, заговорил снова:

– По всему видно, я – старший, давайте сказывать по-старшинству, мне начинать.

– Говори, – сказали остальные.

И первый юноша начал рассказывать:

– Я – одинокий странник, ровно месяц я шёл сюда пешком. Слышал, что шах Аббас никому ни в чём не отказывает, вот я и решил обратиться к нему за помощью. Посплю ночь у костра, а утром пойду к шаху Аббасу и скажу: «Дай, Худо, шаху Аббасу здоровья! Слышал я о твоей доброте и пришел попросить у тебя в подарок хорошего скакуна со сбруей да сто золотых монет в придачу». И ещё я скажу: «За твоё здоровье буду ездить по городам, пить-гулять». Вот почему я сюда пришёл.

Так закончил свой рассказ первый юноша, а шах Аббас наблюдал за ними и ждал, что же скажет второй. Тот сказал:

– Я тоже одинок и беден. Пора мне жениться, но кто отдаст свою дочь без калына? К тому же где мне взять денег для свадьбы? Думал я, думал и вот что придумал. У шаха Аббаса есть дочь. Утром пойду к шаху и скажу ему, что слышал о его доброте и потому пришел просить в жёны его дочь. Если отдаст за меня дочь – хорошо, а не отдаст – так не отдаст. С такими мыслями я и шёл сюда пешком два месяца.

Второй юноша закончил свой рассказ, а шах Аббас ждёт, что скажет третий.

– Эх, друзья мои! Один из вас целый месяц шёл сюда, другой – два месяца, и всё для того, чтобы попросить у шаха Аббаса: одному – коня и денег, второму – шахскую дочь. О нет, не просить пришёл я в этот город, хоть я, как и вы, одинок и беден. Целых три месяца был я в пути, пока дошёл сюда. А пришёл я сказать шаху Аббасу: «Чтобы ни тебя не было, ни твоей доброты, ни твоего богатства! Что толку от того, что ты дашь мне сколько-то денег – ведь всё, что мне суждено, даёт мне моё счастье!»

Выслушав рассказ третьего юноши, шах Аббас вернулся домой и велел нукерам схватить троих юношей и заключить их в темницу. Стражники побежали, схватили юношей, связали их и бросили в темницу.

Наутро шах Аббас оделся в шахские наряды, сел на трон и созвал старейшин.

Поставили виселицу, и шах Аббас велел привести из темницы троих юношей. Палачи их привели, и шах Аббас сказал:

– Эй вы, юноши, видите эту виселицу? Она не для красоты сделана.

Тому, кто будет говорить неправду, висеть на ней. Понятно?

– Понятно, – ответили все трое.

– Так вот, – продолжал шах, – я вас видел ночью во сне и хочу проверить правоту своего сна. Расскажите правду о себе – останетесь в живых, а если нет – смерть вам будет. Говорите, кто вы и зачем пришли.

Палачи подвели к шаху Аббасу старшего юношу. Упал он перед шахом на колени и говорит:

– О, добрейший шах Аббас. Я одинокий и бедный странник. Ровно месяц шёл я сюда. Слышал я, добрейший шах Аббас, что ты никогда и никому ни в чём не отказываешь. Я беден, нет у меня ни одежды, ни денег на пропитание. И вот я прошу у тебя хорошего скакуна, сбрую, уздечку, седло и ещё сто золотых твоих монет. Если дашь – буду за твоё здоровье ездить по городам, пить, гулять. А теперь, хочешь убить – убей, не хочешь – оставь среди живых. На всё твоя воля, шах Аббас!

Выслушав его, шах Аббас сказал:

– Рассказ юноши и мой сон совпадают. Вымойте его, накормите и спать уложите.

Везиры выполнили повеление шаха: умыли юношу, накормили и спать положили.

А шах Аббас сказал:

– А теперь подведите ко мне второго!

Палачи привели второго юношу, тот поклонился шаху, стал на колени и начал говорить:

– О, добрейший шах Аббас. Я тоже одинок и беден, к тому же пришло мне время жениться, но нет у меня денег ни на калын, ни на свадьбу. Слышал я, что у тебя есть дочь. И я задумал просить у тебя отдать дочь мне, бедняку, в жёны. Целых два месяца шёл я сюда, а теперь, добрейший шах Аббас, воля твоя: хочешь убить – убей, не хочешь – оставь среди живых.

Шах Аббас говорит:

– Рассказ юноши совпадает с тем, что я видел во сне. Вымойте его, накормите и спать уложите.

Выполнили везиры это повеление шаха Аббаса: умыли юношу, накормили, уложили спать и вернулись назад.

А шах Аббас говорит:

– Подведите ко мне третьего, послушаем, что он нам расскажет.

Привели третьего юношу, стал он перед шахом и сказал:

– Эй, шах Аббас! Мои уши слышали твой приказ. Твоё дело – поведовать, а моё – покоряться. Только я вот что скажу. Каждый из вас – и шах, и мулла, и любой другой, – когда вам даром дают золотые монеты, торжествует и восклицает: «о, Худо!» Но когда у вас просят, вы говорите: «Умей добывать сам!» А мне ни доброты твоей, ни милости твоей не нужно. И если суждено мне чего-то достичь, так это даст мне моё счастье!

Шах Аббас выслушал его и сказал:

– Сон мой совпал с твоим рассказом. А теперь ступай, ищи своё счастье. Пусть оно тебе поможет, а от меня добра не жди.

Утром везиры выбрали первому юноше из табунов шаха хорошего скакуна, к нему сбрую да ещё сто золотых монет, второму отдали в жёны дочь шаха Аббаса, а третьему ничего не дали, даже не накормили: пусть, мол, счастье ему даст.

И отправились юноши разными дорогами. Но вскоре в один день, к вечеру, все трое оказались в одном лесу, где им и предстояло устраиваться на ночлег. Старший из юношей в этот день, как, впрочем, и всегда, был сильно пьян. По пути он, куда бы ни заезжал, везде пил араги – ведь на то он и был люти.

Средний тоже был пьян, только не от вина или водки. Нет, его пьянила молодая и красивая невеста, которую он вёл к себе домой. Стать мужем дочери шаха – это что-нибудь да значит!

А что касается младшего юноши, то, хотя он был голоден и утомлён, он верил в своё счастье, которое должно было выручить его.

Не успели трое юношей и дочь шаха Аббаса расположиться на ночлег, как поднялась сильная вьюга, такая сильная, что нельзя было понять: небо ли её послало на землю, или земля на небо. Старший юноша снял с себя верхнюю одежду и накрыл скакуна. Средний укрыл бараньей шубой свою невесту, а младший залез на дерево и спрятался в дупле. Здесь ему было тепло, и он уснул.

Утром проснулся и не увидел ни скакуна, ни его хозяина, ни девушки, ни её жениха. Стал он разгребать снег и нашёл замерзшую девушку. Юноша разжёл костёр и отогрел её. Затем он откопал скакуна, криками поднял его на ноги и стал гонять вокруг дерева. Конь разогрелся и

опять стал резвым. Вскоре на небе появилось солнце, растопило снег, и юноша увидел своих товарищей. Оба были мертвы. Юноша похоронил их, погоревал немного, а затем и говорит дочери шаха Аббаса:

– Садись-ка на отцовского коня и скачи домой.

Но дочь шаха Аббаса ответила:

– О нет, добрый юноша, нога моя больше не ступит на отцовский порог. Без моего согласия отец выдал меня за нелюбимого и даже свадьбы не сыграл.

Потом девушка заплакала и говорит:

– О, добрый юноша, не оставляй меня одну, возьми меня в жены!

– Нет, ты должна вернуться домой. Я не женюсь до тех пор, пока счастье моё не придёт ко мне.

Долго и слёзно упрашивала юношу дочь шаха Аббаса.

– Это я – твоё счастье, – говорила она. – Если тебе вздумается убить меня – убей, хочешь – сделай меня женой, хочешь – рабыней, только к отцу моему не отсылай!

Юноше стало её жалко. Вытер он слезы дочери шаха и сказал:

– Ладно, давай жить вместе, но только как брат и сестра.

– Женись на мне, добрый юноша, – то и дело упрашивала его дочь шаха Аббаса.

– Нет, я дождусь своего счастья, дождусь того дня, когда отец девушки придёт ко мне, увидит, как я живу, и, если ему понравится, сам отдаст мне свою дочь в жёны. А с тобой мы будем жить как брат с сестрой.

Девушка согласилась, и они отправились в путь. Вскоре добрались они до какого-то города и устроились на ночлег в караван-сараях. Утром юноша отправился наниматься на работу. Пришёл он на фахлебазар и видит: ищущих работы много, а нанимателей нет.

«Как же дальше жить? Как же расплачиваться с хозяином караван-сарая?» – думает бедный юноша. И тут он заметил, что к базару подходит какой-то купец. А те бедняки, которые искали работу, закричали:

– Смотрите, смотрите!.. Опять этот живодёр идёт!

И сразу все начали расходиться. Юноша стал спрашивать:

– Почему вы все уходите?

– Потому что этот купец – сущий живодёр, – отвечают ему.

А юноша воскликнул:

– Ничего не поделаешь, доля наша такова! Я наймусь, а там будь что будет!

Другие бедняки переглянулись и говорят:

– Ты глупец! У всех, кого он нанимает, с утра до вечера жилы вытягивает.

Тем временем купец подошёл и видит: на всём фахлебазаре только один человек готов работать.

– Эй, ты, пойдёшь ко мне работать? – спрашивает купец.

– Пойду, – отвечает юноша.

Купец говорит:

– А сколько тебе платить?

– Смотря какая работа.

– Ну ладно, дам я тебе ишака, топор и верёвку, поедешь в лес и привезёшь хворосту. За каждую вязанку – один золотой. Согласен?

И юноша согласился. Взял он ишака, взял топор и верёвку и отправился в лес. Лес был густым, непролазным, и лишь одна тропинка вела в чащу. Юноша стал собирать на опушке сухой хворост, а когда собрал целую вязанку, взвалил ее на ишака и вернулся к хозяину. Увидел купец, что работник вернулся живым и невредимым, и подумал: «Как же так? Ведь до сих пор все, кто ходил в лес, погибали, а ишак один возвращался с хворостом».

И купец дал юноше вместо одного – два золотых. Довольный, возвратился юноша в караван-сарай, где ждала его названная сестра-дочь шаха Аббаса.

– Дорогая сестра, дела наши хорошие! – воскликнул юноша и рассказал, как он заработал два золотых.

На следующее утро юноша снова пошёл к тому самому купцу, опять взял ишака, топор, верёвку и отправился в лес за хворостом. На краю леса юноша набрал сухого хвороста, взвалил на ишака и отвёз хозяину. Тот обрадовался, что работник опять вернулся живым и невредимым, и дал ему целых четыре золотых.

На следующий день хозяин заплатил юноше восемь золотых. И так с каждым днем увеличивал плату вдвое.

Наконец, в один из дней юноша решил привезти хвороста потолще и погнал ишака в глубь леса.

Там юноша нарубил сучьев, погрузил на ишака, и только было со-

брался возвращаться, как кто-то крепко схватил его за руку. Юноша обернулся и увидел незнакомого человека. А тот закричал:

– Эй, разбойник, кто тебе разрешил ходить в мой лес и воровать хворост? С того дня, как мать родила меня, я сторожу этот лес и убил немало людей. А теперь я убью тебя!

Юноша упал на колени и взмолился:

– Не убивай,пусти меня, добрый человек! Разреши мне вернуть ишака хозяину, иначе он не заплатит заработанные мною деньги.

Хозяин леса говорит:

– Вернуть хозяину ишака ты успеешь, а сейчас пойдём со мной. Знай же, что в тот день, когда ты родился, в этом лесу появился подземный клад. Всю жизнь я сторожил его и многих людей убил. Я ждал твоего прихода и глаз не спускал с тропинки. Теперь я тебя не отпущу.

Хозяин леса взял юношу за руку, повёл за собой и привёл к подземной сокровищнице с чугунными дверями, на которых висел большой замок. Хозяин леса протянул юноше огромный ключ из чинары и говорит:

– Вот тебе ключ от этого замка.

Сказав это, он исчез.

Открыл юноша чугунные двери, вошёл в подземный зал и увидел, что там хранятся все сокровища мира.

– О Худо! – воскликнул юноша. – Наконец-то я нашёл своё счастье!

Взял он две горсти драгоценных камней и насыпал в карманы. Потом он вышел из сокровищницы, запер двери, спрятал ключ и погнал ишака из лесу, к дому купца. Получив заработанные деньги, юноша говорит своему хозяину:

– Почему ты платишь мне так много за легкую работу?

Купец отвечает:

– Потому что никто другой не мог привезти мне хвороста из этого леса. Все пропадали. Ведь недаром лес называется «Туда пойдёшь – назад не придёшь». Только ты возвращался, и потому я плачу так много за твой труд.

Выслушал его юноша и обратился к нему со словами:

– Дорогой хозяин, купи для меня этот лес. А я до конца твоих дней буду возить тебе хворост.

Купец удивился и говорил:

– Для чего тебе этот лес? Люди считают его проклятым. Если хочешь – бери лес, никто тебе слова не скажет.

Но юноша говорит:

– У каждого есть что-то свое собственное, даже у птицы и зверя есть логово или гнездо. И я хочу купить этот лес по всем правилам. Плачу я, а ты договаривайся с падишахом. Сделаешь – до конца твоих дней буду возить тебе из этого леса дрова.

Пошел купец к падишаху и говорит:

– Я хочу купить проклятый лес.

Падишах рассмеялся и отвечает:

– Дорогой купец, думал я, что у тебя важное дело, а тебе проклятый лес понадобился.

Купец говорит:

– Нет, падишах. Я хочу купить лес не для себя, а для одного человека, моего работника. Он каждый день возит мне дрова из этого леса.

Падишах опять засмеялся и говорит:

– Да возьми его даром!

А купец в ответ:

– Нет, моему работнику захотелось по всем правилам, за деньги купить этот лес, даром он не хочет, просит завершить покупку твоей печатью.

Тогда падишах распорядился обставить продажу проклятого леса по всем правилам. Составили договор, а падишах и юноша подписали его и завершили печатью.

Потом юноша нанял людей и стал вырубать лес, а искусные мастера построили ему на перекрёстке четырёх дорог высокий каменный дом с расписными воротами, не дом – дворец. На воротах юноша велел сделать надпись: «Проходящий мимо! Если ты не зашёл ко мне в дом и не отведал моего чурека, значит, ты мой враг!»

Через некоторое время на месте проклятого леса возник целый магал, и юноша стал его старшиной. К себе в помощники он пригласил тех бедняков, которые когда-то на базаре искали работы у богачей. Свою названую сестру, дочь шаха Аббаса, юноша одел в красивые наряды и стал жить да поживать.

С того дня, когда трое юношей были у шаха Аббаса, прошло семь лет. И вот однажды, шах Аббас собрался объехать своих подданных и

собрать у них семилетний долг. Доезжает он до леса, который назывался «Туда пойдёшь – назад не придёшь», и видит, вместо густого леса новый магал. Подъехал шах к дому старшины и прочёл надпись на воротах его дома. Решил шах Аббас зайти в гости, а заодно и отдохнуть немного. Постучался в ворота и попросил сообщить хозяину, что к нему шах пожаловал.

Юноша велел впустить путников, а названую сестру спрятал в одной из комнат, чтобы чужой глаз её не видел. Предложили гостям богатое угощение – еду на золотых тарелках, вина в золотых рогах.

Все стали есть, пить, рассказывать всякие небылицы, лишь один шах Аббас был скучным и не прикасался к угощению. Ему очень хотелось узнать, кто этот хозяин и откуда у него такие богатства.

Хозяин дома увидел, что один из путников сидит, закутав лицо, и ничего не ест, говорит ему:

– О, мой почтенный гость, почему ты не ешь? Или ты чем-нибудь недоволен?

Шах Аббас отвечает:

– Дорогой и гостеприимный хозяин, я не смогу есть до тех пор, пока не расскажешь, кто ты и откуда у тебя всё это богатство.

В ответ хозяин воскликнул:

– Может быть, ты завидуешь? А ты сам кто такой, чтобы я тебе всё рассказывал? Не нравится тебе моё угощение – можешь встать и уйти!

Но шах Аббас отвечает:

– Нет, если я не отведаю твоего чурека, то буду твоим врагом. Ну расскажи мне о себе, как написано на твоих воротах.

Рассердился юноша и закричал:

– Кто ты такой, чтобы я тебе рассказывал? Почему ты прячешь своё лицо?

Тогда шах Аббас открыл лицо, и юноша сразу же узнал его. Поклонившись шаху, он сказал:

– Дорогой шах Аббас, прости меня за дерзость! Если ты просишь меня рассказать, я расскажу, но с одним условием: ты пообещаешь говорить мне тоже правду.

Шах Аббас пообещал, и юноша спросил его:

– Дорогой шах Аббас! Кто приходил к тебе в такой-то день, в такой-то год?

Шах Аббас раскрыл свою книгу записей, посмотрел и говорит:

– В такой-то день, в такой-то год ко мне приходили трое юношей. Одному я дал коня из своего табуна, дал сбрую и денег, другому отдал в жёны свою дочь, а третий ничего у меня не попросил. Он сказал: «Если мне суждено чего-то достичь, то это даст мне моё счастье, а в том, что ты дашь, проку нет».

– Вот этим, третьим юношей был я, – сказал хозяин дома и поведал шаху всё, что с ним было.

Шах Аббас воскликнул:

– А где моя дочь?

Юноша зашёл в комнату девушки, переодел её в старые наряды, которые были на ней, когда она покинула родной дом, и вывел к отцу.

Шах Аббас на радостях даже прослезился. А хозяин дома вывел из конюшни того скакуна, которого семь лет назад шах Аббас подарил одному из юношей, и сказал:

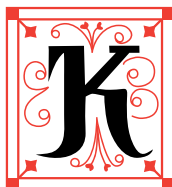
– Можешь забрать и своего скакуна, и свою дочь. Семь лет я жил с ней, как брат с сестрой.

Растрогался шах Аббас тем, что слышал и видел, и воскликнул:

– Нет, не нужен мне другой зять! Ты будешь моим зятем!

Говорят, семь дней и семь ночей справляли свадьбу, и съехались на нее гости из семи падишахств. Много было радости, дай Бог, чтобы и у вас в доме такая радость была!

Шах Аббас и пахарь

Жак-то раз шах Аббас, переодевшись надзирателем, вышел на прогулку в город в сопровождении своего везира. Разговаривая между собой о государственных делах, они очутились на окраине города и увидели: на небольшом поле пахарь погоняет двух буйволов и пашет каменистую землю. Но перед тем как провести борозду, он громко хлопает в ладоши и начинает плясать. То же самое бедный пахарь делает, когда доходит до конца поля.

Шах Аббас долго и с любопытством следил за проделками пахаря и удивлялся до глубины души.

– Что это за спектакль? – спросил он везира, показывая рукой в сторону пахаря. – Ты что-нибудь понимаешь, дорогой везир?

Призадумался везир над вопросом повелителя и ответил:

– Почтеннейший шах Аббас, видимо, у этого пахаря нет домашних забот. Глядя на его работу и пляску, могу сделать вывод, что пахарь доволен женой.

– Надо это как-то выяснить, – сказал шах Аббас. – Иди и сообщи ему, что я приглашаю его в гости вместе с женой.

– Слушаю и повинуюсь! – сказал везир, подошёл к пахарю и передал ему повеление шаха Аббаса.

Когда повелитель и везир ушли в сторону города, пахарь подумал: «Я бедный пахарь. С утра до ночи волочусь за грязным плугом и знаюсь только с землёй да с такими же бедняками, как сам. И какое родство может быть между мной и шахом Аббасом, чтобы он приглашал к себе в гости такого голодранца, как я? О Всевышний, ну и времена настали!»

– Если зовёт, надо идти, – решил он и крепче схватился за плуг.

Вечером, когда пахарь вошёл во двор, жена выбежала ему навстречу, взяла из рук его хурджун, прижалась к нему и пошла рядом до самого дома. В комнате она сняла с него грязные чарыки, помыла ему ноги и ласково пригласила за стол, где уже лежало готовое угощение. Поужинав, пахарь поцеловал жену и сказал:

– Душа моя, наш повелитель, великий шах Аббас, пригласил нас к себе в гости. Иди одевайся.

– Хорошо, милый, – сказала жена и сразу же начала наряжаться.

И вот бедный пахарь и его красавица-жена уже шагают по улицам большого города. У самого дворца путь им преградила река. Пахарь поднял жену на руки и с большой осторожностью перенёс на другой берег.

У широких дворцовых ворот их встретили стражники. Они приветствовали пахаря с женой и повели в покои шаха, где повелитель находился в окружении своих трёх жён.

Увидев гостей, шах Аббас встретил их с доброй улыбкой, подозвал к себе и усадил рядом на мягкие подушки. Когда пахарь и его жена уселись, он спросил:

– Дорогой пахарь, скажи мне, почему ты во время работы на своём поле весело и громко бьёшь в ладоши и танцуешь?

– О, почтенный шах Аббас, – ответил пахарь, – дело в том, что я спокоен душой за мою красавицу-жену и порядок в доме. Когда я нахожусь в поле, то твердо знаю, что моя жена всегда занята делом: штопает одежду, стирает бельё, готовит обед, а по вечерам сидит дома и терпеливо ждёт моего возвращения с работы. Так почему же мне не бить весело в ладоши и не танцевать, имея такую умную и трудолюбивую жену?

– Очень хорошо, дорогой пахарь, – сказал шах Аббас. – В таком случае оставь во дворце свою жену, а взамен заведи с собой трёх моих нерадивых жён. С ними тебе, милый пахарь, некогда будет бить весело в ладоши и танцевать в начале и в конце борозды.

Пригорюнился бедный пахарь и подумал: «Зачем мне сразу три жены? Как же я один прокормлю этих женщин? Для чего великий шах разлучает меня с моей доброй и трудолюбивой женой?» Но как бы ни горевал бедный пахарь, он не посмел высказать повелителю свои противоречивые мысли. И вот пахарь взял с собой трёх шахских жён и отправился домой. У самой реки он взвалил на плечи первую жену шаха Аббаса и вошёл в воду. Когда он дошёл с тяжёлой ношей до середины реки, то резко остановился и строго спросил женщину:

– О, первая жена шаха Аббаса, почему повелитель так легко расстался с тобой? Скажешь правду – будешь жить, соврёшь – отправишься на дно!

Испугалась первая жена шаха Аббаса и ответила:

– Вся беда из-за моего языка. С ним я никак не могу справиться. Целый день я хожу по дворцу и никому не даю вымолвить даже одного словечка, а сама тараторю без отдыха. В такое время из моего рта вылетает больше злых слов, чем добрых.

– О, злодейка! – воскликнул пахарь. – С таким языком, как у тебя, трудно ужиться. Иди-ка, несчастная, на дно речное! Пусть тебя рыбы воспитывают!

И не успела первая жена шаха Аббаса ахнуть, как очутилась в бурном речном водовороте. А сильное течение подхватило её и унесло неведомо куда.

Увидели такую картину другие жёны шаха Аббаса и от страха прижались друг к другу.

А пахарь выбрался на берег, взвалил на свои плечи вторую жену шаха Аббаса и понёс к реке. Достигнув середины реки, он остановился и строго спросил женщину:

– О, вторая жена шаха Аббаса, почему повелитель так легко расстался с тобой? Скажешь правду – будешь жить, соврёшь – отправишься к речным рыбам!

Испугалась вторая жена шаха Аббаса и ответила:

– Вся беда в том, что я тайно от повелителя жила с любовником.

– О, злодейка! – воскликнул пахарь. – Ты поступила подло, но твой поступок можно исправить. Живи и здравствуй!

Выбрался он с женщиной на противоположный берег, опустил её на песок и пошел за третьей женой шаха Аббаса. А та стояла на солнце-пёке и дрожала всем телом. Пахарь подошёл к ней, взвалил её на свои плечи и вошёл в воду. Достигнув середины реки, он остановился и строго спросил женщину:

– О, третья жена шаха Аббаса, почему повелитель так легко расстался с тобой? Скажешь правду – будешь жить, соврёшь – отправишься в речное царство!

Испугалась третья жена шаха Аббаса и ответила:

– Вся беда в том, что я нечиста на руку: частенько воровала деньги у повелителя и прятала на чёрный день.

– О, злодейка! – воскликнул пахарь. – Ты поступила подло, но твой поступок нетрудно исправить. Живи и здравствуй!

Наконец привел пахарь двух женщин домой и сказал:

– По воле Всевышнего и самого шаха Аббаса я ваш законный муж. Этот дом и всё, что в нём находится, принадлежит и мне, и вам. Если ты, вторая жена шаха Аббаса, будешь впредь иметь любовника, жди смерти от моей руки! А ты, третья жена шаха Аббаса, если не сможешь жить без воровства, пеняй на себя. Деньги лежат в этой железной коробке, что стоит в шкафу, и в будущем они будут всегда лежать там. Можешь ими пользоваться, как тебе хочется, но учти: отныне все расходы будут лежать на твоих плечах. Понятно вам, мои милые жёнушки?

Бывшие жёны шаха Аббаса ответили вместе:

– Понятно, дорогой пахарь! Мы сделаем так, как ты велишь нам.

Наутро пахарь встал, позавтракал и отправился на работу. А вечером, когда он вернулся домой, женщины поочередно помыли ему ноги, вытерли их чистым полотенцем и усадили за стол, на котором лежало горячее вкусное угощение.

Так проходили дни за днями, недели за неделями. Третья жена шаха Аббаса, что раньше воровала деньги у своего повелителя, как-то подумала: «Если бедный пахарь полностью доверил мне все расходы по дому, зачем же я должна воровать?» А вторая жена шаха Аббаса, что тайно жила с любовником, тоже подумала: «Зачем же мне иметь любовника, если мой пахарь – настоящий мужчина?»

Обе женщины, не сговариваясь меж собой, крепко полюбили пахаря, и он стал им мужем, посланным самим Всевышним.

...Оставим на время пахаря и этих женщин в покое, потому что я хочу рассказать вам о шахе Аббасе.

В тот же час, когда бедный пахарь покинул дворец и увёл с собой его трёх жён, шах Аббас вызвал в тронный зал везира и сказал:

– Подбери для жены пахаря пожилую женщину-служанку, и пусть она неотлучно живёт в одной комнате с женой пахаря. Только не забудь предупредить её, что она ни днём ни ночью не смеет оставлять свою госпожу в одиночестве, даже в том случае, когда жена пахаря ест, пьёт и выходит во двор. Помимо этого служанка обязана сразу же сообщить мне, если кто-нибудь попытается обидеть её госпожу.

Прошли семь месяцев. И как-то шах Аббас сказал везиру:

– Идем на окраину города и проведем пахаря.

– Слушаюсь и повинуюсь, – сказал везир и последовал за повелителем.

Вскоре они миновали окраину города, подошли к тому самому полю и видят: пахарь уже бьёт в ладоши и танцует в трёх местах – в начале, середине и в конце борозды.

Шах Аббас удивился пуще прежнего и спросил везира:

Отчего теперь пахарь танцует и хлопает в ладоши в начале, середине и конце борозды?

– Почтенный шах, видать, что жизнь пахаря во много раз улучшилась по сравнению с тем днём, когда ты оставил во дворце его красавицу жену и взамен отдал ему своих трёх нерадивых жён.

– Если так, дорогой везир, – сказал шах Аббас, – тогда сходи к пахарю и пригласи его с тремя жёнами ко мне в гости.

Подошёл везир к бедному пахарю и передал ему приглашение повелителя. На этот раз пахарь не стал дожидаться вечера и тут же отправился к себе домой. Еще на пороге он сказал женщинам:

– А ну-ка, милые мои, скорее переодевайтесь во всё праздничное. Мы приглашены в гости к шаху Аббасу.

Принарядились все трое в новую праздничную одежду и направились к шахскому дворцу. И как только они прибыли, шах Аббас пригласил их в тронный зал, где уже находился везир и прежняя жена пахаря со служанкой. Шах Аббас, увидев, что с пахарем пришли только две жены, спросил его вежливо:

– Дорогой пахарь, с тобой я вижу двух моих бывших жён. А где же третья жена?

Рассказал пахарь повелителю обо всём, что приключилось с ним у реки, и добавил:

– Первую твою жену, о почтеннейший шах Аббас, я сразу же утопил в реке, узнав, что у неё ядовитый язык. Такую женщину даже Господь не исправит, потому что злые слова, выпущенные изо рта, страшнее пули и кинжала.

Призадумался тогда шах Аббас и спросил:

– Почему ты теперь весело бьешь в ладоши и танцуешь в трёх местах: в начале, середине и конце борозды? Ведь раньше ты веселился и танцевал лишь в двух местах: в начале и в конце борозды.

– Почему же мне не веселиться и не танцевать трижды на одной борозде, если я счастлив? – удивился пахарь. – Когда я возвращаюсь с поля усталым после пахоты, твои бывшие жёны ухаживают за мной, как за малым дитём: моют мои ноги, стирают белье, готовят вкусную еду... Теперь моя жизнь стала гораздо лучше, чем была прежде...

– Как же так? – пожал плечами шах Аббас. – Ведь одна из них – воровка, а другая – развратница! Разве они понимают суть жизни?

Помолчав, пахарь ответил:

– Ты об этом спроси своих жён, почтеннейший шах. Они сами тебе скажут – понимают суть жизни или нет.

Повернулся шах Аббас к той жене, которая тайком воровала деньги, и спросил:

– Занимаешься ли ты сейчас воровством?

– Нет, дорогой шах Аббас, – сказала женщина. – Мне стыдно даже вспомнить об этом. Ворует тот, от кого прячут деньги. А бедный пахарь их полностью доверил мне. Не буду же я воровать у самой себя!

Тогда шах Аббас обратился к той жене, которая имела любовника:

– Имеешь ли ты сейчас любовника, женщина?

– Зачем же мне любовник, дорогой шах Аббас, – ответила та, – если муж всегда находится рядом со мной? Он не оставляет меня одну, как это делал ты, повелитель!..

Понравился шаху Аббасу поучительный урок пахаря и ответы его бывших жён. Он сошёл со своего трона, обнял пахаря и сказал:

– Милый пахарь, спасибо тебе за добрый пример. Отныне я возвращаю назад твою законную жену. В моём дворце никто её не обижал. Она чиста и прекрасна, как и раньше, когда ты привёл её ко мне в гости. Береги свою жену и отправляйся домой.

А моих исправившихся жён оставь при мне. Я буду к ним относиться так же, как относился ты. Твой поучительный урок с моими жёнами станет для меня хорошим примером на всю жизнь.

Вот так простой пахарь на личном примере показал мудрость и суть жизни самому шаху Аббасу.

Необыкновенные приключения юноши по имени Аслан

О ком рассказать вам, о чём поведать? Расскажу-ка я вам об одной женщине. Муж у неё давно умер, и она еле-еле сводила концы с концами. По утрам бедняжка приходила на базар, покупала на мелочь шерстяные нитки и целыми ночами вязала красивые разноцветные журабы. Продав их соседям, она покупала в лавке что-нибудь съестное и кормила своего восемнадцатилетнего сына. Так изо дня в день проходила её жизнь в труде и печали.

Но вот однажды женщина заболела и не могла встать на ноги. Подозвала она тогда своего сына, по имени Аслан, и сказала:

– Сынок, как видишь, я уже стара и слаба. До сих пор я доставала для тебя еду и одежду, а с этой минуты уже не в силах чем-либо тебе помочь. Поэтому ты должен преодолеть свою лень и наняться на работу.

Юноша согласился с матерью и молча покинул дом. Но сколько бы он ни бродил по улицам и базарам города, всё же не смог найти себе работу. Имущие горожане хоть порой и любовались его богатырской фигурой, но ни при каких условиях не хотели иметь с ним дело, потому что знали о его неисправимой лени. Аслан пожимал плечами и не обижался на них. А когда к вечеру он оказался на окраине города, твёрдо сказал самому себе:

– Пока не наймусь на работу к какому-нибудь богачу, домой не вернусь! Сказано – сделано. Повернулся Аслан спиной к городу и направился в сторону леса. Достиг он его, когда сгустились сумерки. Но юноша не остановился и смело вошёл в чащобу. Через некоторое время он очутился в дремучих дебрях, осмотрелся вокруг и видит: из-за стволов деревьев пробивается тонкая полоса света. Аслан почесал за ухом и быстрее зашагал к манящей полоске.

Шёл он, шёл и наконец дошёл до огромного шалаша. Задержался юноша немного у входа и подумал: «Беда не приходит одна. Войду-ка я в шалаш и посмотрю, что же там происходит».

Приоткрыл он тихо дверь, вошёл внутрь освещённого шалаша и видит: сидят на полу сорок разбойников и делят между собой золотые изделия и монеты.

Разбойники тоже заметили Аслана, схватились за кинжалы и бросились к нему. Но атаман громким криком остановил их, подозвал к себе юношу и мирным голосом спросил:

– О, Аслан, какая беда тебя привела в наш шалаш?

Рассказал юноша разбойникам о своём житье-бытье и почему в такую пору оказался в диком лесу.

Выслушал его атаман и сказал:

– Без работы ты не останешься, если исполнишь одну небольшую услугу.

– В чём она заключается? – поинтересовался Аслан.

Атаман вытащил из коробки молоток и гвоздь, протянул их юноше и сказал:

– На другом конце леса находится старая, полуразрушенная баня. До утра ты должен добраться до неё и вбить в стену этот гвоздь.

– Ха! – удивился Аслан и воскликнул: – Разве это работа? Стоит ли ради такой услуги пачкать руки?

Разбойники рассмеялись, а атаман шутливо сказал:

– Ты её выполни сначала, а потом задавай вопросы.

Аслан нехотя пожал плечами, положил в карман молоток и гвоздь, вышел из шалаша и отправился на другой конец леса.

Всю дорогу он шагал по тропке и насвистывал весёлые мелодии. Через час-два лес остался позади. И вскоре он оказался возле старой

бани. Приложив гвоздь к стене, Аслан вытащил из кармана молоток и только размахнулся им, как стена заговорила человеческим голосом:

– Эй, Аслан, пока твоя голова цела, уходи прочь!

Вначале юноша оглянулся по сторонам и, не заметив никого, снова принялся за дело. Но не успел он взмахнуть молотком, как стена снова заговорила:

– Аслан, разве ты меня не слышишь? Пока твоя голова держится ещё на плечах, лучше убирайся вон!

И на этот раз Аслан посмотрел по сторонам. Кругом ни одной живой души. Рассердился он и крикнул:

– Сам убирайся вон, негодник! Если ты такой герой, то зачем же спрятался в стене? Выходи сюда и давай поговорим, как настоящие мужчины! Что, силёнок не хватает или боишься меня?

Не успел он выразить в словах всю свою ненависть, перед ним появился прекрасный юноша с очень тонким миловидным лицом. Он хмуро взглянул на Аслана, вырвал из ножен остроконечную саблю и сделал несколько шагов вперед.

Кроме молотка с гвоздём, в руках у Аслана ничего не было. Он испуганно посмотрел на грозного соперника и понял, что наступил его смертный час. Отложив в сторону молоток с гвоздём, он отступил назад и с усмешкой сказал юноше:

– С таким оружием, как у тебя, любой одержит верх в неравном бою. Если ты честный воин, вложи свою саблю в ножны и давай тягаться в единоборстве!

– Хорошо, – сказал юноша, воткнул саблю в мягкую землю, засучил рукава бешмета и подготовился к броску.

И у стены старой бани завязалась борьба. Она была долгой и изнурительной, потому что ни один противник не мог перебороть другого и одержать победу. Они то расходились в разные стороны, то сходились в клубок, но результат оказывался прежним.

И вот юноша решил схитрить и резким рывком бросился на Аслана. В это мгновение с его головы сорвалась папаха и обнажила сорок золотых кос. Аслан, увидев их, обомлел от удивления. Теперь он понял, что борется не с каким-нибудь воином, а с милой и красивой девушкой. От этого у него на минуту руки расслабились и потеряли прежнюю силу.

А красавица воспользовалась моментом и, оттолкнув его от себя по-дальше, побежала куда глаза глядят. Аслан опомнился и побежал за ней следом. Догнав девушку, он схватил её за ногу и потянул в свою сторону, но красавица ударила его по щеке и, вырвавшись, побежала ещё быстрее. Аслан усмехнулся и перестал её преследовать, потому что у него в руке очутился жураб девушки, вязанный золотыми и серебряными нитями. Он обрадовался удачному приобретению, быстро подскочил к стене, забил в неё гвоздь и сказал вслух:

– Отнесу-ка я эту драгоценную вещь в лавку купца, продам её за приличную цену, куплю больной матери всякие овощи и фрукты, и только после этого возвращусь к разбойникам.

Сказано – сделано. Пришёл Аслан в лавку купца и говорит ему:

– Дорогой купец, оцени, пожалуйста, мой жураб и дай за него несколько монет.

Осмотрел хитрый купец предложенную вещь со всех сторон и, поняв, что она бесценна, подумал: «Чтобы обмануть Аслана и не дать ему за жураб даже копейку, надо что-то придумать». И не успел Аслан выхватить свой жураб из его рук, как купец выбежал из лавки и закричал на всю улицу:

– Эй, добрые люди! Сегодня ночью этот воришка незаметно пробрался в мой дом и выкрал драгоценный жураб дочери, а теперь, не боясь Бога, принёс его в мою лавку и начал торговаться.

Прохожие слышали крик купца и окружили лавку. Купец подбодрился от этого и закричал ещё громче:

– О, добрые люди, ловите скорее жулика и ведите к падишаху!

Выкрутили прохожие руки Аслану и стали его избивать. Тот стонал от боли и старался доказать, что этот единственный жураб он сорвал с ноги девушки-воина, когда под утро забивал гвоздь в стену старой, полуразвалившейся бани. Но люди не верили ни одному его слову, потому что знали, что за многие годы никто не смог забить гвоздь в заколдованную стену. Поэтому и посчитали Аслана обманщиком и начали избивать его ещё усерднее. Вскоре прохожие прекратили избиение и повели Аслана во дворец. А когда они вошли в тронный зал, купец вырвался вперёд и сказал падишаху:

– О, повелитель, жить тебе и здравствовать! Этот паршивый Аслан

сегодня ночью пробрался в мой дом и выкрал сорок пар драгоценных журабов, которые были связаны из золотых и серебряных нитей. Мы схватили его и привели на твой суд.

Падишах сурово посмотрел на виновника и спросил:

– Так ли было дело?

Аслан начал рассказывать ему как можно подробнее, но падишах прервал его и сказал:

– Если твоя мать не вернёт к завтрашнему утру сорок пар драгоценных журабов моему верному купцу, не миновать тебе смерти. Стража, ведите вора в тюрьму!

Схватили стражники бедного Аслана, заковали в кандалы и бросили в тёмное подземелье...

О ком рассказать вам, о чём поведать?

Расскажу-ка я вам о разбойниках и их атамане. После ночного веселья они спали в шалаше, как убитые. Первым проснулся атаман и разбудил товарищей. Когда те привели себя в порядок, атаман почесал свой затылок и сказал им:

– Друзья, почти двое суток мы спали беспробудно. Настало второе утро, а нашего Аслана до сих пор что-то не видать. Не лучше ли ради потехи пойти нам всем к старой, полуразвалившейся бане и посмотреть, что случилось с ним?

Разбойники согласились. Вышли они вместе с атаманом из душного шалаша, прошлись по тенистому лесу, подошли к старой, полуразвалившейся бани и видят: в расколотой стене торчит вбитый Асланом гвоздь, а самого его нигде нет.

Удивился атаман такому чуду и сказал товарищам:

Клянусь Всевышним, наш Аслан – смелый человек! Если мы найдём его, я сделаю ему хороший подарок. Идёмте в город. Он, видимо, торчит у какой-нибудь лавки и пьёт вино.

Сказано – сделано. Пришли разбойники в город и видят: горожане собрались на площади и терпеливо ждут чьей-то казни. Посмотрели они в сторону виселицы и поняли, что вот-вот казнят бедного Аслана. Подбежал тогда атаман к падишахскому трону и спросил:

– О, почтеннейший повелитель, в чём вина этого человека?

Падишах ответил:

– Он виноват в том, что пробрался в дом известного купца и выкрал оттуда сорок пар драгоценных журабов, которые были связаны золотыми и серебряными нитями. За такой поступок Аслан должен быть вздёрнут на виселице!

Разбойники переглянулись.

Аслан тем временем, услышав их разговор, попросил падишаха повременить с казнью, а затем коротко рассказал атаману, что случилось с ним у стены старой, полуразвалившейся бани и как жадный купец овладел его журабом и наговорил падишаху о нём всякой всячины.

Понял атаман, что Аслан безвиновен, и тогда сказал падишаху:

– О, повелитель, надо проверить честность Аслана. Пусть твои слуги сейчас же отправятся к старой, полуразрушенной бане и сами увидят, вбит ли гвоздь в расколотой стене или нет.

Падишах согласился и отправил своих слуг в указанное место.

Пришли слуги к старой, полуразрушенной бане, увидели в расколотой стене вбитый гвоздь, вернулись к падишаху и сказали ему:

– Так и есть, о повелитель! Гвоздь действительно вбит в стену.

Тогда падишах решил спор таким образом:

– Для доказательства правоты даю Аслану и купцу ровно сорок дней. Кто из них к этому сроку принесёт сорок пар журабов из драгоценных нитей, тот окажется честным человеком. Но прежде чем отпустить Аслана из-под стражи, его должны заменить сорок заложников. Если он не вернётся назад, они будут казнены вместо него.

Тогда разбойники сказали:

– Хорошо, мы готовы стать заложниками до возвращения Аслана!

Падишах тут же отправил разбойников в глубокий зиндан, а Аслана отпустил на волю.

Вернулся Аслан домой, рассказал матери о своих мытарствах, попрощался с нею и в тот же вечер двинулся в путь на поиски драгоценных журабов.

Прошёл день, затем второй, а на третий день Аслан остановился у развилки четырех дорог. Здесь он встретил с большой караван верблюдов и сказал его хозяину:

– Дорогой купец, позволь мне идти с твоим караваном. За это я готов выполнить любое твоё приказание.

Купец согласился:

– Присоединяйся к нам. За услугу будешь получать бесплатную еду. Поблагодарил Аслан купца и отправился с его караваном в дальнюю дорогу.

Через несколько дней караван подошёл к берегу огромного моря и остановился у пристани. Купец, не теряя времени, нанял большой корабль, набил его трюмы товаром, поднял на палубу своих слуг, и поплыли они все вместе к неизвестным берегам.

Плыли они целую неделю. Как-то утром матросы увидели вблизи корабля рыбу-аждага и доложили об этом капитану. Тот задрожал всем телом, вошёл в каюту купца и сказал:

– Мне хорошо известны повадки этой рыбы-аждага. Она может одним ударом своего хвоста разбить наш корабль на мелкие куски. Если сейчас же не бросишь в море одного из твоих слуг, мы погибнем все!

Призадумался тогда купец, вызвал к себе Аслана и сказал:

– Дорогой Аслан, там, за бортом корабля, беснуется рыба-аждага. Чтобы её успокоить, я должен пожертвовать одним человеком. Выбор пал на тебя. Если ты вступишь в единоборство и окажешься победителем, я награжу тебя золотом. Согласен?

Аслан подумал и ответил:

– Я готов пожертвовать собой, но с одним условием. После моей гибели ты должен вернуться в такое-то падишахство и отдать моей матери обещанное в награду золото.

Купец тут же согласился с ним. Аслан поднялся на борт и бросился в морскую пучину. Увидела его рыба-аждага и подплыла к нему вплотную. Аслан прищурился и заметил, что нос рыбы окольцован золотым кольцом. Юноша не растерялся, схватился обеими руками за кольцо и вырвал его из носа чудовища. От страшной боли рыба-аждага издала громоподобный крик, от которого у Аслана зазвенело в ушах, и разрезав хвостом волну, мгновенно исчезла за горизонтом.

Тем временем Аслан подплыл к борту корабля и попросил матросов поднять его на палубу. Те охотно выполнили его просьбу, подняли на корабль и тут же доложили капитану, что юноша одержал победу над рыбой-аждага. Капитан радостно обнял Аслана и приказал матросам приготовиться к плаванию.

Корабль поднял паруса и, качаясь на волнах, направился прежним курсом. А между тем Аслан высушил мокрую одежду, вошёл в каюту купца и попросил у него своё вознаграждение.

Купец злобно посмотрел на Аслана и грозно сказал:

– Благодарю Господа за то, что рыба-аждага не проглотила тебя, а меня благодарю за то, что кормлю и везу тебя бесплатно!

В ответ Аслан только опустил голову и молча покинул каюту.

А корабль тем временем подошёл к полуразрушенному городу и остановился. Купец вышел из каюты и сказал Аслану:

– Мы должны расстаться с тобой. Сойди немедленно на берег и иди своей дорогой. Я отправляюсь в другую сторону.

Плюнул Аслан себе под ноги и сошёл на безлюдный берег. Корабль поднял снова паруса и поплыл дальше. Аслан с грустью посмотрел ему вслед, подумал немного и направился к городу.

Вскоре он достиг главных городских ворот, прошёлся по улицам и закоулкам и не встретил ни одной живой души. Только всюду валялись груды камней различных размеров. Удивился Аслан их бесчисленному количеству и через полчаса оказался на мейдуне. Там на высоком валуне сидел юноша необыкновенной красоты. Он увидел Аслана и грозно спросил:

– Эй, Аслан, как ты очутился в этом мёртвом городе? Боясь моего гнева, здесь птица не вьёт гнезда, а верблюд не ступает ногой. Пока я не превратил тебя в камень, лучше убирайся вон!

Посмотрел Аслан вокруг себя и понял, что камни, разбросанные повсюду, были некогда живыми людьми. Разгневался он на юношу и закричал:

– Эй, негодник, если ты настоящий мужчина, спустись и попробуй со мной потягаться силой!

Грозно спустился юноша с валуна, подошёл к Аслану и первым начал борьбу. В ходе борьбы Аслан задел плечом грудь противника, и она показалась ему чем-то подозрительной. «Не девушка ли борется со мной? – подумал он. – У него лицо точно такое же, как у той красавицы, которая недавно схватилась со мной у старой, полуразрушенной бани. Надо проверить!»

Сказано – сделано. Схватил он юношу за грудки и сразу же понял,

что он борется с девушкой. Не растерялся Аслан и сжал её ещё сильнее. Девушка вскрикнула, резко оттолкнула его и побежала. Она до того была напугана, что не заметила, как её золотое кольцо соскользнуло с пальца и упало на землю. Аслан быстро поднял его, рассмотрел внимательно и положил в карман.

Прошло несколько минут. За это время Аслан немного отдохнул и отправился дальше. Очутившись на окраине города, он увидел огромный сказочный сад, в середине которого возвышался необыкновенный дворец. Аслан открыл калитку и вошёл во двор. Прошёл он метров десять, присмотрелся и видит: под старым деревом расстелена белая скатерть, а на ней изысканные блюда. Аслан был голоден, но до еды не дотронулся. «Здесь какая-то тайна. Надо подождать немного и разгадать её, а там видно будет, что делать дальше», – подумал он и быстро спрятался в кустах.

В это время из дворца вышли три девушки, сели вокруг скатерти и положили перед собой еду. Аслан выглянул из укрытия и увидел, что девушки – одна красивее другой и, своими прекрасными ликами затмевают и луну и звезды.

Когда они принялись есть, одна из них сказала:

– Милые сёстры, долгое время мы не виделись друг с другом, потому что жили в разных падишахствах. Не лучше ли нам рассказать друг другу о своих приключениях?

– Ты права, – сказала старшая сестра и первой начала свой рассказ: «В некотором падишахстве, на окраине столичного города я спряталась в стене старой, полуразрушенной бани. Здесь мне хотелось встретиться с храбрым юношей и вступить с ним в единоборство. Каждый раз, когда кто-либо из молодых парней норовил забить гвоздь в стену, я тут же выходила, вступала с ним в борьбу и, повалив его на землю, отрубала голову. Так я поступила с дюжиной сильных юношей. Но однажды судьба столкнула меня с одним плешивым. Этот храбрец переборол меня хитростью и сорвал с моей ноги драгоценный жураб, который был вязан золотыми и серебряными нитями. Я тогда успела вырваться из его рук и убежать. Но если бы сейчас этот юноша оказался здесь, я бы с удовольствием вышла за него замуж!..»

Выслушав рассказ, начала рассказывать о своих приключениях и средняя сестра.

– Как-то раз, – сказала она, – я превратилась в рыбу-аждага и стала плавать по морю-океану. За несколько лет я потопила больше десяти кораблей, чтобы найти среди матросов такого смельчака, который мог бы одолеть меня. И вот однажды проходил по этому морю парусный корабль с товарами. Я преградила ему дорогу и стала ждать. Ждать пришлось недолго. Некий Аслан смело бросился с борта в морскую пучину. Я подплыла к нему и хотела проглотить его целиком, но он не растерялся, быстро схватил руками золотое кольцо, что торчало из его носа, и вырвал его. Я испугалась и уплыла от греха подальше. Если бы сейчас этот Аслан оказался здесь, я бы тоже с радостью вышла за него замуж!..

Младшая сестра глубоко вздохнула и коротко сказала:

– Милые сестры, этот плешивый встретился и мне. Во время борьбы он понял, что перед ним девушка. Я не дала ему опомниться, вырвалась и сразу убежала. Но в этот момент с моего пальца соскользнуло кольцо и упало на землю. Он поднял его и положил в карман. Если бы сейчас Аслан оказался здесь, я бы без сожаления вышла за него замуж!..

Выслушал Аслан рассказы трёх сестёр, вышел из-за кустов и сказал:

– Дорогие красавицы, вот и я! Рад, что вы не держите на меня зла.

Увидели девушки храброго юношу, подошли к нему и обняли, затем повели его во дворец, хорошенько искупали в бане, переодели во всё чистое, и когда он отдохнул, стали вместе с ним есть и веселиться.

И вот в самый разгар пиршества Аслан, вспомнил свою больную мать и разбойников, которые остались у падишаха в заложниках, и взгрустнул.

Красавицы заметили, что он опечален, и спросили:

– Дорогой Аслан, что с тобой случилось?

Рассказал им юноша о том, что тяготит его. Те выслушали юношу и сказали:

– Ха! Стоит ли из-за таких пустяков портить себе настроение? Не беспокойся, милый! Мы ради нашей любви к тебе, все твои просьбы выполним за несколько минут.

Сказано – сделано. Принесла младшая сестра таз с водой, прошептала что-то про себя, прошлась по улицам и закоулкам города и

окропила все камни водой, камни ожили, став людьми, продолжили заниматься своими делами, как будто с ними ничего не случилось. Аслан смотрел на всё с радостной улыбкой и удовлетворением.

Теперь дошла очередь до старшей сестры. Она коснулась ладонью плеча Аслана и превратила его в соломинку, а себя и сестер в белых лебедей. Она схватила соломинку и взлетела в небо. За нею взлетели и сестры.

Сколько летели они, никому не известно, но всё же через некоторое время прилетели в падишахство Аслана, приняли человеческий облик и направились в нищенский дом юноши.

Мать Аслана лежала неподвижно в уголке комнаты и с тайной мольбой посматривала на дверь. Неожиданно дверь приоткрылась, и в комнату вошли Аслан и три прекрасные девушки. Юноша подбежал к матери, обнял её и заплакал.

Пожалели девушки Аслана и его умирающую мать, приготовили быстро какое-то снадобье, прошептали над ним и протянули женщине. Та приняла лекарство и почувствовала себя бодрой и здоровой.

Дошла очередь до средней сестры. Она хлопнула в ладоши, и в комнате появились джинны. Девушка подошла к ним и приказала построить за ночь на этом самом месте гранитный дворец.

– Слушаем и повинемся! – сказали джинны и скрылись.

Ранним утром Аслан, его мать и красавицы сидели за столом нового дворца и пили ароматный чай. После этого они подошли к открытому окну и видят: мимо дворца пробегают люди группами и в одиночку, направляясь на центральную городскую площадь. Аслан удивился и спросил их:

– Эй, горожане, что случилось и куда вы так спешите?

Напротив окна остановились двое мужчин и ответили:

– Разве ты не знаешь? Через час на центральной площади должны лишиться жизни разбойников-заложников, которые остались у падишаха вместо Аслана.

Выслушал их юноша, закусил губу от досады и обратился к девушкам:

– Если сейчас же не будут изготовлены сорок пар драгоценных журавов, то погибнут мои верные друзья.

Старшая сестра кивком головы дала понять, что согласна с ним. Вызвала джинна и приказала ему изготовить как можно скорее сорок пар

драгоценных журабов из золотых и серебряных нитей. Тот хлопнул в ладоши, и на столе появились сорок пар журабов.

Завернул Аслан журабы в цветастый сатиновый платок матери и то-ропливо побежал на центральную площадь.

А падишах уже вышел из ворот дворца, в окружении своих высокопоставленных вельмож, поднялся на возвышенное место, сел на золотой трон и, приветливо кивнув толпе, удивлённо обратился к главному везиру:

– Почему нет Аслана?

– Не знаю, повелитель, – ответил везир. – Аслан должен быть здесь с самого утра.

Тогда падишах грозно сказал:

– Если Аслан не явится через десять минут, я тут же вздёрну на виселицу всех разбойников-заложников...

Не успел он высказать свою мысль, как на площади, с разных сторон, появились Аслан и палачи, которые вели разбойников-заложников. Увидев их, Аслан кинулся к трону падишаха, а палачи подвели к виселице разбойников, во главе с атаманом, и стали ждать повеления падишаха.

– О, повелитель, жить тебе и здравствовать! Я принёс сорок пар драгоценных журабов и выполнил твоё приказание. Пусть теперь сделает то же самое купец-обманщик! – сказал Аслан.

В этот момент купец находился среди многочисленной толпы. Он слышал то, что сказал Аслан падишаху, и хотел скрыться, но Аслан кинулся к нему, схватил за шиворот и подвел к трону. Горожане взволновались, и дружно закричали:

– На виселицу лжеца и завистника!

Падишах поднял руку. На площади все замерли и прислушались к голосу падишаха. Тот вызвал палачей и повелел освободить разбойников, а вместо них лишить жизни купца-клеветника. Палачи с готовностью выполнили указание своего повелителя и стали ждать, что будет дальше.

А ждать пришлось недолго. Падишах встал с трона, приблизился к Аслану, крепко обнял его и сказал:

– Твои журабы мне пришлись по душе, и я хотел бы две пары взять себе, если на то есть твоё желание.

Аслан заулыбался и весело сказал:

– О, повелитель, твоя просьба для меня – закон! У тебя сегодня же будет дюжина журабов, но эти сорок пар позволь отдать моим друзьям-разбойникам, которые ради меня готовы были лишиться жизни.

Падишах согласился и вернул ему узелок с драгоценными журабами. Аслан раздал все журабы разбойникам и сказал им:

– Друзья, отныне я готов выполнить вашу любую просьбу, но прошу вас об одном: с этого часа не обижайте бедных людей и по возможности помогайте им.

Разбойники с благодарностью приняли от Аслана подарки и сказали ему в ответ:

– За бедняков больше не беспокойся. Мы постараемся помогать им, как родным братьям!

Вскоре горожане разошлись по своим домам. Разбойники тоже покинули мейдун. Аслан попрощался с падишахом и с лёгкой душой отправился в свой дворец, чтобы рассказать матери и будущим жёнам о справедливом суде падишаха.

Падишах и его бедные сватья

Некогда в одном горном ауле жили старик и старуха. У них была красавица-дочь. Бедно жилось им. Так бедно, что мать будила засветло дочь, брала с собой и уходила в ближайшие поселения попрошайничать. Целыми днями ходили они от одних ворот к другим, от одного порога к другому. А вечером на пути к дому подбирали с земли хворост, чтобы дома разжечь в очаге огонь. Не сидел сложа руки и старый отец. Он за жалкую плату нанимался к богачам выполнять всякую грязную работу.

А когда вся семья собиралась под крышей дряхлой сакли, они стелили на глиняный пол скатерть, выставляли на неё скудную свою еду и съедали всё, что было куплено на заработанные за день деньги.

Так они и жили много лет подряд.

Но в один прекрасный день, нужда привела их к дому, где жил сам падишах. От одних ворот к другим ходили мать и дочь просить милостыню, но к большому каменному падишахскому дворцу подойти не решались.

Но надо же такому случиться: в это самое время сын падишаха вышел на хейвун и увидел старушку и её красавицу-дочь. Посмотрел падишахский сын на красавицу двумя глазами, а тысячью сердец – влюбился. Он видел, как они стучались то в одни ворота, то в другие

и брали милостыню; как они, переходя улицу, подбирали с земли хвост и клали в хурджун... Долго смотрел сын падишаха на дочь нищенки и всё любовался её красотой. А когда нищенка и дочь её исчезли в конце улицы, то сын падишаха понял, что без этой красавицы больше жить не сможет. Бросился он вслед за ними, но их уже нигде не было: они ушли к своей дряхлой сакле.

После этого случая сын падишаха потерял покой, а вскоре заболел и слёг в постель. С каждым днем он всё хуже чувствовал себя, его то бросало в жар, то в холод, то он бредил. Видел всё это падишах и рвал на голове седые волосы, кусал от горя пальцы и губы свои. Каких только знахарей и лекарей не приглашал падишах, какие только деньги им не платил! А они смотрели на худеющего, бледного больного сына падишаха, качали головами и говорили:

– Почтенный падишах, ничем помочь не можем, – и уходили.

А убитый горем падишах и жена его сидели у тахты больного и со слезами на глазах спрашивали:

– Сыночек, что же нам сделать? Как помочь тебе?

А сын бредил и стонал в ответ:

– О, отец, о, мать, никто, никто мне больше не сможет помочь.

И родители плакали пуще прежнего.

Но в один из дней к падишахским воротам подошёл древний старичок и попросился во дворец. Привратники доложили о загадочном старичке-страннике, и падишах велел впустить его. Предстал странник перед падишахом, отбил поклоны и говорит:

– Почтенный падишах, пришёл я, старый и мудрый человек, из далёких мест. Хочу помочь горю твоему, узнать болезнь сына и избавить дом твой от несчастья. Известно мне, что сыну уже восемнадцать лет. А возраст этот очень восприимчив к различным болезням... Но, пользуясь своей жизненной мудростью, попробую избавить от недуга сына твоего. И попросил старичок падишаха, чтобы поселили его на три дня и три ночи в покои больного и никого не впускали к нему. Попросил он ещё принести два хурджуна орехов и высыпать их на пол.

Сказано – сделано. Поселили старичка в покои больного, высыпали на пол два хурджуна орехов и закрыли двери на засов. А старичок положил на пол мягкую подушку, уселся на неё и подобрал под себя ноги. Стал он перебирать чётки да на больного поглядывать. А сын

падишаха ворочается в бреду, места себе не находит, всё стонет и кричит: «Умираю!»

Жалко стало старичку больного юношу, достал он из своего халата флакончик с какой-то жидкостью, открыл его и поднес к носу больно-го. Понюхал падишахский сын флакончик и тут же заснул. А старичок сел на своё место и стал опять перебирать чётки. Сидит, чётками стучит да на спящего юношу поглядывает. До самого вечера перебирал старичок чётки, а больной спал крепким сном. А когда стемнело, стал старичок ворошить на полу орехи. Провел он руками по орехам в первый раз – орехи застучали, а больной перевернулся на другой бок. Провел во второй раз – орехи пуще прежнего гремят, больной проснулся, а глаз не открывает. Провел по ним в третий раз – орехи так загремели, будто по мостовой множество повозок катятся, а больной стонет и кричит:

– Ой-й, кто мне спать мешает?.. Ой-й...

И вот тут-то старичок встал с пола, подошёл к больному, взял его голову в руки и говорит:

– Это я тебе мешаю спать. Открой глаза свои, сынок, и взгляни на меня. Я с доброй вестью пришёл к тебе из дальних мест.

Открыл юноша глаза, посмотрел на старичка, быстро вскочил и взволнованно спросил:

– С какой вестью? От кого?

И сказал тогда старичок спокойным голосом:

– Сынок, не спеши всё знать. Вначале наберись сил, встань с тахты и сядь со мной колоть орехи. Будем вместе орехи колоть да сказку рассказывать, а потом скажу, кто я и с какой доброй вестью пришёл к тебе...

Послушался падишахский сын старика, встал с постели, сел на пол и стал орехи бить. А старичок ему и говорит:

– Сынок, обещай мне дослушать сказку, которую я тебе расскажу, до конца и никаких вопросов не задавать... Знай, терпение всегда одержит победу.

Пообещал юноша выслушать сказку до конца и никаких вопросов не задавать.

И рассказал старичок в первую ночь сказку о том, как двое молодых людей любили друг друга и хотели пожениться. Но случилось такое,

что падишах влюбился в эту девушку и силой забрал её к себе, а юношу заточил в зиндан.

Слушал-слушал падишахский сын сказку, а когда старичок рассказал о том, как злой падишах забрал себе в жены девушку, а её возлюбленного заточил в зиндан, не выдержал и вскрикнул:

– Да я такого падишаха сам бы убил. Как он мог разбить такую любовь... Разве есть на свете сила сильнее любви? А он, этот злой падишах, разбил такую любовь...

Старичок дал высказаться больному и многозначительно сказал:

– О, сынок, на свете ещё страшнее бывают истории, – а сам думает: «Значит, он болеет любовью».

Падишахский сын попросил старичка рассказать ему ещё сказки о любви.

Старичок лукаво усмехнулся, провел по своей рыжей бороде руками и сказал:

– О, сынок, не спеши. Другую сказку я тебе завтра расскажу. А сейчас ложись спать.

На следующую ночь старичок рассказал ему сказку о том, как бедный юноша влюбился в дочь падишаха и согласился работать на него семь лет бесплатно: только бы эта девушка стала его невестой.

«За семь лет или хозяин умрет, или ишак его сдохнет», – подумал юноша и согласился.

Множество различных непосильных работ выполнил юноша за семь лет. А когда время пришло свадьбу играть, падишах вызвал юношу и сказал ему так:

– Глупец, где это слыхано, чтобы дочь падишаха стала невестой какого-то там бездомного?

Но нет, не так-то легко было падишаху избавиться от влюблённого юноши. Нанялся он на работу к одному мудрецу, а вместо платы за работу решил научиться у него всяким премудростям. А когда выучился, пришёл снова к падишаху просить у него дочь замуж. Видит падишах, что так просто не отделаться от юноши, и предложил тогда ему отгадать три загадки:

– Если отгадаешь, то быть тебе моим зятем, если же нет, то лишишься, глупый, головы.

Задал падишах первую загадку. Юноша тут же отгадал её. Падишах

вскинул правую бровь и задал вторую. Отгадал юноша и вторую загадку. Падишах приподнял от досады и левую бровь и задал третью загадку. Тут юноша слегка призадумался, но всё-таки отгадал и её. Разгневался падишах, что какой-то оборванец умнее его, и приказал юношу казнить.

Обо всей этой истории услышала дочь падишаха. Она послала отцу записку, где писала: «Бедный, если он умён, богатым всегда станет».

Разгневался падишах на дерзкую дочь и приказал выгнать её из дворца. А юношу от казни добрые люди спасли.

Что и говорить, бедный юноша и дочь падишаха нашли друг друга и поженились, а вскоре так разбогатели, что злой падишах от досады и зависти скончался.

Выслушал больной эту сказку и говорит:

– Да, бедный юноша оказался молодцом. Он все муки и унижения выдержал ради своей любви.

А старичок слушает высказывания юноши, лукаво улыбается и радуется тому, что знает уже, чем юноша болен: любовь – это потеря рассудка. Но в кого он влюблён – пока не известно, а спросить старичок так и не решился. Пуганую лань и солнцем испугать можно.

А юноша тем временем окинул взором комнату и, убедившись, что его никто не подслушивает, очень тихо, почти шепотом, спросил:

– А не знаешь ли ты, добрый старичок, сказку о том, как сын падишаха влюбился в дочь нищенки?

Старичок так же, как и юноша, окинул комнату взглядом, будто бы тоже не хотел, чтобы их разговор кто-то подслушал, и сказал:

– Знаю, почему же нет. Но всему своё время, сынок... Ложись спать, скоро утро. А ночью я расскажу тебе и такую сказку.

Ничего не оставалось делать падишахскому сыну, он поверил доброму старичку и лёг спать.

А на третью ночь старичок рассказал ему сказку о том, как сын одного падишаха из далёкой страны отправился на охоту и в пути встретил девушку небывалой красоты. Влюбился он в неё, голову потерял. «Ну, – думает, – теперь-то и я женюсь на красавице». Но нет, не так-то просто было это сделать. Ведь у юноши был злой и жестокий отец. Запретил он сыну своему строго-настроено жениться на нищенке. Много раз просил сын женить его по любви на бедной девушке, но отец даже и слушать не

хотел. И решил тогда падишах скорее женить сына своего на дочери другого падишаха. Сыграли богатую свадьбу. Жили молодые год, другой, третий, но радости никакой в жизни не видели. Сын падишаха всё вспоминал бедную девушку, в которую он влюбился. Но годы шли и шли, а юноша так и ни разу не улыбнулся, не сказал жене своей ласкового слова. Говорят, что они и сейчас живут, да всё ругаются.

Закончил старичок свою сказку и ждет, что же теперь скажет падишахский сын. А он сидит и слова молвить не может. Вспомнил нищенку, в которую влюбился, и ком к горлу подкатил. Долго молчал он, будто боялся, что и с ним то же самое может случиться, что случилось с сыном злого и жестокого падишаха из сказки. Видит старичок, что юношу охватила грусть, и как бы невзначай спрашивает:

– А ты бы, сынок, как поступил?

Сын падишаха окинул комнату холодным взглядом и говорит:

– Я бы убежал от отца к той нищенке и жил с ней, как бы трудно ни жилось нам.

Сказал так юноша и заплакал.

Понял старичок, что падишахский сын влюблён в нищенку и поэтому потерял рассудок и заболел. Но в кого он влюблён, так и не успел узнать. Знал старичок, что в таких случаях нельзя спешить. Дал он возможность юноше наплакаться, а когда тот успокоился, предложил лечь спать. Лёг юноша в постель и пуще прежнего заболел: старичок своими рассказами его раны разбередил, и они вновь у него воспалились пуще прежнего, отчего ему стало намного хуже.

Пришёл тогда старичок к падишаху и попросил продлить срок лечения на сутки. Ничего не оставалось делать падишаху. Согласился он, а сам и верить перестал в хороший исход дела. А старичок между тем пришёл в покои больного, дождался, когда все уснули, разбудил падишахского сына и говорит ему:

– Вставай орехи колоть.

А тот сквозь бред ему и отвечает:

– Не нужны мне твои орехи и твои ядовитые сказки.

Старичок промолчал, а через некоторое время и говорит:

– Сынок, хочешь я тебе погадаю и скажу, о чем ты всё это время думаешь и чем мучаешь себя?

А тот сквозь бред ему и отвечает:

– Ничего ты мне толком не скажешь.

Старичок в ответ ему спокойно и говорит:

– Сынок, я знаю, что ты влюблён в одну красавицу. Но она живёт далеко отсюда...

Когда падишахский сын услышал слова старичка, то вскочил с постели и стал его спрашивать:

– Добрый человек, скажи мне, где она живет, и я поправлюсь.

А старичок опять спокойно говорит ему:

– Вначале, сынок, скажи мне, откуда ты её знаешь?

Посмотрел падишахский сын доброму старичку в глаза и затем рассказал всё, как было.

Старичок выслушал юношу, покачал головой и сказал:

– Значит, сынок, ты говоришь, что она нищенка и, ты не знаешь, кто она и где живет, и что отыскать её невозможно?

Юноша кивнул головой.

Старичок в ответ ему:

– А знаешь ли ты, что ничего невозможного на свете нет. Есть только разница: одни невозможности тут же делаются возможными, другие – чуть попозже, третьи – ещё позже. Через семь дней и семь ночей будет в твоём доме эта красавица... Только с условием, что ты больше болеть не будешь. Будешь все эти семь дней хорошо есть, поправляться... Посмотри, какой ты худой и бледный. Придет красавица, посмотрит на тебя такого тощего и бледного, и не приглянешься ты ей.

Пообещал падишахский сын сделать всё так, как велел ему старичок. А спустя некоторое время, юноша стал ходить по отцовским покоем и насвистывать весёлые песни, есть вкусные обеды и поправляться. А падишах тем временем разослал во все концы своих глашатаев с приказом, в котором говорилось:

«Все, кто знает лично или через кого другого место жительства нищенки, которая в такой-то день вместе со своей дочерью ходила из дома в дом в моем городе и попрошайничала, сообщить мне или же привести их самих, если таковое возможно... Кто выполнит этот приказ в недельный срок, будет щедро вознаграждён самим падишахом».

Разъехались глашатаи в разные поселения, а через несколько часов к падишахскому дому стали приходить бедные люди, которые вместе со своими дочерьми попрошайничали в указанный день. Их собралось так много, что яблоку негде было упасть. Тогда добрый старичок

велел слугам падишаха, чтобы те направляли пришедших под хейвун комнаты, где жил падишахский сын. А сам вывел его на хейвун и наказал искать среди пришедших свою возлюбленную.

С утра до вечера смотрели старичок и падишахский сын на проходивших внизу девушек. Много прошло в этот день под их хейвуном девушек: одна другой красивее. Но нет, не встретил падишахский сын среди них ту, в которую влюбился тысячами сердец.

И на второй день, и на третий не было среди красавиц той, единственной. И так прошло шесть дней, а его возлюбленная так и не явилась. Опечалились глаза юноши, грустным стал его взгляд, день вновь стал для него ночью, а ночь – адом. А падишах и его приближённые стали поговаривать между собой, мол, или юноше приснился сон, или он сошёл с ума.

...Пусть пока падишах и его приближённые судачат между собой, а мы расскажем вам о старике и старухе, в дочь которых влюбился падишахский сын.

А между тем старуха и дочь её по-прежнему ходили по разным поселениям и попрошайничали, а старый отец, так же как и раньше, нанимался к богачам выполнять различную грязную работу... Что и говорить, ни о каком падишахском приказе они не слышали, да и слышать не желали.

Они знали одно: ни падишах, ни его слуги ничем и никогда не помогут бедняку. Нужно надеяться только на Бога и на себя.

Но случилось такое, что в это утро дочь нищенки предложила матери сходить в тот самый город, где их разыскивали.

– Давно мы там не были, а потому нам будет удача, – сказала она.

Вскоре они шли по улицам этого города, стучались то в одни ворота, то в другие и просили милостыню. Когда они дошли до улицы, где стоял большой падишахский дворец, то увидели у дома огромную толпу людей. Девушке очень захотелось узнать, что же там такое происходит, и она попросила мать подойти к толпе.

Подошли они к толпе, а спросить, в чем дело, почему собрался народ, она не решилась. Но едва девушка прошла под хейвуном, как падишахский сын увидел её среди толпы и крикнул:

– Вот она, Вот она! – и от радости упал в обморок.

Обрадовался падишах, что наконец-то сын увидел свою возлюбленную, и велел тут же привести нищенку и её дочь во дворец.

Ведут слуги их, а нищенка плачет, из рук вырывается и страшным голосом кричит:

– Вай-вай, спасите!.. Я ничего не сделала... У меня есть муж... Вай-вай! Вай-вай!

А падишах успокаивает её и говорит:

– Милая сестрица моя, мой сын влюбился в твою дочь и заболел от этого. Я хочу эту красавицу взять в жены сыну моему.

Говорит так падишах и смотрит на девушку. А девушка прячет глаза свои, смущается и ещё красивее от этого делается.

Что и говорить, когда нищенка убедилась, что никто ни ей, ни её дочери плохого не желает, а, напротив, хотят им хорошего, сказала:

– У моей дочери есть отец... Пойду его спрошу.

Нарядили нищенку в богатые наряды, взвалили на плечо ей два хурджуна золотых монет на мелкие расходы и проводили к мужу, а дочь оставили при дворце и сказали, что она будет в полной сохранности до тех пор, пока родители не дадут согласия на её замужество.

Пришла нищенка в свою развалившуюся саклю вся наряженная, с полными хурджунами добра. Как увидел муж жену в дорогих наряды, испугался, стал протирать глаза – сон это или не сон. Стал он кричать не своим голосом:

– О Худо, спаси семью мою! Жена моя – колдунья. Вот уже тридцать лет с ней живу. Всё видел: холод и голод, скандалы и драки, но в таких наряды жену никогда не видел.

Жена засмеялась, глядя на мужа, и говорит:

– Эй, старый дурак, я пришла спросить тебя: хочешь ли ты породниться с падишахом?

Выслушал её муж, а понять так толком ничего и не понял. Ходит он по сакле и вместо того, чтобы радоваться такому счастью, кричит:

– Никакого падишаха я не знаю! Я сам здесь падишах. Тридцать лет, как падишах.

А жена ему опять пытается объяснить, но он так нечего и не смог понять. Да и откуда же ему понять?! Никогда он не смел даже подумать о том, что дочь его приглянется падишахскому сыну... Что и говорить, долго спорили в этот день отец и мать красавицы. А падишах тем временем назначил день свадьбы, сказав, что «радость на потом откладывать не позволено».

Пригласили хундекучи падишаха на свадебный пир множество гостей. Среди них падишахи из семи падишахств. И всех тех горожан, которые хоть малость старались помочь его горю, пригласил. А за своими новыми родными он отправил украшенную дорогами коврами карету.

Вскоре во дворце падишаха стали играть свадьбу. Какие только яства не украшали падишахские столы: жирный плов с индюшатиной, самые тонкие вина, различные фрукты и сладости. А своих бедных родственников падишах усадил на самом почётном месте в глубине комнаты. Сидят отец и мать невесты рядом, никак понять не могут, что же здесь происходит. Они не знали, как едят плов и как пьют вина. Сидят они и то и дело поглядывают друг на друга, улыбаются, на богатых гостей посматривают, а сами так ни к чему и не притрагиваются. Увидел это падишах и говорит им, мол, почему не едите? Ешьте!

А родители невесты отвечают ему:

– Да жить тебе множество лет, мы за такими столами не привыкли сидеть, мы такие обеды не знаем, как есть, ты нас лучше где-нибудь в сарае посади, угости нас луком, солью, кукурузной лепёшкой и поставь перед нами ведро воды.

Понял падишах, что лишние уговоры ни к чему не приведут, и сделал так, как просили его сватья.

Усадили их в сарае на бревнах, расстелили на пол скатерть и угостили всем тем, что они сами пожелали, а вместо воды ведро вина поставили. Едят они аппетитно лук с лепёшкой, вином запивают и падишаха добрым словом поминают.

А во дворе играют зурначи, бьют в барабан, а в сарае двести гусей криком исходят, места себе от свадебного шума не находят.

И тут жена говорит мужу:

– Эй, старый дурак, ты слышишь, как гуси кричат. Видимо, их блохи кусают. Давай скорее ешь и пойдем их искупаем в горячей воде – от блох избавим. Нашему доброму свату поможем, порадуем его.

Дело близилось к вечеру. Родители невесты разожгли в сарае печь, поставили на неё огромный петил с водой, а когда вода вскипела, стали они по одному окунать гусей в кипящую воду. До самого утра трудились муж и жена. Искупав всех гусей, жена сняла со своей головы гребень, стала расчесывать птиц и блох давить. А когда дело было сделано, она облегчённо вздохнула и сказала мужу:

– Ну вот видишь, старый дурак, как гуси успокоились, заснули. Теперь их блохи не будут кусать.

А гуси уже были мертвы.

– Устал я от работы, старуха, – говорит муж. – Давай немного поспим.

Легли они и тут же крепко заснули.

А утром, когда падишах вспомнил о своих сватях, отправился он в сарай, чтобы пригласить их в дом. Пришёл он к сараю, а тот изнутри крепко-накрепко закрыт. Стучит падишах, зовёт, ему никто не отвечает. Испугался падишах – не случилось ли чего? Велел он тогда нукерам взломать двери. Сказано – сделано. Взломали двери и видят: все двести гусей лежат мертвые, на печке всё ещё кипит петил, а в самом углу лежат в обнимку его сватья и сильно храпят. Понял падишах, в чем дело, разбудил их и говорит:

– О, мои дорогие сватья, я вам очень благодарен за труд и помощь, которую вы оказали мне – избавили гусей от блох... Я, право, не знаю, как вас и благодарить.

Радуются муж и жена, улыбаются, друг на друга поглядывают и поклоны падишаху отбивают.

Всякому делу приходит конец. Кончилась и свадьба, стали гости расходиться по домам. Пришло время матери и отцу невесты отправляться домой. Дал им падишах по два полных хурджуна золотых монет, сказав, что когда монеты кончатся, то он даст ещё, и отправил их домой.

Идут они час, другой, третий и видят: стоит у самой дороги одинокая сакля.

– Эй, старый, давай зайдем в саклю и воды попросим... Я пить очень хочу, – говорит жена.

Постучались они в дверь и попросили воды. А хозяева видят, что путники издалека идут, пригласили их в дом:

– Входите, будьте, как дома... Расскажите, где были, куда идёте.

Рассказали им муж и жена всё как есть и не забыли добавить, что падишах им дал по два полных хурджуна золотых монет и пообещал ещё дать, когда эти кончатся.

А хозяйская жена рассыпается в пожеланиях в адрес жениха, невесты и их родителей, а под конец и говорит:

– Ой, мои дорогие гости и уважаемые сватья великого падишаха,

я вижу, вам очень тяжело нести по два хурджуна – путь-то не близкий. Оставьте нам два хурджуна золотых монет, а сами по одному несите. Так вам будет легче.

Посмотрел муж на жену, а жена на мужа, да и говорят:

– А что, мы можем все четыре вам отдать. Нам эти золотые и вовсе не нужны. Мы даже не знаем, что с этими монетами делать.

Оставили они им все четыре хурджуна и отправились дальше в путь.

– Эй, старый, без этих золотых легче идти, не правда ли? – спрашивает жена.

– А я разве спорю, – отвечает муж.

Что и говорить, пришли они под крышу своей дряхлой сакли, отдохнули, а утром опять занялись делом: жена пошла по дворам просить милостыню, а муж, как и раньше, пошёл наниматься к богачам на работу.

А дочь их и сын падишаха стали жить, всем сердцем полюбив друг друга. А доброго старичка – спасителя юноши – падишах всё уговаривал остаться жить с ними.

– Будешь мне отцом, а детям моим – дедом, оставайся, – уговаривал падишах.

Но нет, не согласился старичок остаться. Отбив падишаху низкие поклоны, старичок сказал:

– Много ещё людей нуждаются в моих мудрых советах, и я не могу им не помочь.

И, пожелав благополучия падишахскому дому, ушёл странствовать по миру.

Говорят, что он и сейчас находится в пути. Так что все те, кто нуждается в помощи доброго и мудрого старичка, спешите отворить ему двери и усадить на самое почётное место в вашем доме, ибо он может пройти мимо.

Словарь терминов, собственных имён и непереводаемых слов

- Аббас** реальный персонаж: Аббас I (27.1.1571 – 19.1.1629), шах Ирана (с мая 1587) из династии Сефевидов, крупный военачальник. Популярный персонаж сказаний и легенд, где выступает, как правило, в качестве положительного героя
- Адат** обычное право, совокупность обычаев, которыми руководствуются народы Кавказа
- Аждага** мифологический персонаж, исполинский дракон с огнедышащей пастью, образ которого восходит к иранским эпическим традициям. В иранской мифологии Ажи-дахака – трёхглавый или шестиглавый дракон или иноземный царь – узурпатор, захвативший власть над Ираном. В наиболее распространённых мифах Аждага угрожает городу или стране гибелью. Чтобы спасти народ, ему регулярно отдают на съедение девушку. Герой побеждает Аждага, спасая очередную жертву (обычно падишахскую дочь), на которой и женится
- Азраил** ангел смерти. Наблюдает за умирающим, и отделяет душу от тела
- Амалдан** также дан-Амалдан: сказочный персонаж, всегда добрый и хитроватый мудрец, принимающий обычно образ бородатого гнома или старца
- Араги** водка
- Ашуг** народный поэт-певец
- Бекил** вельможа, высокопоставленное лицо
- Велиет** также вилайет: страна, провинция

Воку	открой, откройся
Гаравош	стражник, охранник
Данандей	сказочный персонаж: предсказатель, вещун, чародей, колдун
Данусменд	сказочный персонаж: всезнающий мудрец
Дервиш	нищенствующий отшельник-аскет. В народном фольклоре, как и другие религиозные чины, стал носителем как доброго, так и злого начал. Олицетворял всевозможных чудовищ, людоеда, колдуна, чародея, оборотня и т.д.
Долма	мясной фарш, завернутый в виноградные листья
Дэвы	в иранской мифологии: злые духи, звероподобные великаны, обитающие под землей и владеющие несметными сокровищами. Им противостоят добрые духи – ахуры. Дэвов бесчисленное множество, они служат верховному духу зла. Знаменитые богатыри борются с дэвами и побеждают их
Зе-куш	бей, убивай
Зурна	духовой язычковый музыкальный инструмент
Инчегуз	девушка из свиты сына или дочери падишаха, обязанная развлекать своего господина или госпожу
Кечал	сказочный персонаж: обычно, плут, пройдоха, ловкий мошенник, как правило, плешивый в уничижительном смысле
Кунзевер	почетное место в глубине комнаты
Люти	человек, ведущий разгульный образ жизни; кутила, забулдыга, мошенник, пройдоха, плут, гуляка
Магал	также махагал: жилой квартал
Мейдун	главная площадь города или селения. Место, где собираются для общения или решения дел
Нимаз	синагога
Охош!	возглас удовлетворения
Ошир	богатый человек
Пахлеван	акробат, канатоходец, смельчак, наездник, а в военное время воин-богатырь
Петил	чугунный котел

Рулада	исполненная в быстром темпе часть мелодии
Саз	струнный щипковый музыкальный инструмент
Сахтбош	закройся
Серови	также Сер-Ови: мифологический персонаж в образе белой, как снег, воздушной девы, охраняющей воду от загрязнения. Иногда Серови манит к себе и топит в воде молодых людей. Серови, по поверью, боится булата, поэтому, когда ночью идут за водой, берут какую-либо стальную вещь, либо носят на большом пальце булатные кольца. В темную ночь Серови преобразовывается и расстилается над водой в виде черного тумана
Старшина	судья, выборное лицо, уполномочен решать тяжбы и споры до определенной суммы
Сурхе-зар	золотом озари
Теп	музыкальный инструмент в виде цилиндра, обтянутый с одной стороны животной перегородкой
Тонур	круглая глинобитная печь с узким устьем для выпечки лепёшек. Лепешки прилепляют изнутри на горячие стенки тонура
Фахлебазар	место, где нанимались на поденную работу бедняки
Хейвун	балкон
Худо	имя Творца
Худо хармах ту!	бог в помощь, доброго пути
Хундекучи	зазывала, приглашающий гостей на пиршество
Хурджун	дорожная переметная сума
Хурмет	почет, уважение
Чарыки	вид обуви (род сандалий): кожаные полусапожки с загнутыми носками и завязками вокруг голени, тип поршней. Поршни: обувь, которая не шьется, а гнется (загнуть поршни) из одного лоскута сырой кожи или шкуры (с шерстью). Поршни носят летом, налегке или на покое
Чимечин	сказочная страна от искаженного названия китайской династии Цинь
Чувяки	мягкие кожаные туфли без каблуков с пришитой подошвой. В грязь или холод мужчины и женщины поверх чувяков (без подошв) надевают башмаки, открытые у пятки и закрытые у пальцев

Шагаду мифологический персонаж: нечистый дух, принимающий всевозможные образы. В подчинении Шагаду множество других духов, которые по его приказу вселяются в душу, и человек сходит с ума. Духи представляют собой существа, похожие на людей, но имеющие кривой рот с клыками по бокам, рожки и хвост, широкие ноги и руки с шестью сильными пальцами, расположенными веерообразно друг над другом, и длинными когтями

Шербет фруктовый прохладительный напиток

Эдем мифологическая страна, где, по библейскому рассказу, находился рай – место пребывания Адама и Евы, до изгнания их оттуда, по повелению Бога Яхве, в наказание за то, что они «вкусили плоды древа познания добра и зла»

Эней сказочный персонаж: колдунья, выступающая то в образе доброй феи, то злой и коварной ведьмы, нечто вроде Бабы-Яги

Яхве произносимое имя Бога

Идиомы и примечания к сказке...

Золотой сундук – стр. 10

Садиться на золу у холодного камина...

Народный обычай, связанный, видимо, с желанием человека убедиться в том, что он не стал жертвой демонов или нечистой силы. Если на золе появляется что-то вроде отпечатка петушиных лап, то это означает, что человек стал жертвой нечистых духов.

Пришёл сын бедняка к отцу друга и говорит...

Народный обычай, когда считалось, что детям говорить с родителями о браке «совестно», поэтому сын уведомлял отца о своем намерении жениться через близкого товарища.

К еде не прикоснись...

Народный обычай: не прикасаться к угощению, пока хозяин не выполнит просьбу гостя. Видимо связан с кознями Шагаду. Известно, что тот кто отведал еды или питья Шагаду, попадает под его власть, поэтому сначала гость хочет, чтобы хозяин выполнил его важную просьбу.

Надень на голову подаренную мной шапку-аракчи и знай, когда Всевышний пишет на Небесах свою Книгу Жизни...

Обращение к библейскому образу Илии-пророка. Согласно Талмуду, Илия, вознесенный живым на небо, принимает постоянное участие в земных делах, появляясь там, где срочно необходимо Божественное вмешательство. Он странствует по миру то в обличии благочестивого старца, то вовсе невидимкой, но всегда как ангел-хранитель праведников и мудрецов, выступая как добрый волшебник, выручающий героя из беды

Меошиерах призывал всех не уподобляться этой искусительнице, а брать пример с поднебесных птиц...

Обращение, подчеркивающее особое расположение Яхве к орлам: «Все птицы носят своих птенцов в лапах из страха перед птицей, летящей над ними, но орел опасается только человека, как бы тот не метнул в него стрелу, а сверху опасность ему не грозит, ибо

никакая птица выше его не летает...» По тексту сказки усиливает образ Илии-пророка, стремящегося открыть глаза на истину юноше и девушке, которые отделились от своего Божественного предназначения.

Седобородый старик бросил под ноги сына богача и его жены свой медный посох, который и, вправду, вмиг превратился в живую змею...

Продолжение основной темы, когда добро при участии Илии-пророка обязательно побеждает зло. Здесь используется библейский сюжет, когда народ роптал на Моисея, и Яхве в наказание послал на Израиль ядовитых змей, так что многие умерли, а оставшиеся в живых раскаялись, и тогда Моисей, по повелению Яхве, сделал медное изображение змея, и всякий ужаленный, взглянув на это изображение, исцелялся.

Рустам, сын Зола – стр. 32

Да быть мне твоей жертвой...

Пословица, отражающая, вероятно, верования иудеев в то, что можно подарить часть своей жизни другому человеку. Известно, что Адам, провидя смерть царя Давида в младенчестве, подарил ему семьдесят лет из своей жизни.

Под семь пластов земли...

Народное поверье, согласно которому ад находится в глубине земли под семью пластами, а рай – над седьмым небом. Небо представлялось воздушной массой, состоящей из семи «табага» – этажей. Каждый этаж отделяется от другого плотной перегородкой «перде» и предназначен для звезд, планет и ангелов. Над седьмым этажом стоит постоянный трон Всевышнего.

Связать горе свое в один узел...

Распространенное выражение, означающее набраться терпения, довериться судьбе.

Выпить чашу шербета...

Древний обычай, сопровождающий приношение клятвы верности и непоколебимости между джигитами.

Везир и три мудрых совета Бахлюля – стр. 49

Да быть срезанной моей бороде!

Выражение считается святой клятвой, ибо верующие обязаны были носить бороду; безбородые считались неверными Богу.

Землей не пахнет, а мертвецом лежит...

Народная поговорка: парафраз фразеологического оборота «ни жив – ни мертв».

Во галам, во салам!

Присказка: образный парафраз «Вот тебе сказка, а мне бубликов вязка».

Старик и Азраил – стр. 82

Да прожить тебе сто двадцать лет!

Древнееврейское поверье, означающее предельный срок человеческой жизни.

Путь длинный, как кишка шагаду...

Народное поверье, о том, что кишки шагаду не имеют ни конца и ни края; отражает то-мительность, тщетность какого-либо действия.

Белго и Маравшей – стр. 96

Огнём клянусь!

Клятва, связанная, видимо, с зороастрийским периодом. Зороастризм – религия единого Бога добра и света Ахура Мазда. Его антипод – владыка мрака Ангро Майнью, управляет своим воинством – дэвами. Согласно зороастризму, пространство и время бесконечно. Ахура Мазда в бесконечном времени выделил период в двенадцать тысяч лет, который разделил на отрезки по три тысячи лет. Сначала происходит творение идеально-го мира, затем создание материального мира. Все это время не прерывается борьба добра и зла, сил света и сил тьмы. Наступают последние три тысячи лет – в это время появляется Зороастр, силы зла терпят поражение, мир очищается огнём.

Гости подносят два стакана, один с мёдом, другой с маслом...

Народный обычай на свадьбе: при входе в дом жениха новобрачной подносят два ста-кана, один с мёдом, другой с маслом; невеста кладет свою правую руку в масло, а левую в мёд и должна немного помазать наддверной косяк обеими руками – это делается в знак бу-дущей благополучной и роскошной жизни.

Шить мешок из каменной шкуры...

Идиома, возникшая, вероятно, от древнееврейского «лежать в мешке», что означало по-пасть в безвыходное положение.

Справить овиль...

Народный обычай: неделя после похорон, в течение которой родственники не остав-ляют дома покойного ибо, по поверью, в продолжение недели душа не может привыкнуть с мыслью, что она лишилась своего жилища, и всё это время посещает дом, в котором жи-ла при жизни. Во всё продолжение недели родители усопшего сидят дома: мужчины там, где лежал покойник, а женщины – на женской половине, и никуда не выходят; поэтому и все знакомые их не покидают, а утешают и сочувствуют. На седьмой день родители или родственники покойного устраивают поминки, называемые «хайрат», и отпускают своих гостей, поблагодарив их за выраженное участие. Траур носится родственниками покой-ного в течение года. Иногда обряд похорон превращается чуть ли не в свадьбу, и все проводят траурные дни в веселье с танцами и пированьем. Это в том случае, когда умира-ет какой-либо почтенный старик или старуха, жившие около ста лет и имеющие несколько поколений потомков.

Ум и Счастье – стр. 128

Услышала дочь падишаха умную речь жениха и улыбнулась от радости...

Древнееврейская традиция, когда на свадьбе жених должен был продемонстрировать гостям свою образованность.

Играют зурначи, бьют в барабаны...

Традиционная народная музыка, сопровождающая значительные события, исполнялась в сочетании гармонии и тепа, либо зурны и барабана.

Мудрость отца – стр. 132

На старших сыновей надейся, а младшего не отпускай от себя...

Народное поверье, когда младший сын, на долю которого выпадает больше добрых дел, обычно считается умнее и смелее старших братьев и более любимым в семье, поэтому вся надежда родителей на обеспеченную и спокойную старость возлагается именно на младшего сына.

Шах Аббас и пахарь – стр. 167

Злые слова, выпущенные изо рта, страшнее пули и кинжала...

Парафраз язвительных слов Талмуда: «Десять мер болтовни спустились в мир: девять взяли женщины и одну – весь остальной мир».

Падишах и его бедные сватья – стр. 187

Сидеть у тахты больного...

Народный обычай, когда было принято во время болезни посещать дом недомогающего. Около больного ни днем, ни ночью не бывает менее двух-трех сиделок, потому как односельчане, как правило старики и старухи, заботливо ухаживают за больным, исполняя его малейшее желание, и даже остаются ночевать.

Оглавление

Предисловие	6
Золотой сундук	10
Рустам, сын Зола	32
Везир и три мудрых совета Бахлюля	49
Обиженного людьми судьба да вознаграждает	54
Старик и Азраил	82
Сапожник и шах Аббас	87
Белго и Маравшей	96
Ум и Счастье	128
Мудрость отца	132
Счастье бедняка - его дети	138
Яблоки добра и зла	146
Всему свое время... ..	152
Рассказы трех юношей	157
Шах Аббас и пахарь	167
Необыкновенные приключения юноши по имени Аслан	174
Падишах и его бедные сватья	187
Словарь терминов, собственных имен	199
Идиомы и примечания	203

Фольклор. Литературоведение

Амалдан Кукуллу

СКАЗАНИЯ ДРЕВНЕГО НАРОДА
Книга 1

Ответственный за выпуск Д.А. Кукулиев

Художник А.А. Сенин

Оформление В.Р. Орловский

Редактор Н.И. Постникова

Корректор Н.А. Самсонова

Компьютерный набор И. Никулина

Компьютерная верстка В. Васильев

Сдано в набор 29.07.03. Подписано в печать 10.12.03. Формат 70х100/16.

Бумага мелованная. Гарнитура Kogina. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,9. Уч. изд. л. 9,2. Тираж 1500 экз.

Издательство «Амалданик». 117342, Москва, ул. Бутлерова, 17Б

Отдел распространения: 506-45-09

